

Министерство образования и науки РФ
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

Ветошкина Ольга Владимировна

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
РАБОЧИХ ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
УДМУРТИИ В 1945-1950 ГГ.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:
к.и.н., профессор Т.Н. Ефремова

Ижевск

2010

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Регулирование трудовых отношений на оборонных предприятиях Удмуртии (1945-1950 гг.)	
1.1 Трудовое законодательство СССР в восстановительный период	27
1.2 Реализация государственной трудовой политики на оборонных предприятиях УАССР	37
1.3 Количественные и качественные характеристики рабочих оборонных заводов Удмуртии	65
Глава 2. Продовольственная проблема на оборонных заводах УАССР в 1945-1950 гг.	
2.1. Обеспечение продовольствием рабочих в условиях карточной системы.....	75
2.2. Снабжение продовольствием рабочих оборонных заводов УАССР (1947-1950 гг.).....	97
2.3. Развитие индивидуального огородничества и животноводства как негосударственных источников снабжения рабочих продовольствием	115
Глава 3. Социальные проблемы промышленных рабочих УАССР в 1945-1950 гг.	
3.1. Жилищно-бытовые условия рабочих оборонных заводов УАССР в восстановительный период	125
3.2. Медико-социальные характеристики рабочих оборонных заводов Удмуртии.....	143
4. Культурно-массовая работа среди рабочих оборонных заводов УАССР в 1945-1950 гг.	
4.1. Массово-политическая работа среди рабочих оборонной промышленности Удмуртии	163
4.2. Культурно-просветительская работа на военных заводах УАССР.....	183
Заключение.....	196
Список использованных источников и литературы	206

Введение

Актуальность исследования. Окончание Великой Отечественной войны повлекло за собой ряд изменений в социально-экономической политике СССР, которые были обусловлены необходимостью восстановления народного хозяйства страны и выбором приоритетов для дальнейшего экономического развития. Необходимость наращивания обороноспособности страны в условиях «холодной войны» определила доминанту послевоенной экономики – развитие оборонной промышленности.

Произошедшие за годы войны изменения в территориальном размещении предприятий оборонной промышленности в пользу восточных районов страны, эвакуация рабочих и служащих из западных и центральных районов страны, высокий уровень развития тяжелой промышленности позволили стать Уралу, и УАССР, в частности, одной из важнейших военно-промышленных баз страны и сохранить свое значение и в послевоенный период. Следует выделить ряд особенностей геополитического положения Удмуртии, благодаря которым она сыграла одну из важнейших ролей в послевоенной истории развития ВПК страны: выгодное географическое положение в центре страны, наличие развитых путей сообщения, в том числе и водных, значительная доля предприятий тяжелой промышленности в народном хозяйстве республики, традиционная ориентированность промышленного производства на выпуск военной продукции, исторически сложившаяся высокая концентрация оборонных заводов, которая усилилась в связи с эвакуацией в годы войны в республику значительного числа предприятий оборонного комплекса из западных регионов СССР, наличие значительного отряда квалифицированных рабочих, работавших на оборонных заводах республики.

Оборонные предприятия составляли основу тяжелой промышленности республики, играли важнейшую роль в развитии региона. Работа оборонных

заводов зависела не только от производственных процессов, но и от людей, работающих на этих предприятиях. Рабочие оборонной промышленности УАССР составляли значительную часть занятых в народном хозяйстве республики, и интересы этой группы рабочих, как обеспечивающих обороноспособность страны, занимали большое место в реализации социальной политики советского государства. Между тем, рабочие оборонных предприятий республики не стали предметом изучения в качестве отдельной группы рабочего класса региона, не были выявлены особенности социально-экономического положения, что обусловило интерес исследователя к данной теме. Без изучения рабочих оборонных заводов УАССР невозможно дать объективную характеристику особенностей социально-экономического развития региона в послевоенный период.

Объектом исследования являются рабочие заводов УАССР Наркомата вооружения СССР (с марта 1946 г. – Министерства вооружения СССР) в 1945–1950 гг.¹.

Предметом исследования – социально-экономическое положение рабочих оборонных заводов УАССР.

Хронологические рамки исследования ограничиваются периодом 1945–1950 гг., то есть периодом четвертой пятилетки, когда восстанавливалось народное хозяйство страны. В этот период в промышленности республики наблюдались тенденции как конверсии, так и реконверсии, во-многом повлиявшие на количественные и качественные характеристики рабочего класса. В эти годы подверглись изменениям подходы государства к формированию трудовых ресурсов, была отменена карточная система, был осуществлен ряд мероприятий, направленных на относительное улучшение материально-бытового положения населения. Следует отметить, что, несмотря на то, что хронологические рамки ограничиваются периодом с 1945 по 1950 гг., реализация исследовательских

¹ Наркомат вооружения СССР 15 марта 1946 г. был преобразован в одноименное министерство – Министерство вооружения СССР. В тексте диссертации будет использовано как первое наименование ведомства-при описании событий до 15 марта 1946 г., так и второе наименование.

задач потребовала в ряде разделов работы освещение аспектов и анализа проблем, выходящих за рамки заявленного временного периода.

Территориальные рамки исследования ограничены УАССР, в городах которых были расположены заводы: № 71 (Ижевский металлургический завод), № 74 (Ижевский машиностроительный завод), № 524 (Ижевский мотоциклетный завод), № 622 (Ижевский механический завод), завод № 235 (Воткинский машиностроительный завод).

Степень изученности проблемы. Отечественную историографию изучения проблемы социально-экономического положения рабочих оборонной промышленности в послевоенный период можно разделить на два больших блока: советскую и постсоветскую.

Первым исследованием, выявившем особенности функционирования военной промышленности СССР к началу мирного времени, стала монография Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», опубликованная в 1948 г. Подводя итоги развития народного хозяйства СССР к концу войны, Н.А. Вознесенский одним из первых выявил произошедшие изменения в структуре советской промышленности, рост удельного веса военного производства и всех отраслей промышленности, кооперированных с военными предприятиями. Им был проанализирован комплекс мер, направленных на создание относительно лучших условий работы на предприятиях военной промышленности: наиболее высокий уровень заработной платы, повышенные нормы снабжения продовольствием в условиях карточной системы².

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. появляются работы, в которых анализируются общие вопросы количественных и качественных изменений рабочего класса в послевоенный период, выявляются новые источники пополнения рабочей силы. Исследователями отмечалось, что восточные районы страны по темпам восстановления численности рабочих и служащих

² Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948.

опережали центральные и западные районы страны, и наиболее высокий рост численности рабочих и служащих наблюдался в отраслях тяжелой промышленности³. Следует отметить, что в исследованиях отсутствовали какие-либо упоминания о динамике численности рабочих военных отраслей народного хозяйства, это было связано с секретностью информации, которая так или иначе раскрывала особенности функционирования советского ВПК. Поэтому в советской историографии было возможным изучение общих особенностей развития тяжелой промышленности в целом, без выделения военных отраслей.

Новой проблемой, которая нашла свое отражение в работах А.В. Смирнова и А.В. Митрофановой, стало изучение качественных изменений рабочего класса в послевоенный период, в частности, уровня квалификации рабочей силы. Так, А.В. Митрофанова отмечала сохранение в промышленности значительной доли рабочих, занятых ручным трудом, с низким уровнем образования, а А.В. Смирнов, анализируя уровень квалификации у рабочих, занятых в тяжелой промышленности, считал, что в условиях серийного выпуска военной продукции в годы войны низкая квалификация не была препятствием для производства, а процесс снижения доли высококвалифицированных рабочих в первые послевоенные годы протекал при одновременном накоплении рабочих средней квалификации⁴.

По мере накопления и обобщения регионального материала по послевоенной истории рабочего класса в 1960-х – 1970 гг. были опубликованы исследования Г.А. Докучаева, В.А. Ежова⁵. В частности, Г.А. Докучаев подчеркивал, что послевоенный восстановительный процесс

³ Рашин А.Г. О численности и составе рабочего класса СССР в 1928–1955 гг. // Из истории рабочего класса и революционного движения. Сб. ст. М., 1958; *Он же*. Динамика промышленных кадров СССР за 1917–1958 гг. // Изменения в численности и составе советского рабочего класса. Сб. ст. М., 1961.

⁴ Митрофанова А.В. Развитие рабочего класса в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму (1938–1961) // Формирование и развитие советского рабочего класса (1917-1961). М., 1964; Смирнов А.В. Изменение численности и состава рабочих тяжелого машиностроения СССР в годы четвертой пятилетки (1946–1950) // Изменения в численности и составе советского рабочего класса. М., 1961.

⁵ Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в послевоенные годы. (1946–1950). Новосибирск, 1972; Ежов В.А. Рабочие Ленинграда в послевоенные годы (1940–1950 гг.). М., 1968.

протекал как на бывших оккупированных территориях, так и в тыловых районах, что было обусловлено общностью социально-экономических процессов в масштабах всей страны. Он выделил комплекс государственных мероприятий, направленных на закрепление рабочих в восточных районах страны: введение ряда льгот, более высокого уровня оплаты труда. В.А. Ежов впервые на примере рабочего класса г. Ленинграда проанализировал вопрос влияния войны, в частности, блокады, на изменение структуры заболеваемости рабочих в послевоенный период.

В 1960-е–1970-е гг. публикуются работы, посвященные изучению отдельных аспектов социальной политики советского государства в послевоенный период. На этом этапе вопросы анализа социальной политики не были предметом пристального изучения исследователей. Изучается узкий круг проблем: снабжение рабочих как в условиях нормированного распределения продовольствия, так и после ее отмены, выявляются недостатки в работе созданных отделов рабочего снабжения при заводах⁶. Выявляются источники улучшения материально-бытового положения рабочих. А.Н. Малафеев, анализируя социальные последствия массового снижения цен в 1947–1954 гг., отмечал, что, в первую очередь, в выигрыше оказались высокооплачиваемые категории трудящихся⁷.

В 1980-е годы появляются обобщающие работы по истории послевоенного периода, в которых выявлены итоги послевоенной пятилетки: изменение структуры промышленного производства за счет увеличения удельного веса отраслей группы «А», значительное отставание производства предметов потребления от потребностей общества, восстановление довоенной численности рабочего класса страны⁸.

⁶ Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968; Чернявский У.Г. Война и продовольствие: снабжение: снабжение городского населения в годы Великой Отечественной войны. М., 1964.

⁷ Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917–1963). М., 1964.

⁸ История социалистической экономики СССР в 7 т. Т.6. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма. 1946–начало 1960-х гг. М., 1980; История коммунистической партии Советского Союза. Кн. 2. Т.5. Основные проблемы истории упрочения и развития социализма в СССР. М., 1984; История СССР с древнейших времен до наших дней в 12 т. Т.11. Советский Союз на пути к развитому социализму, 1945–1961. М., 1980.

Наиболее значимой в ряду обобщающих исследований является четвертый том «Истории рабочего класса СССР», в котором на общесоюзном материале были выявлены происходившие в послевоенный период количественные и качественные изменения⁹. Характерными чертами послевоенного рабочего класса было сохранение высокого удельного веса вспомогательных рабочих, что было связано с низким уровнем механизации предприятий; высокий уровень текучести рабочей силы, значительное обновление рабочего класса за счет прихода на производство в годы войны женщин и подростков; сохранение значительной доли низкоквалифицированных рабочих. Характерной чертой советской историографии 1980-х гг. стало стремление продемонстрировать в исследованиях взвешенный подход к освещению положения рабочего класса страны в послевоенный период, не избегая упоминаний о негативных моментах послевоенной жизни.

Начиная с 1990-х гг., историографию, посвященную изучению послевоенного периода, отличает постановка целого ряда новых проблем. К ним следует отнести анализ степени влияния внешнеполитического фактора на расстановку приоритетов экономического развития страны, изучение формирования «комплекса надежд» в советском послевоенном обществе. Авторы приходят к выводу, что выделение ВПК как приоритетного направления развития советской экономики было вызвано необходимостью военного обеспечения СССР статуса сверхдержавы на мировой арене¹⁰. В этой связи актуальным становится обращение отечественных исследователей к вопросам развития оборонной промышленности страны. В частности, в

⁹ История советского рабочего класса в 6 т. Т.4. Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945–1960. М., 1987.

¹⁰ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001; Зубкова Е.Ю. Мир мнений советского человека (1945–1948) // Отечественная история. 1998. № 3; Она же. Историки и очевидцы: два взгляда на послевоенную историю // Свободная мысль. 1995. № 6; Она же. Мир мнений советского человека. 1945–1948. По материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. 1998. № 3; Она же. Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 г. // Отечественная история. 1995. № 3; Она же. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 2000; Она же. Сталин и общественное мнение в СССР 1945–1953 гг. // Сталинское десятилетие холодной войны. М., 1999; Пыжиков В. И. Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ // Вопросы истории. 2002. № 2.

трудах историков выявляются общие особенности организации оборонной промышленности, анализируются темпы роста военно-промышленного производства в 1945-1955 гг.¹¹ Исследовательский интерес целой группы ученых сосредоточен на выявлении новых аспектов протекания послевоенной конверсии. Историки приходят к следующим выводам: конверсия носила кратковременный характер, и послевоенное восстановление экономики происходило не за счет высвобождения финансовых средств из ВПК, а путем ухудшения материального положения населения страны¹². И.В. Быстрова считает, что, если в период с 1945 по 1948 гг. в советской экономике наблюдались тенденции к демилитаризации советской экономики, выразившиеся в сокращении вооруженных сил и уменьшении военных расходов, то, начиная с 1948 г., происходит сокращение планов производства гражданских изделий и наблюдается рост военных заказов¹³.

Особенностью работ, освещающих вопросы социальной политики государства в послевоенный период, является смещение акцентов изучения: от изучения политики «сверху» к рассмотрению ее «снизу» – от анализа партийных документов к выявлению реакции населения на проводимую социальную политику.

Некоторые исследователи, анализируя общие вопросы социальных приоритетов власти в послевоенный период, подчеркивают их декларативный характер и подчиненность экономическим и внешнеполитическим приоритетам¹⁴. Так, В.Ф. Зима считает, что причиной голода 1947 г. был не столько неурожай, сколько последовательная

¹¹ Отечественный военно-промышленный комплекс и его историческое развитие. М., 2005; *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996; Советское общество: будни холодной войны: материалы «круглого стола». Институт Российской истории РАН, 29 марта 2000, Арзамас, 2000.

¹² *Барабанов В.А.* Конверсия российского ВПК: исторический опыт и проблемы // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 1; *Безбородов А.Б.* Власть и ВПК в СССР в середине 1940-х–середине 1970-х гг. // Советское общество: будни холодной войны. М., 2000; *Лельчук В.С., Молодцыгина М.А.* Послевоенная конверсия // СССР и холодная война. М., 1995; *Савицкий И.М.* Оборонная промышленность Западной Сибири (конец 1930-х – середина 1960-х годов) // ЭКО. 1999. № 8; *Чуднов И.А.* Планы и реалии послевоенной конверсии // ЭКО. 2002. № 11.

¹³ *Быстрова И.В.* Военно-экономическая политика СССР: от «демилитаризации» к гонке вооружения // Сталинское десятилетие холодной войны. М., 1999.

¹⁴ Россия: государственные приоритеты и национальные интересы. М., 2000.

политика государства, направленная на наращивание военно-экономического потенциала страны¹⁵. Большой интерес исследователей вызывает функционировавшая до 1947 г. система нормированного распределения продовольствия и промышленных товаров. В исследовании Е.А. Осокиной раскрывается влияние снабженческо-распределительного механизма на социальную структуру общества, а Л.С. Ващук полагает, что функционирование жестко-централизованной распределительной системы при крайне низких жизненных стандартах послевоенного общества, в целом соответствовало мировоззренческим устоям советских людей¹⁶.

Влияние денежной реформы 1947 г. на положение различных категорий населения выявлено в работах Ю.А. Аксенова, А.О. Улюкаева, В.В. Попова, Н.А. Чуднова, О.В. Хлевнюка¹⁷. Ю.А. Аксенов и А.О. Улюкаев отмечали, что денежная реформа наиболее негативно сказалась на материальном положении высококвалифицированных рабочих. В.В. Попов считает, что реформа была направлена на повышение значения заработной платы при одновременном уменьшении доли рыночных доходов городского и сельского населения. Ее итогом стал приток новых рабочих и служащих в промышленность.

В последнее время публикуется ряд исследований, посвященные анализу послевоенной демографической ситуации в стране¹⁸. В них выявляется

¹⁵ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996, *Он же*. Послевоенное общество: голод и преступность (1945–1946) // Отечественная история. 1995. № 5; *Он же*. Второе раскулачивание (аграрная политика конца 1940-х – начала 1950-х годов) // Отечественная история. 1994. № 3; *Он же*. Социология бесправия. Реакция сталинской юстиции на голод в СССР в 1946–1947 гг. // Социологические исследования. 1999. № 2

¹⁶ Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке. (Середина 40–80 годов XX века). Владивосток, 1998; Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». М., 1998.

¹⁷ Аксенов Ю.А., Улюкаев А.О. О простых решениях непростых проблем. Денежная реформа 1947 г. // Коммунист. 1990. № 6; Попов В.В. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. № 3; Хлевнюк О.В. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х гг. и «дело Госплана» // Отечественная история. 2001. № 3; Чуднов Н.А. Денежная реформа 1947 г. глазами современников // Социологические исследования. 1999. № 2.

¹⁸ Андреев Е.М., Дарский Е.Л., Харькова Г.Л. Демографическая история России. 1927–1959. М., 1998; Население России и СССР: Новые источники и методы исследования. Екатеринбург, 1993; Кваша А.Я. Демографические потери СССР во второй мировой войне // Вестник МГУ. Серия. «Экономика». 1993. № 4; *Он же*. Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. 2003. № 6; Козлов В.И. Динамика населения СССР (общий и этнодемографический обзор) // История СССР. 1991. № 5; Попов В.П. О численности населения РСФСР в 1940-е годы и причинах ее изменения // Деревни Центральной России: история и современность. М., 1993.

влияние социально-демографических последствий Великой Отечественной войны на состояние послевоенных трудовых ресурсов: общее снижение численности трудоспособного населения, нарушение пропорций между мужчинами и женщинами, сокращение численности мужчин наиболее трудоспособного возраста вследствие военных потерь, снижение естественного прироста населения. Медико-социальная проблематика послевоенного времени достаточно подробно изложена во втором томе коллективной монографии «Население России в XX веке. Исторические очерки»¹⁹. Авторы выявляют основные изменения в структуре заболеваемости и смертности у рабочих и служащих в послевоенное время.

Публикуются работы, выявляющие неизученные в рамках советской историографии особенности государственной политики в сфере трудовых отношений. П.Н. Кнышевский считает, что прикрепление рабочих к предприятию стало одним из наиболее действенных механизмов тотальной мобилизации в рамках законченной системы казарменной экономики²⁰. И.Я. Киселев, отмечает, что послевоенное трудовое законодательство во-многом сохраняло в себе черты военного времени, так как отмена чрезвычайных мер по использованию рабочей силы, принятых в военные годы, соседствовала с сохранением уголовной ответственности за нарушение трудовой дисциплины²¹.

Важную роль в освещении проблем социально-экономического положения рабочих как Урала, так и Удмуртии, в частности, сыграла региональная историография.

В «Истории народного хозяйства Урала», опубликованной в 1990 г., впервые была предпринята попытка выявить факторы, затрудняющие проведение послевоенной конверсии в уральском машиностроении: изношенность оборудования, возникавшие сложности в снабжении

¹⁹ Население России в XX веке: исторические очерки / Отв. ред. Ю.А. Поляков. В 3-х т. Т.2. 1940–1959. М., 2001.

²⁰ Кнышевский П.Н. Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2.

²¹ Киселев И.Я. Трудовое право в тоталитарном обществе (из истории права XX века). М., 2003.

предприятий сырьем, топливом и прочими ресурсами, отсутствие чертежей для производства мирной продукции. Авторы приходят к выводу, что послевоенный дефицит трудовых ресурсов на Урале, возникший вследствие реэвакуации квалифицированных кадров, ухода рабочих на пенсию, отмены системы трудовой мобилизации, крайне негативно повлиял на общую работу промышленности, вызывая дезорганизацию производства, ухудшение трудовой дисциплины, снижение качества выпускаемой продукции²².

М.Т. Крючков считает, что, несмотря на то, что перед Уральским регионом не стояла проблема восстановления довоенной численности рабочего класса, из-за снижения уровня механизации ряда отраслей, промышленность Урала нуждалась в большом количестве рабочих и служащих²³.

В последнее время в региональной историографии поднимаются неизученные ранее темы функционирования закрытых городов Урала как части советского ядерного комплекса, реализации социальной политики на предприятиях Уральского ВПК²⁴.

В конце 1950-х гг. – начале 1960-х гг. были опубликованы исследования по истории УАССР, в которых раскрывались особенности социально-экономического развития республики в послевоенный период, в частности, акценты были сделаны на выполнении четвертого пятилетнего плана развития народного хозяйства, на достигнутых успехах в промышленности к концу 1940-х гг.²⁵

В рамках современной историографии получили развитие новые темы, одна из них – выявление последствий доминирующего развития тяжелой

²² История народного хозяйства Урала (1946–1985): в 2 ч. Ч.2. Свердловск, 1990.; Крючков М. Т. Рабочий класс Урала в послевоенные годы. (1946–1958). Свердловск, 1988.

²³ Крючков М.Т. Рабочий класс Урала в послевоенные годы. (1946–1958). Свердловск, 1988.

²⁴ Кузнецов В.Н. Общественно-политическая жизнь в закрытых городах Урала (вторая половина 1940-х–первая половина 1950-х гг.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004; Мельникова Н.В. Формирование менталитета населения закрытых городов Урала (вторая половина 1940-х–1960-е гг.) Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001; Хомутова Н.С. Социальная инфраструктура оборонно-промышленного комплекса на Урале в 1945–1955. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2007.

²⁵ Очерки истории УАССР. В 2 т. Т.2. Ижевск, 1962; Удмуртия за 40 лет Советской власти. Ижевск, 1957; 40 лет Удмуртской АССР. Ижевск, 1960.

промышленности на социально-экономические процессы в республике в послевоенный период. По мнению исследователей, приоритетное развитие тяжелой промышленности в ущерб отраслям легкой промышленности и сельского хозяйства провоцировало рост социальной напряженности в обществе²⁶.

Особое место в историографии проблем рабочего класса Удмуртии в послевоенный период занимают работы А.И. Суханова. Ему принадлежит первое комплексное исследование истории рабочего класса республики на примере металлургической и машиностроительной отраслей республики. Работы А.И. Суханова базировались на изучении архивных материалов оборонных предприятий республики. Он выявил качественные и количественные изменения в рабочем классе республики в послевоенное время: сокращение доли высококвалифицированных рабочих при одновременном накоплении рабочих средней квалификации, улучшение возрастных характеристик рабочего класса: сокращение доли подростков и увеличение числа рабочих наиболее трудоспособных возрастов. Им были проанализированы изменения форм пополнения рабочей силы. А.И. Суханов, отмечая сокращение численности рабочих на промышленных предприятиях республики, продолжавшееся вплоть до 1949 г., связывал этот процесс с эвакуацией и отменой системы трудовой мобилизации²⁷.

Подводя итог, следует отметить, что несмотря на разработанность в советской историографии темы истории рабочего класса страны в целом, вопросы социально-экономического положения рабочих оборонной промышленности в послевоенный период не нашли должного отражения ни в советской историографии, что было вызвано секретностью информации, раскрывающей особенности работы оборонно-промышленного комплекса

²⁶ История Удмуртии. XX век. Ижевск, 2005.

²⁷ Суханов А.И. Изменение в составе рабочего класса УАССР в 1946–1963 гг. (по материалам Ижевского металлургического завода) // Ученые записки: История СССР. Всеобщая история. Ижевск, 1967. Вып.15; Он же. Рабочий класс Советской Удмуртии. 1917–1980 гг. Автореферат дисс... докт. ист. наук. М., 1988; Он же. Рабочий класс Удмуртской АССР в 1946–1965 гг. (количественные и качественные характеристики). Автореферат дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 1967; Он же. Рабочий класс Удмуртии (1917–1970). Ижевск, 1979.

страны, ни в современной, что связано с отходом от прежней методологии, переориентацией исследований на изучение новых вопросов, не нашедших своего отражения в литературе. В трудах отечественных исследователей остался неизученным ряд вопросов, касающихся рабочих оборонной промышленности, в частности, особенности реализации государственной политики в области регулирования трудовых отношений, механизмы поддержания трудовой дисциплины на оборонных заводах; особенности продовольственного снабжения рабочих в условиях карточной системы и после ее отмены, жилищно-бытовые условия; основные направления культурно-просветительской работы. Малоизученным в историографии остался вопрос выявления особенностей реализации социальной политики государства в отношении рабочих на уровне регионов. Таким образом, исследование социально-экономического положения рабочих оборонных предприятий Удмуртии позволит заполнить эту историографическую лакуну.

Целью исследования является изучение особенностей социально-экономического положения рабочих оборонной промышленности Удмуртии в послевоенный период.

Раскрытие данной темы предполагает постановку и решение следующих исследовательских **задач**:

- выявить изменения в регулировании трудовых отношений, особенности функционирования послевоенного трудового законодательства, формы пополнения рабочей силы, причины текучести рабочей силы, количественные и качественные характеристики;
- проанализировать основной комплекс жилищно-бытовых и медико-социальных проблем рабочих оборонных заводов;
- оценить изменения в продовольственном обеспечении рабочих;
- определить основные направления и результаты массово-политической и культурно-просветительской работы на предприятиях.

Источниковая база исследования. Для решения поставленных задач были использованы неопубликованные и опубликованные источники.

Основной комплекс документов органов законодательной и исполнительной власти сосредоточен в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики – ЦГА УР.

Большое значение в процессе изучения поставленной темы имеют документы, сосредоточенные в фонде Совета Министров УАССР (ф. Р–551). Изучение постановлений Совета Министров СССР, РСФСР, адресованных Совету Министров УАССР, затрагивающих вопросы проведения организованного набора рабочей силы на предприятиях, распределения контингентов, снабжаемых хлебом в период существования карточной системы, проведения санитарно-эпидемиологических мероприятий позволяет выявить целый комплекс проблем в экономической, социальной сферах. Эти документы носили гриф «секретность» и были недоступны для широкого круга исследователей. Анализ постановлений помогает выявить четкую расстановку приоритетов в социально-экономической жизни региона, а именно обеспечение необходимых условий для работы оборонных заводов республики.

Определить политику государственных структур, направленную на обеспечение производства необходимой рабочей силой, в частности, проанализировать социальные последствия применения принудительных форм привлечения рабочей силы (трудовой повинности и трудовой мобилизации) позволяют материалы фонда Бюро по учету и распределению рабочей силы при СНК УАССР (ф. Р–906). Изучение докладных записок в Президиум Верховного Совета УАССР, постановлений, распоряжений и разъяснений СНК СССР и РСФСР и Комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР дает возможность выявить сложившийся к концу войны комплекс проблем в системе трудовой мобилизации: истощенность трудовых ресурсов УАССР; к тому же тяжелый физический труд мобилизованных, неудовлетворительные жилищно-бытовые условия влекли за собой частые случаи нарушения трудовой дисциплины в виде самовольного ухода с работы. На основе изучения документов можно

сделать вывод о том, что начавшийся после окончания войны процесс освобождения от работы этой категории рабочих был необходимым звеном в процессе отказа от милитаризованной модели трудовых отношений.

В послевоенный период основными формами привлечения на производство рабочей силы стали проведение организованного набора рабочей силы и использования труда выпускников школ фабрично-заводского обучения и ремесленных училищ (далее ФЗО и РУ). Материалы фонда Управления Совета Министров УАССР по труду (ф. Р-1135), занимавшегося как проведением организованного набора рабочей силы для промышленных предприятий республики, так и распределением выпускников ФЗО и РУ, позволяют охарактеризовать социально-экономическое положение этих групп рабочих, выявить основные возникающие проблемы трудового использования, материально-бытового положения. В фонде содержатся сведения о фактах нарушения добровольности при заключении трудовых договоров с колхозниками, материалы комиссий по обследованию условий жизни принятых на завод рабочих (как выпускников ФЗО и РУ, так и по оргнабору), данные об использовании на производстве выпускников ФЗО и РУ.

В годы Великой Отечественной войны в республику было эвакуировано значительное число рабочих и служащих из центральных и западных регионов страны, которые в основном были трудоустроены на предприятиях Наркомата вооружения СССР. Необходимость выявления особенностей проведения послевоенной реэвакуации, потребовала изучения материалов Переселенческого отдела при Совете Министров УАССР (ф. Р-755). Анализ распорядительной документации, характеризующей основные тенденции регулирования властными органами реэвакуационного процесса, позволил сделать, что при проведении реэвакуации людей, в первую очередь учитывались приоритеты оборонной промышленности, требовавшей сохранить на предприятиях квалифицированные кадры из числа эвакуированных.

Ежемесячные конъюнктурные обзоры санитарно-эпидемиологического состояния г. Ижевска с 1943 по 1949 гг. содержатся в фонде исполкома Ижевского городского Совета депутатов трудящихся (ф. Р.-177). Они составлялись ежемесячно старшим начальником санитарно-эпидемиологической станции и отправлялись в Наркомат здравоохранения УАССР. В числе сведений, входящих в конъюнктурный обзор, были данные о социальном статусе заболевших: рабочие, школьники, учащиеся РУ и ФЗО, детсадовцы, «неорганизованные дети». Данные по заболеваниям среди рабочих в основном представлены по отдельным заводам (заводы № 71, 74, 524, 622). В некоторых обзорах рабочие отдельных заводов объединены в одну категорию. Эти сведения позволяют охарактеризовать санитарно-эпидемиологическое состояние рабочих оборонных заводов по республике в целом.

Документы органов партийной власти представлены в фондах Центра документации новейшей истории Удмуртской Республики – ЦДНИ УР.

Информация об основных социально-экономических тенденциях развития послевоенной Удмуртии представлена в материалах фонда Удмуртского обкома КПСС (ф. 16). Наиболее интересными для понимания ключевых моментов социально-экономической жизни, требующих постоянного контроля со стороны партийных структур, являются материалы Особого сектора. В них содержится самая разнообразная информация от снабжения хлебом населения и ценах на продовольствие на городских и сельских рынках до закрепления рабочих на производстве и реакции рабочих оборонных заводов на повышение пайковых цен.

Значительный интерес представляют документы фонда Удмуртского обкома КПСС, посвященные отмене карточной системы: докладные об уровне отоваривания продовольственных карточек; протоколы заседаний бюро Удмуртского обкома ВКП(б) о подготовке торговой сети республики к торговле без карточек; письмо Удмуртского обкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б) с просьбой выделить республике дополнительные фонды муки (накануне

декабря 1947 г.); информационные сводки Удмуртского обкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б) о состоянии торговли в первые дни после отмены карточной системы; сведения об очередях, рыночных ценах на основные продукты питания; стенограмма республиканского совещания секретарей горкомов и райкомов первичных партийных торгующих организаций, на котором обсуждались проблемы культурного обслуживания покупателей, недостатка ассортимента хлебобулочных и колбасных изделий после отмены карточной системы.

Следует выделить документы отдела торговли и общественного питания Удмуртского обкома ВКП(б), позволяющие осветить складывающиеся механизмы хищений в торговой сети, и в частности в отделах рабочего снабжения оборонных заводов республики: докладные ОРСов о фактах растрат, хищений, недостач, сменяемости материально-ответственных лиц: директоров магазинов, продавцов; итоги проверки работы народных судов по рассмотрению ими уголовных дел по растратам и хищениям.

Различные аспекты политико-массовой работы среди населения содержатся в отчетах, докладных записках, информации горкомов и райкомов в обком ВКП(б) о состоянии массово-политической работы и лекционной пропаганде в городах республики, в отчетах о работе лекторских групп обкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б).

Особняком стоит фонд Уполномоченного комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) по УАССР (ф. 228). Уполномоченные комиссии выступали независимыми от местной партийной номенклатуры наблюдателями и контролерами. В их задачу входило информирование партийного руководства страны (секретаря ЦК ВКП(б) Г.И.Маленкова), председателя комиссии партийного контроля (А.А. Андреева) и региональную власть—секретаря Удмуртского обкома ВКП(б) А.П. Чекинова о наиболее сложных проблемах в социально-экономической жизни республики. В их отчетах указывались основные трудности, предполагаемые виновники и принятые местными органами власти меры по разрешению

сложившейся ситуации. Также в этом фонде отложились письма, жалобы эвакуированных рабочих в КПК при ЦК ВКП(б), стремящихся получить разрешение на реэвакуацию.

В фондах Ижевского городского комитета (ф. 54) и Воткинского городского комитета КПСС (ф. 724) содержится характеристика основных направлений политической работы среди рабочих оборонных заводов (информационные отчеты об агитационно-пропагандистской работе на заводах). К сожалению, на сегодняшний день исследователи лишены возможности изучить все аспекты взаимоотношений между рабочими и администрацией заводов, т.к. в ЦДНИ УР были уничтожены заявления и жалобы трудящихся 1945–1950 гг. Так, например, в фонде Воткинского горкома (ф. 724) не доступны для исследователей жалобы и заявления, поступившие по бытовым вопросам за 1945-1950 гг., материалы о работе здравоохранения, подсобных хозяйств, о работе торгующих организаций и общественного питания за 1947 г.

В ходе работы были использованы протоколы заседаний партийных комитетов, отчеты, стенограммы партийных конференций оборонных заводов республики: заводов № 71 (ф. 273), № 74 (ф. 155), № 235 (ф. 923), № 524 (ф. 306), № 622 (ф. 443).

В этих источниках нашел свое отражение целый пласт информации социально-экономического и культурного плана: условия закрепления рабочих кадров на производстве, производственные и бытовые условия жизни рабочих, случаи перебоев в снабжении хлебом, состояние культурно-массовой работы, работа по ликвидации неграмотности, факты соблюдения религиозных обрядов.

Делопроизводственная документация представлена в фондах оборонных заводов: № 74 (ф. Р-543), № 71 (ф. Р-1467), № 235 (ф. Р-785), № 524 (ф. Р-1276), № 622 (ф. Р-1458).

Важнейшее значение для исследуемой темы имеют профсоюзные материалы: протоколы заседаний заводских комитетов, протоколы общих

профсоюзных собраний по цехам, ежегодные отчеты о работе заводских комитетов, стенограммы заводских отчетно-профсоюзных конференций. Выявление различных аспектов регулирования трудовой дисциплины стало возможным на основании изучения комплекса документов: ежеквартальных отчетов заводов уполномоченному Госплана СССР по УАССР в Управление металлургическим производством Министерства вооружения СССР о численности и движении рабочих предприятия, годовых отчетов о работе заводов, направляемых Министерству вооружения СССР, приказов директоров заводов, переписки администрации заводов с Удмуртским республиканским Управлением Министерства трудовых резервов, отчетов о выполнении приказов министра вооружения СССР о проверке состояния условий труда молодых рабочих, справок о закреплении на производстве молодых рабочих, переписке заводов с ФЗО и РУ, отчетов заводов в Удмуртское республиканское Управление трудовых резервов о мерах по улучшению жилищно-бытовых и производственных условий молодых рабочих.

Годовые отчеты о работе заводов содержат сведения об источниках набора рабочей силы на предприятия, данные о текучести рабочей силы: причинах увольнения, распределении по месяцам случаев нарушения трудовой дисциплины: прогулов, выхода на работу в нетрезвом состоянии, длительных прогулов, ухода с предприятия без полученного разрешения администрации. Особая статистика велась по выявлению движения вновь поступивших на предприятия молодых рабочих, бывших выпускников ФЗО и РУ.

Оборонные заводы имели особый статус «режимных объектов». и поэтому особое внимание уделялось проверкам «благонадежности» работающих на заводе. В фонде завода № 71 (ф. Р-1467) отложились сведения о ходе проверки, удалении «социально-чуждых элементов» и допуске вновь поступивших на предприятие к работе.

Изучение ежеквартальных отчетов заводов о несчастных случаях, направляемых в отдел техники безопасности и охраны труда Министерства вооружения СССР, позволяет выявить сведения о динамике производственного травматизма, распределении несчастных случаев на производстве по их тяжести.

Количество проживающих в домах, средняя норма жилой площади, наличие жилого фонда и его характеристика содержится в справках жилищных отделов заводов в жилищный отдел Министерства вооружения СССР.

Ежегодные отчеты отделов рабочего снабжения заводов в Главное Управление по рабочему снабжению (далее ГлавУРС) Министерства вооружения СССР и ЦСУ Госплана СССР позволяют проанализировать структуру товарооборота, выявить соотношение централизованных и децентрализованных источников поступления продовольственных фондов, данные о растратах и хищениях в системе ОРСов.

Обращение к материалам фонда Статистического управления УАССР (ф. Р-845) помогло осветить основные тенденции распределения рабочих в системе народного хозяйства республики, проследить основные изменения половозрастной структуры работающих на заводах Министерства вооружения СССР. Кроме того, материалы единовременных обследований по труду и зарплате промышленных предприятий позволяют составить представление о разнице в уровне заработной платы между различными министерствами и ведомствами.

Большое значение для проводимого исследования имеют опубликованные документы и материалы (постановления, приказы, решения государственных и партийных органов). В первую очередь, постановления и распоряжения правительства, материалы съездов ВКП(б), партийных конференций, Пленумов ЦК ВКП(б), ВЛКСМ, ВЦСПС, директивные и информационные указания, резолюции, письма и циркуляры

различных ведомств²⁸. Важное место занимает анализ указов Президиума Верховного Совета СССР и постановлений СНК СССР, принятых накануне и в годы Великой Отечественной войны, позволяющих выявить сложившуюся законодательную базу, правовые механизмы, регулирующие трудовые отношения к началу послевоенного периода: восьмичасовой рабочий день, обязательные сверхурочные работы, запрещение самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий, замена отпусков денежными компенсациями, введение уголовно-правовых мер наказания за нарушение трудовой дисциплины. Особый интерес представляют документы, позволяющие выявить произошедшие изменения в сфере регулирования трудовых отношений в послевоенный период: отмену обязательных сверхурочных работ, нормализацию трудового режима.

Анализ постановлений Совета Министров СССР, посвященных улучшению социальной сферы рабочих и служащих, занятых на предприятиях Урала, Сибири и Дальнего Востока, позволяет составить представление о политике государства по сохранению на предприятиях эвакуированных рабочих.

На протяжении трех послевоенных лет продолжала существовать карточная система распределения продовольствия, введенная в годы войны. Поэтому большое значение имеют документы, позволяющие выявить особенности функционирования карточной системы, сложившиеся приоритеты снабжения, и причины ее отмены в 1947 г.

Важное место занимают постановления СНК и ЦК ВКП(б), посвященные развитию индивидуального огородничества и животноводства, раскрывающие роль децентрализованных источников снабжения в обеспечении населения продовольствием. Безусловный интерес

²⁸ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, 1917–1957 гг. Сборник документов в 4 т. Т.3. 1946–1952 гг. М., 1958; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.8. 1946–1955. М., 1985; Промышленность и рабочий класс СССР, 1946–1950. Документы и материалы. М., 1989; Профсоюзы СССР. Документы и материалы в 4-х т. 1905–1963 гг. Т.3. Профсоюзы в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму. (1937–1952 гг.). М., 1963; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет, 1917–1967 гг. в 5 т. Т.3. 1941–1952 гг. М., 1968; Сборник важнейших законов и постановлений о труде. Сост. И.С. Дворников. М., 1958.

представляют документы, опубликованные в сборнике «Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР.1945-1953», на основании которых можно изучить особенности проведения партийными органами разъяснительной работы с представителями партийного актива страны по поводу повышения пайковых цен на хлеб осенью 1946 г.²⁹

Во втором томе «Хрестоматии по истории Удмуртии», опубликованной в 2007 г., впервые на материале заводов Наркомата вооружения СССР раскрываются такие социальные проблемы послевоенного времени как тяжелое материально-бытовое положение выпускников ФЗО и РУ, переданных на предприятия, высокая текучесть рабочей силы, рост числа нарушителей трудовой дисциплины³⁰.

Большое значение для исследования имеют статистические источники и справочники, в которых содержатся сведения по многим социальным аспектам послевоенной жизни³¹.

Использованные в работе источники взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга. Представляется, что рассмотренный комплекс документов позволяет разносторонне осветить заявленную тему исследования, решить задачи, поставленные в диссертации.

Методологической основой исследования являются принципы историзма и объективности. Изучение социально-экономического положения рабочих оборонной промышленности невозможно без учета места и роли рабочих в социально-экономической жизни общества в рассматриваемый послевоенный период, обусловленного влиянием факторов политического, экономического, социального характера. Принцип научной объективности требует всестороннего анализа источников и литературы. В ходе работы была использована система общенаучных методов (анализ, синтез, классификация), система методов исторического анализа (описательный,

²⁹ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР.1945-1953. Составители О.В. Хлевнюк. М.,2002.

³⁰ Хрестоматия по истории Удмуртии. В 2 т. Т.2: Документы и материалы.1917-2007. Ижевск, 2007.

³¹ Народное хозяйство СССР. 1922–1972. Юбилейный статистический ежегодник. М.,1972; Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987; Народное хозяйство Удмуртской АССР. Статистический сборник. Ижевск, 1957; Удмуртская АССР за годы советской власти. Статистический сборник. Ижевск, 1967; УАССР за 50 лет. Статистический сборник. Ижевск, 1970.

сравнительно-исторический, логический). Количественные методы использовались для изучения, обработки, обобщения статистических данных. Сочетание различных научно-исследовательских принципов позволило избежать однозначных оценок при изучении социально-экономического положения рабочих оборонных заводов.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые рассматриваются рабочие заводов Наркомата вооружения СССР, расположенных в УАССР в послевоенный период как отдельный отряд рабочего класса, определявший промышленное развитие республики. Выявляется комплекс государственных мероприятий, позволивший обеспечить на фоне крайне низкого уровня жизни в послевоенный период, определенный социально-бытовой минимум рабочим оборонной промышленности региона. Введение в научный оборот новых документов позволяет осветить неизученные ранее проблемы снабжения продовольствием, текучести рабочей силы, выявить ответную реакцию рабочих на проводимую политику.

Научно-практическая значимость заключается в том, что материалы диссертации могут быть использованы при написании обобщающих научных исследований по истории Урала, Удмуртской Республики; в вузовском и школьном преподавании истории Удмуртии, при подготовке курса по экономической истории, спецкурсов по истории ВПК в СССР и социальной повседневности послевоенного общества.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Заводы Наркомата вооружения СССР составляли основу промышленного производства республики. В послевоенный период экономика республики продолжала носить милитаризованный характер.

2. Процесс перехода к мирной жизни носил асинхронный характер: отказ от милитаризованных форм пополнения рабочей силы сочетался с сохранением уголовно-правовых мер наказания за нарушение трудовой дисциплины.

3. В годы Великой Отечественной войны государство уделило большое внимание созданию наиболее благоприятных условий для работающих на предприятиях оборонной промышленности: достаточно высокий уровень заработной платы, обеспечение повышенных норм продовольственного снабжения, улучшенное медицинское обслуживание. Это происходило за счет перераспределения государственных фондов в пользу оборонной промышленности СССР. В послевоенный период основные ресурсы государства были сосредоточены на реализации атомного проекта СССР, тем самым вопросы улучшения материально-бытовых условий, социальной инфраструктуры рабочих оборонной промышленности отходили на второй план.

4. Предприятия Наркомата вооружения СССР стремились к созданию своей социально-бытовой инфраструктуры: они вели жилищное строительство, имели подсобные предприятия, медицинские учреждения.

5. Отмена карточной системы, в условиях крайне ограниченного количества государственных продовольственных запасов, привела к объективному ухудшению положения рабочих оборонных заводов, которые с 1947 г. обеспечивались продовольствием на общих основаниях с другими категориями горожанами.

6. По обеспечению жильем, качеству медицинского обслуживания и другим показателям уровня жизни рабочие оборонной промышленности УАССР за годы первой послевоенной пятилетки остались на уровне военного времени, что было вызвано недостаточным финансированием социальной сферы.

7. Повышается уровень критики рабочими оборонных заводов УАССР администрации предприятий, при этом политическая власть, как на региональном уровне, так и на уровне центра обладала в глазах рабочих после победы в Великой Отечественной войне большим кредитом доверия, что сформировало готовность воспринимать переживаемые трудности как неизбежность.

Апробация исследования.

По теме исследования опубликовано пять научных статей, в том числе в издании, рекомендованном ВАК. Основные положения диссертации отражены в выступлениях на двух международных научно-практических конференциях (г. Ижевск, 2006, 2008 гг.), на Всероссийской научно-практической конференции (г. Ижевск, 2010), на Архивных чтениях (г. Ижевск, 2008 г.), студенческой научно-практической конференции (г. Ижевск, 2010 г.) Содержание диссертации обсуждалось на заседании кафедры Новейшей отечественной истории Удмуртского государственного университета.

Структура диссертации определяется задачами исследования и включает введение, четыре главы, которые состоят из десяти параграфов, заключение, список источников и литературы.

Глава 1. Регулирование трудовых отношений на оборонных предприятиях Удмуртии (1945-1950 гг.)

1.1. Трудовое законодательство СССР в восстановительный период

Государственная политика в области труда в послевоенные годы сохранила преемственность, которая была сформирована в предвоенные и военные годы. В период Великой Отечественной войны была востребована и соответствовала потребностям военного времени мобилизационная модель государственной политики в области труда. Для нее были характерны: сверхцентрализация в руках государства всех ресурсов, в том числе и трудовых, создание чрезвычайных органов власти, регулирующих трудовые потоки. Особое внимание со стороны государства было уделено внесению изменений в законодательную базу, регулиующую трудовые отношения между государством с одной стороны и работником предприятия с другой. Эти изменения были направлены на прикрепление рабочих к предприятиям. Сохранение в послевоенное время действия ряда временных правовых норм в области трудовых взаимоотношений, введенных накануне и в годы Великой Отечественной войны, влечет за собой необходимость более подробно остановиться на системе взаимоотношений между государством и работником в области регулирования труда, сложившейся к концу войны. Государство последовательно изменяет основные положения КЗОТа 1922 г., зафиксировавшего договорную форму трудовых отношений с заключением трудового договора, восьмичасовой рабочий день, пятидневную рабочую неделю, отмену системы штрафов.

Изменения касались порядка найма и увольнения рабочей силы, основных подходов к регулированию дисциплины труда, режима рабочего времени. К моменту окончания Великой Отечественной войны в рамках трудового законодательства действовали законодательные акты, прикрепляющие рабочих к предприятиям, вводившие уголовно-правовые

меры наказания за нарушение трудовой дисциплины, расширявшие практику принудительного регулирования трудовых отношений.

Продолжали сохранять свое действие Указы Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день и семидневную рабочую неделю» от 26 июня 1940 г. и «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» от 26 декабря 1941 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. увеличивал продолжительность рабочего дня рабочих и служащих на всех государственных кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях: с 7 до 8 часов – там, где был семичасовой рабочий день, с 6 до 7 часов – на предприятиях с шестичасовым рабочим днем, вводил семидневную рабочую неделю с одним выходным. Указ запрещал переход по желанию рабочего с одного предприятия на другое. Работник имел право уйти с работы, а руководитель предприятия обязан был отпустить только в случаях наступившей инвалидности или поступления в среднее и высшее учебное заведение.

Согласно этому Указу, вопрос самовольного ухода с предприятий регулировался нормами уголовного законодательства, а не трудового кодекса и наказывался тюремным заключением на срок от 2 до 4 месяцев. Прогул без уважительной причины влек за собой исправительно-трудовые работы по месту работы до 6 месяцев с удержанием части заработка, но не более 25% от зарплаты. Директора предприятий несли уголовную ответственность как за утаивание лиц, виновных в самовольном уходе с работы или прогулах без уважительной причины, так и за прием их на работу³².

А уже Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с работы» от 26 декабря 1941 г., предусматривал за самовольный уход с

³² Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. Т.2. М.,1957.С.703.

работы наказание в виде лишения свободы сроком от 5 до 8 лет. Согласно этому Указу все рабочие военной промышленности на период войны объявлялись мобилизованными³³.

Эффективность применения данных указов напрямую зависела от скоординированности действий отдела найма и увольнений предприятий, прокуратуры и народных судов. Между тем, дезертир производства успевал сменить местожительство до того, как отдел найма и увольнения передавал материал на него в народный суд. Заводы были не в состоянии проводить розыскные мероприятия. Прокуратура и народные суды не справлялись с возросшей нагрузкой, в результате чего дела по нарушениям трудовой дисциплины рассматривались в течение 30-40 дней³⁴. Закономерным итогом стало возникновение практики заочного рассмотрения дел и вынесения решений о дезертирах. Приведение судебного приговора в исполнение тем самым откладывалось до розыска обвиняемого, что, в конечном итоге, подрывало авторитет судебного решения.

СНК СССР своим Постановлением «Об устранении недостатков в практике применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г.» от 29 июня 1944 г. подверг критике судебную практику заочного рассмотрения дел о дезертирах производства и заочного вынесения решений. Устанавливалось, что дела о самовольном уходе с предприятий должны были передаваться прокурорам только после проведения расследования и розыска обвиняемых. Сроки расследования не должны были превышать 3 дней, в исключительных случаях – 10 дней. Запрещалось рассматривать дела без обвиняемого. На Наркомат юстиции СССР была возложена обязанность организации в крупных промышленных районах страны военных трибуналов или постоянных сессий военных трибуналов³⁵.

На оборонных заводах Удмуртии показательные судебные процессы по делу дезертиров производства проводились Военным трибуналом войск

³³ Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917-1959. М., 1961. С. 391.

³⁴ ЦГА УР. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

³⁵ Там же. Л. 50-51.

НКВД, на которых в обязательном порядке должны были присутствовать все работающие на предприятии³⁶.

Применение только карательных мер было эффективно в процессе предупреждения дезертирства, но не решало проблему привлечения на производство огромного числа уже покинувших предприятия и, по существу, находящихся вне закона, и не работавших на оборону страны. К 1944 г, как свидетельствует письмо В.М. Молотова И.В. Сталину, в стране находилось в бегах около 200 тыс. трудовых дезертиров, осужденных заочно³⁷.

30 декабря 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР опубликовал Указ «О предоставлении амнистии лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно возвратившимся на эти предприятия». Под действие амнистии попадали лица, вернувшиеся на предприятия до 15 февраля 1945 года. Амнистия не коснулась тех, кто находился под следствием или был осужден по Указу от 26 декабря 1941 г. и тех, кто оставил работу после издания Указа от 30 декабря 1944 г. Следует обратить внимание на изменение терминологии: замена в Указе термина военного времени «дезертир» на нейтральное определение «самовольно ушедшие с работы»³⁸.

Проведение трудовой амнистии позволило вернуть на предприятия страны часть рабочей силы, покинувшей ее по тем или иным причинам. Из 279 человек, дезертировавших с завода № 622 в течение 1944 г., возвратилось 111 человек или 40 %³⁹. Так, в течение одного года, были приняты два указа, демонстрирующих прагматичный подход государства к решению проблемы трудовой дисциплины: усиление карательных институтов в качестве превентивной меры наказания и проведение трудовой амнистии для возвращения на производство необходимой рабочей силы.

³⁶ ЦГА УР. Ф. Р-1458. Оп. 2. Д. 430. Л. 10.

³⁷ Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 84.

³⁸ ЦГА УР. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

³⁹ Там же. Ф. Р-1458. Оп. 2. Д. 430. Л. 6.

За годы войны были значительно увеличены полномочия директоров предприятий по использованию принудительных мер стимулирования производительности труда. СНК СССР Постановлением от 18 октября 1942 г. разрешил директорам предприятий за невыполнение норм выработки работы снижать норму отпуска хлеба рабочим и служащим, отбывающим исправительно-трудовые работы на предприятиях⁴⁰. Получение директорами предприятия права снижать нормы отпуска хлеба за невыполнение установленных норм стало одним из наиболее действенных рычагов в руках управленцев по стимулированию трудовой активности в условиях существования нормированного распределения продовольствия.

Следует отметить, что правовой механизм принудительного воздействия на нарушителей трудовой дисциплины действовал как в промышленном производстве, так и в сельском хозяйстве страны. Он включал в себя не только применение уголовных мер наказания в виде лишения свободы, но и лишение источников получения продовольствия (в сельском хозяйстве — изъятие у колхозников приусадебного участка, в промышленности получение директорами предприятий права снижать норму отпуска хлеба.)

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» от 13 апреля 1942 г. в целях своевременного проведения всех сельскохозяйственных работ в колхозах был установлен на период войны новый повышенный минимум трудодней — в зависимости от региона 100, 120, 150, причем точно определялось количество трудодней, которые колхозники должны были выработать в каждом сельскохозяйственном периоде. Трудоспособных колхозников, не выработавших без уважительных причин этот минимум по периодам сельскохозяйственных работ, предавали суду и наказывали исправительными работами в колхозе на срок до 6 месяцев с удержанием 25 % трудодней в пользу колхоза. Допускалось исключение таких лиц из колхоза с лишением их приусадебных участков. Было установлено

⁴⁰ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 366. Л. 10.

обязательное участие колхозников и членов их семей (в возрасте от 14 лет старше) в уборке урожая независимо от выработанного ими минимума трудодней. Колхозников, виновных в уклонении от уборки урожая, подвергали штрафу путем списания с них определенного количества трудодней в пользу колхоза⁴¹.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» директорам предприятий было предоставлено право устанавливать с разрешения СНК СССР как для всех рабочих и служащих предприятий, так и для отдельных цехов, участков и групп рабочих и служащих обязательные сверхурочные работы продолжительностью от одного до трех часов в день. Исключением стали беременные женщины и матери, кормящие грудных детей. Для подростков, не достигших 16 лет, сверхурочное время не могло превышать двух часов в день. Этим же постановлением были отменены очередные и дополнительные отпуска, которые были заменены денежной компенсацией⁴².

В соответствии с Постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени» наркомы получили право переводить в обязательном порядке специалистов, рабочих и служащих с одного предприятия на другое⁴³.

Практика полупринудительного привлечения трудовой силы в промышленность за счет создания системы государственных трудовых резервов, введенная в 1940 г. сохраняла свое действие на протяжении всего рассматриваемого периода.

Система государственных трудовых резервов была создана Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. Для нормального функционирования промышленности было признано необходимым ежегодно

⁴¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1946–1955. Т.8. М., 1985.

⁴² Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов в 4 т. Т.2. М., 1957. С. 703.

⁴³ История советского государства и права в 3-х кн. Кн.3. Советское государство и право накануне и годы Великой Отечественной войны. (1936–1945 гг.). М., 1985. С. 221.

готовить от 800 тысяч до 1 млн. человек «путем обучения городской и колхозной молодежи определенным производственным профессиям в ремесленных училищах, железнодорожных училищах и школах фабрично-заводского обучения». Государственные резервы рабочей силы подчинялись непосредственно СНК СССР и не могли быть используемы наркоматами и предприятиями без разрешения правительства. Все, окончившие РУ, ФЗО и железнодорожные училища, считались мобилизованными и были обязаны отработать 4 года на государственных предприятиях⁴⁴. Руководство подготовкой и распределением трудовых резервов было возложено на Главное управление трудовых резервов при СНК СССР, созданное Постановлением СНК СССР от 2 октября 1940 г. На региональном уровне были созданы областные, краевые, республиканские управления трудовыми резервами, которые подчинялись непосредственно Главному управлению трудовых резервов при СНК СССР. Основной задачей вновь созданного Управления была организация подготовки государственных трудовых резервов для промышленности и транспорта и распределение их по решению СНК СССР по министерствам и ведомствам⁴⁵.

К началу мирного времени на заводах республики работало значительное число рабочих, привлеченных на работу в порядке проведения трудовой мобилизации и трудовой повинности.

Трудовая повинность была введена Указом Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» от 22 июня 1941 г., затем более детально регламентирована Постановлением СНК СССР «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» от 10 августа 1942 г.

Условия проведения трудовой мобилизации определялись Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для

⁴⁴ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т.2. М., 1957. С. 704.

⁴⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917-1967. Сборник документов за 50 лет. Т.2. 1929-1940. М., 1967. С. 776-777.

работы на производстве и строительстве». Мобилизация проводилась по месту жительства для работы на производстве и строительстве, в первую очередь в авиационной и танковой промышленности, промышленности вооружения и боеприпасов, в металлургической, химической и топливной промышленности. От мобилизации освобождались те, кто подлежал призыву в школы ФЗО и РУ, женщины, имеющие грудных детей, а также женщины, имеющие детей в возрасте до восьми лет, если отсутствовали другие члены семьи, которые могли ухаживать за ними, учащиеся высших и средних учебных заведений⁴⁶.

Порядок, сроки и размеры мобилизации устанавливал СНК СССР. В отличие от КЗОТа 1922 г., предусматривающего возможность применения трудовой повинности для мужчин в возрасте от 18 до 45 лет, а для женщин – от 18 до 40 лет, данный указ значительно увеличивал возрастной интервал: для мужчин – от 16 до 55 лет, а для женщин – для 16 до 45 лет. Уклонение от трудовой мобилизации влекло за собой применение уголовной ответственности в виде принудительных работ по месту жительства на срок до одного года⁴⁷.

Главное отличие трудовой повинности от трудовой мобилизации состояло в том, что, во-первых, трудовая повинность вводилась СНК СССР, а в местностях, объявленных на военном положении, военным командованием; во-вторых, объявлялась она только для выполнения оборонных работ и других военных надобностей (заготовки топлива, охраны путей сообщения, средств связи, борьба с пожарами); в-третьих, привлечение граждан в порядке трудовой повинности допускалось только на ограниченный срок – до двух месяцев. При этом разрешалось привлекать к работам более

⁴⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза. В 6 т. Т.2. М., 1961. С. 498.

⁴⁷ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. Т.2. М., 1957. С. 702-703.

широкий круг лиц (в том числе рабочих и служащих государственных предприятий и учреждений)⁴⁸.

К началу мирного времени действовала единая централизованная система, регулирующая трудовые потоки. При СНК СССР – Комитет по учету и распределению рабочей силы, на региональном уровне были созданы Бюро, в частности, в Удмуртии действовало Бюро по учету и распределению рабочей силы при СНК УАССР, также были созданы Городские бюро по учету и распределению рабочей силы (в гг. Ижевске, Воткинске, Сарапуле). Основными формами привлечения рабочих на предприятия в годы Великой Отечественной войны стали трудовая мобилизация и трудовая повинность. Основным отличием трудовой повинности от трудовой мобилизации было то, что она предусматривала привлечение к работам более широкого круга лиц, чем трудовая мобилизация, в том числе и работающих на государственных предприятиях. За уклонение от трудовой мобилизации было предусмотрено наказание в виде принудительных работ по месту жительства на срок до 1 года.

Был внесен ряд изменений в законодательную базу, регулирующую трудовые отношения. Был создан механизм привлечения молодежи в промышленность, через созданные накануне войны ФЗО и РУ. Выпускники которых считались мобилизованными и были обязаны 4 года отработать на государственных предприятиях. На период войны все рабочие промышленности были объявлены мобилизованными, уход с работы расценивался как дезертирство, самовольный уход с работы карался лишением свободы от 5 до 8 лет. Кроме того, изменения произошли в режиме труда, была введена семидневная рабочая неделя, очередные и дополнительные отпуска заменялись денежной компенсацией, вводились обязательные сверхурочные работы от 1 до 3-х часов, были расширены права

⁴⁸ Емелин А.С. Правовые основы превращения СССР в единый военный лагерь в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Советское государство и право в годы Великой Отечественной войны. М., 2000. С. 38.

руководителей заводов – они получили право за невыполнение норм выработки снижать норму отпуска хлеба.

В послевоенные годы был нормализован режим труда на предприятиях: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 г. «Об отпусках рабочим и служащим» с 1 июля 1945 г. восстанавливались очередные и дополнительные отпуска, вводился восьмичасовой рабочий день, отменялись обязательные сверхурочные работы⁴⁹.

⁴⁹ Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1959. М., 1961. С. 432.

1.2. Реализация государственной трудовой политики на оборонных предприятиях УАССР

Окончание войны повлекло за собой изменение ряда положений в политике государства в области труда. Прежде всего, это затронуло формы привлечения рабочих на предприятия, методы регулирования трудовой дисциплины. Взаимное переплетение внеэкономических и экономических мер принуждения к труду, на протяжении ряда послевоенных лет подчеркивают эклектичность политики государства. В первые послевоенные годы руководство оборонных предприятий республики столкнулись с проблемой сохранения на предприятиях эвакуированных и мобилизованных рабочих.

В соответствии с Постановлением СНК СССР от 5 октября 1945 г., мобилизованные на военное производство инвалиды и члены их семей первыми получили возможность вернуться на места их довоенного проживания⁵⁰. В случае возникновения у данной категории рабочих каких-либо трудностей с получением расчета со стороны администрации предприятий, Комитет по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР обязал заведующих Бюро по учету и распределению рабочей силы – на региональном уровне – рассматривать жалобы в течение трех дней и оперативно принимать меры. С 1946 года, в соответствии с постановлением, принятым Комитетом по учету и распределению рабочей силы при Совете Министров СССР, право освобождаться от работы на общих основаниях получили остальные категории мобилизованных⁵¹.

Начавшийся в первые послевоенные годы процесс реэвакуации привел к сокращению численности работающих эвакуированных рабочих на оборонных предприятиях УАССР.

⁵⁰ ЦГА УР. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

⁵¹ Там же. Л. 50.

Социальные проблемы эвакуации, размещение эвакуированных рабочих и служащих, получили достаточно подробное освещение в исторической литературе⁵². В годы войны в Удмуртию было эвакуировано более 30 крупных промышленных предприятий, в том числе заводы, входившие в систему Наркомата Вооружения СССР гг. Москвы, Тулы, Киева и т. д.⁵³.

Общее количество эвакуированного населения на территории Удмуртии достигло своего максимума в 1943 г. и составило 78336 человек. Из них 28999 рабочих, служащих и членов их семей, 47219 – прибывших в индивидуальном порядке и 2148 детей, приехавших вместе с эвакуированными детскими учреждениями⁵⁴.

Важной задачей уполномоченных Управления по эвакуации было выделение из числа эвакуированных рабочих металлистов для направления их на работу в предприятия оборонной промышленности⁵⁵. Следует лишь отметить, что выявление профессии эвакуированных происходило по спискам регистрации, одновременно устанавливалась потребность предприятий в рабочей силе. По данным на 1946 год, эвакуированных в республике было 15057 человек: из них 3700 мужчин, 7596 женщин, 4161 детей. В основном, эвакуированные были размещены в городах (83,15 %) и трудоустроены на предприятиях Наркомата вооружения СССР (73,8 % от числа трудоустроенных по городам)⁵⁶.

В исторической литературе существует точка зрения, что проводимая ранее эвакуация помимо своей безусловной цели спасения людей от немецкой оккупации, предполагала в качестве долговременной перспективы изменение диспропорции в распределении рабочей силы между западными и

⁵² История Удмуртии: XX век. Ижевск, 2005; Удмуртия в период Великой Отечественной войны. Ижевск, 1996; Потемкина М.Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала) // Отечественная история. – 2002. – №3; Родионов Н.А. Реэвакуация советских и иностранных граждан из Удмуртской АССР в 1943–1948 гг. // Новые исследования по истории Удмуртии. Ижевск, 1991.

⁵³ ЦГА УР. Ф. Р-755. Оп. 3. Д. 2. Л. 47.

⁵⁴ Родионов Н.А. Прием, размещение и трудовая деятельность эвакуированного населения в Удмуртской АССР(1941-1945 гг.) // В годы суровых испытаний. О ратном и трудовом подвиге сынов и дочерей Удмуртии. Сб. ст. Устинов, 1986. С. 147.

⁵⁵ ЦГА УР. Ф. Р-755. Оп. 3. Д. 4. Л. 3-4.

⁵⁶ Там же. Д. 5. Л. 4.

восточными регионами страны⁵⁷. Исследователь П.М. Полян относит эвакуацию к нерепрессивным добровольно-вынужденным миграциям, так как, в конечном итоге, многие из эвакуированных так и не смогли преодолеть административных преград и вернуться на прежнее место жительства⁵⁸.

Проведение массовой реэвакуации людей не входило в задачу органов, занимающихся реэвакуацией, так в частности, Переселенческий отдел при Совете Министров УАССР принимал заявки на реэвакуацию только от лиц, не занятых в оборонной промышленности⁵⁹.

Необходимость учета приоритетов оборонной промышленности, требовавших сохранения на предприятиях квалифицированных рабочих кадров из числа эвакуированных, привело к необходимости выработки комплекса мер социального, административного, экономического, политического характера по закреплению на предприятиях этой категории рабочих.

Одной из составляющих государственной политики по закреплению рабочих в восточных регионах страны стало принятие в 1946 г. постановлений, направленных на улучшение социальной сферы, а именно Постановления Совета Министров СССР «О мероприятиях по улучшению материальных и бытовых условий жизни рабочих, инженерно-технических работников и служащих предприятий, расположенных на Урале, в Сибири и Дальнем Востоке» и «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий истроек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке»⁶⁰.

10 сентября 1946 г. Министерство Вооружения СССР издало приказ, обязывающий администрацию предприятий заключать с эвакуированными индивидуальные договоры, дававших право на получение по ним ряда

⁵⁷ Потемкина М.Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала) // Отечественная история. – 2002. – № 3; Она же. Эваконаселение в Уральском тылу: опыт выживания // Отечественная история. – 2005. – № 2.

⁵⁸ Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 49.

⁵⁹ ЦГА УР. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 226. Л. 1.

⁶⁰ Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1959. М., 1961. С. 432.

хозяйственных товаров⁶¹. Общее число рабочих, заключивших индивидуальные договоры, было небольшим. Из 164 мобилизованных и эвакуированных, работавших в цехе № 89 завода № 622, были заключены договоры только с тридцатью рабочими. Основной причиной этого было невыполнение заводской администрацией своих обязательств по выделению подписавшим хозяйственных товаров⁶².

В отношении эвакуированных рабочих и служащих, состоящих в партии, действовала инструкция ЦК ВКП(б) о порядке перемещения коммунистов из одной партийной организации в другую. Согласно этой инструкции дезертирство с производства и самовольный выход из партийной организации без снятия с партийного учета расценивалось как тягчайшее преступление перед партией и Родиной⁶³. Это положение часто озвучивалось на партийных собраниях. Главный инженер завода № 235 Волков выражал свою обеспокоенность сложившейся ситуацией: «Создалось опасное настроение среди высшего руководящего состава: ехать в районы прежнего жительства, так, например, у главного конструктора завода Федоренко. Вследствие этого работает он плохо, считает себя временным и собирается уезжать в Киев.... Некоторые работники ухитряются по состоянию здоровья выехать из Воткинска и странно, что в пути человек выздоравливает и тотчас же по приезде на место устраивается на работу...*Требуется создать особое партийное мнение вокруг этого вопроса*, внедрить решение ЦК партии о закреплении кадров в промышленных предприятиях Сибири и Урала» (выделено мною – О.В.)⁶⁴.

Следует выделить несколько поведенческих стратегий, используемых эвакуированными рабочими для реализации своего права на отъезд. Первая – написание заявлений на имя директора завода на увольнение. С 1 января по 20 августа 1946 года на имя директора завода № 74 поступило 864 заявления от рабочих: из них 542 (62 %) были заявления об уходе с завода

⁶¹ ЦДНИ УР. Ф. 923. Оп. 1. Д. 121. Л. 154 об.

⁶² Там же. Ф. 443. Оп. 2. Д. 1. Л. 14.

⁶³ Там же. Ф. 923. Оп. 1. Д. 121. Л. 62 об.

⁶⁴ Там же. Ф. 724. Оп. 1. Д. 437. Л. 38 об.

или о переводе на другую работу. Лишь 100 человек (18 %) получили право уйти с работы, остальным же было отказано⁶⁵. Из 830 заявлений об уходе, поступивших с 1 января по 1 марта 1946 г. на имя директора завода № 235, было подписано только 157 (19 %)⁶⁶.

Невозможность получить увольнение законным путем привело к распространению нелегальных способов: уезжать в отпуск и не возвращаться или просто покидать работу без разрешения администрации. С момента отмены Постановлением Совета Министров СССР от 1 июля 1946 г. порядка перевозки пассажиров по пропускам органов милиции, установленного на период военного времени, это явление стало носить массовый характер. За апрель-май 1946 года без разрешения администрации на заводе № 235 покинули производство 148 человек, из них 58 эвакуированных (39 %), не вернулось из отпусков 216 человек, из них эвакуированных 191 человек (88 %)⁶⁷. К концу 1946 г. руководство завода № 235 вынуждено было констатировать, что дезертирство по заводу приняло угрожающие размеры⁶⁸.

По действующим нормам законодательства самовольный уход с работы расценивался как уголовное преступление, предусматривавшее наказание согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» от 26 декабря 1941 г., в виде лишения свободы сроком от 5 до 8 лет⁶⁹.

Одним из легитимных способов защиты своих прав на реэвакуацию были апелляции во властные инстанции. Анализ заявлений и писем позволяют выявить настроения, распространенные среди эвакуированных. Лейтмотив заявлений можно найти в письме А.И. Малинина, рабочего завода № 235, адресованного заместителю председателя Комиссии

⁶⁵ ЦДНИ УР. Ф. 228. Оп. 1. Д. 70. Л. 210.

⁶⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4562. Л. 4 об.

⁶⁷ Там же. Д. 4558. Л. 49.

⁶⁸ Там же. Ф. 724. Оп. 1. Д. 307. Л. 104.

⁶⁹ Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917-1959. М., 1961. С. 391.

партийного контроля (далее КПК) при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятову: «Помогите перебраться в свой угол. В нашем рабочем быту это очень много означает»⁷⁰.

В этих заявлениях достаточно ясно отражается положение рабочих, тот непростой выбор, который пришлось делать эвакуированным: вернуться на родину и стать дезертиром или остаться и потерять надежду вернуться на прежнее место жительства. Работник цеха 47 завода № 622 писал в КПК при ЦК ВКП(б) по Удмуртской АССР: «Стать дезертиром и бросить производство не решаюсь... Работать как полагается я уже не в состоянии, ибо все мои мысли не на производстве, а дома. Я в город Ижевск был эвакуирован на время войны, *то, что требовало от меня производство, партия, правительство, фронт и весь народ, я отдал с честью* ...»(выделено мною. – О.В.)⁷¹. «Во время эвакуации... я прожила все, осознавала, что все это временно, уверенность в себе, уверенность в победе и это оправдалось - мы победили. Теперь, казалось, можно по-новому восстанавливать разрушенное, восстанавливать здоровье, которое за время войны немного покачнулось, связаться с семьей и бороться за рождаемость...», – писала жена рабочего завода № 622 в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б)⁷².

Невозможность воссоединения с семьей, получения жилья также нашли отражение у авторов этих писем. Рабочий завода № 622 Д.П. Быстров писал в КПК при ЦК ВКП(б) по УАССР: «Я считаю, нет такого закона у Советской власти, чтобы заставить безвинного человека жить в разлучении с семьей на много, может, лет, особенно после войны... Я желаю дальше здесь работать, т.к. я не летун... если требуется работать до последней своей силы, но как?»⁷³.

⁷⁰ ЦДНИ УР. Ф. 228. Оп. 1. Д. 71. Л. 74.

⁷¹ Там же. Д. 70. Л. 97.

⁷² Там же. Лл. 316-317.

⁷³ Там же. Л. 235.

В письмах эвакуированных рабочих был четко поставлен вопрос о невыполнении правительством своих обещаний – ведь эвакуированные были закреплены на предприятиях только на время войны: «Я уже не могу работать, так как сил нет ни на что... Продавать у меня тоже нечего... прошу или дать мне квартиру и денежную помощь или дать мне расчет, чтобы вернуться мне на родину, где у меня есть квартира. Я считаю, что завод в настоящее время имеет возможность дать мне расчет, потому что трудное время войны прошло.. Ведь невозможно, чтобы человек, проработавший 16 лет на производстве, не заслужил к себе уважения» (рабочий завода № 622 С.А. Бурзин)⁷⁴.

В ряде писем отчетливо выражается недоверие к местной власти. Мастер монтажного цеха завода № 235 П.Ф. Смотенко писал в ЦК ВКП(б): «В течение войны и после войны с завода № 235 в Киев был отправлен целый ряд людей. Сейчас в заводе эвакуированные не знают, когда они возвратятся домой, так же и я не знаю, когда возвратимся домой, когда это будет разрешено местными парторганизациями, ЗПК (заводским партийным комитетом) и Горкомом... я потерял всякую надежду на получение ответа о возвращении домой. Это не единичный случай, а носит массовый характер. Я лично не верю партийному комитету завода в лице т. ...» (4 июня 1945 г.)⁷⁵.

В письмах рабочие жаловались на чинимые администрацией предприятия препоны для получения увольнения. Эвакуированный член ВКП(б) В. Соколовский, работающий на заводе № 235, направил в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) жалобу на грубость парторга ЦК ВКП(б) А. Иванцова. В результате проведенной проверки уполномоченными КПК при ЦК ВКП(б) по УАССР Н. Гальцовым данный факт был подтвержден: «Работникам парткома очень много времени приходится уделять вопросам отпуска коммунистов из парторганизации, иногда к отдельным коммунистам, обращающимся по этому вопросу,

⁷⁴ ЦДНИ УР. Ф. 228. Оп. 1. Д. 70. Лл. 311-314 об.

⁷⁵ Там же. Ф. 724. Оп. 1. Д. 294. Л. 44.

допускаются резкости и необоснованные подозрения со стороны работников парткома»⁷⁶. В. Соколовский получил разрешение на увольнение с завода.

Руководство республики было обеспокоено из-за массового ухода эвакуированных рабочих с предприятий. Оно использовало все возможные меры для того, чтобы вернуть эвакуированных рабочих на предприятие и нормализовать ситуацию с трудовой дисциплиной, которая негативно отражалась на производственном процессе. Секретарь Удмуртского обкома ВКП(б) А.П. Чекинов 14 мая 1946 г. обращался к секретарю Киевского горкома ВКП(б) З.Т. Сердюк с требованием принять меры к лицам, покровительствующим дезертирам, подразумевая в первую очередь директора киевского завода «Арсенал», принимавшего на работу рабочих, самовольно вернувшихся из эвакуации. Он писал: «Воткинский завод № 235 Министерства вооружения СССР в большей части укомплектован мобилизованными и эвакуированными рабочими... завод является одним из важнейших предприятий Министерства вооружения СССР, а возросший самовольный уход с завода сильно мешает работе завода...»⁷⁷.

Директор завода № 235 П.А. Сысоев обращался с жалобой на Киевскую городскую прокуратуру к Генеральному прокурору СССР К.П. Горшенину. В частности, директор завода был недоволен тем, что посылаемые в Киевскую городскую прокуратуру запросы по розыску дезертиров производства не выполняются. Кроме того, П.А. Сысоев был недоволен работой прокуратуры г. Воткинска. В заявлении к секретарю Удмуртского обкома ВКП(б) А.П. Чекинову он обращал внимание на следующие факты: прокуратура принимала дела на дезертиров только по истечении месячного срока со дня дезертирства, не давала санкций на арест задержанных органами милиции дезертиров производства, мотивируя в ряде случаев имеющимися у отдельных дезертиров основаниями для прекращения работы по семейным обстоятельствам, материальному положению⁷⁸.

⁷⁶ Там же. Ф. 228. Оп. 1. Д. 71. Л. 29.

⁷⁷ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4558. Л. 36.

⁷⁸ Там же. Л. 44.

К 1947 г. число эвакуированных, работающих на заводах Удмуртии, было крайне незначительным. Если в феврале 1943 г. в промышленности Удмуртии работало 16497 человек эвакуированного населения, то в 1948 г. – всего 162 человека⁷⁹. Таким образом, эвакуированные рабочие были особой категорией реэвакуантов, которые реализовывали свое право на реэвакуацию вопреки стремлению администрации предприятий сохранить эти категории рабочих. При невозможности получения увольнения законным способом, эвакуированные уходили с предприятия без разрешения администрации, рискуя стать дезертиром производства. На уровне принимаемых государственных решений приоритет отдавался экономическим мерам закрепления рабочих – улучшению жилищно-бытовых условий и повышению заработной платы. Реализации потенциала этих положений препятствовала крайне сложная ситуация в социальной сфере, невозможность выделить дополнительные финансовые и материальные ресурсы именно для этой категории рабочих. Поэтому для администрации предприятий наиболее привычным способом прикрепления рабочих стало создание административных барьеров. Руководство предприятий, не в силах остановить рост количества увольнений и дезертирства, де-факто признало право эвакуированных на возвращение.

Сохранившиеся архивные материалы не позволяют выявить четкой динамики изменения численности мобилизованных рабочих на оборонных предприятиях республики в послевоенный период, но можно предположить, что некоторая часть мобилизованных продолжала работать на предприятиях. На 1 февраля 1949 г. на заводе № 71 работало 826 человек мобилизованных, из них 803 – рабочих, 11 – ИТР, 12 – служащих⁸⁰.

Основными формами привлечения рабочих на производство стали наем рабочих самими предприятиями, использование труда выпускников ФЗО и

⁷⁹ Суханов А.И. Рабочий класс Удмуртии (1917–1970). Ижевск, 1979. С. 118.

⁸⁰ ЦГА УР. Ф. Р-1467. Оп. 3с. Д. 399. Л. 77.

РУ, возобновление практики организованного набора рабочей силы из числа сельского населения.

Таблица 1. Формы пополнения рабочей силы завода № 622 в 1945-1949 гг.⁸¹

Формы пополнения	1945 г.		за 9 месяцев 1946 г.		за IV квартал 1947 г.		1948 г.		1949 г.	
	всего	в %	всего	в %	всего	в %	всего	в %	всего	в %
Демобилизованные из РККА	31	3,4	134	25	-	-	-	-	8	0,5
По оргнабору	-	-	-	-	155	50	-	-	-	-
Выпускники ФЗО и РУ	411	44,4	23	4	18	6	381	37	158	9,2
Вернувшиеся дезертиры производства	111	12	17	3	-	-	-	-	6	0,3
В порядке вольного найма	372	40,2	316	58	113	36,4	564	54	1329	77,2
Переведено из других предприятий	-	-	43	8	7	2,2	63	6	210	12,2
Прочие	-	-	13	2	17	5,4	32	3	10	0,6
Всего принято	925	100	546	100	310	100	1040	100	1721	100

Анализ данных таблицы 1 позволяет выявить изменения основных методов пополнения предприятия рабочей силой: переход от принудительных мер в виде трудовой мобилизации к добровольным с сохранением полупринудительных методов в виде организованного набора рабочей силы и использования на производстве выпускников ФЗО и РУ. Отнесение этой категории к полупринудительным формам привлечения рабочей силы вызывается тем, что выпускники ФЗО и РУ считались

⁸¹ ЦГА УР. Ф. Р-1467. Л. 7, 18. Д. 553. Л. 1, 10, 20, 33; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4819. Л. 99.

мобилизованными и были обязаны отработать на предприятии 4 года, так же и прибывшие по оргнабору на предприятия заключали договор, который включал в себя пункт об обязанности отработать на предприятии 3 года. Похожие тенденции преобладали и на других заводах оборонной промышленности республики.

Среди форм обеспечения завода рабочей силой наибольший удельный вес занимал набор, проводимый самим предприятием. Рост доли пополнения кадров предприятия за счет неработающего городского населения вызывался следующими причинами: высокий престиж работы (социальный пакет) и завод не должен был предоставлять им жилую площадь, в отличие от прибывших выпускников ФЗО и РУ, поступивших в порядке организованного набора рабочей силы. Как правило, использовались следующие формы привлечения горожан на предприятия: объявления по радио, в газете «Удмуртская правда» о сроках проведении набора рабочих с указанием специальностей и категорий, вывешивание объявлений по городу в местах скопления народа (вокзалах, рынках, кинотеатрах) оформление заявок в отдел учета и распределения рабочей силы райсоветов по профессиям для трудоустройства демобилизованных, оформление заявок в горрайсобес для трудоустройства инвалидов Великой Отечественной войны. Также практиковались командировки представителей заводов в сельские районы республики для выявления возможностей вербовки рабочей силы⁸². Следует отметить сохранение в послевоенный период такой формы пополнения предприятия рабочей силой как перевод рабочих.

Организованный набор рабочей силы не стал преобладающим на предприятиях, прежде всего это было связано с тем, что заводы нуждались в квалифицированных рабочих кадрах. Среди основных источников комплектования кадров завода следует выделить категорию демобилизованных воинов, которая достигла своего максимума в 1946 г., что явилось итогом сокращения вследствие проведения демобилизации армии.

⁸² ЦГА УР. Ф. Р -1458. Оп. 2. Д. 430. Л. 30.

Приток рабочей силы по оргнабору был незначительным. Постепенно снижалась доля выпускников ФЗО и РУ.

На заводе № 71 за счет проведения набора предприятием было принято 74,3 % от общего числа поступивших на завод в 1947 г. и 74,2 % – в 1948 г. Выпускники ФЗО и РУ составляли 17,7 % принятых рабочих в 1947 г. и 11,1 % – в 1948 г. Доля прибывших по организованному набору рабочей силы увеличилась с 7,8 % в 1947 г. до 14,7 % в 1948 г.⁸³.

Система оргнабора позволяла более гибко подходить к проблеме распределения рабочей силы, обеспечивая в первую очередь важнейшие отрасли производства и отдаленные районы страны. 15 мая 1946 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 г. Главное управление трудовых резервов и Комитет по учету и распределению рабочей силы были преобразованы в Министерство трудовых резервов СССР⁸⁴.

31 декабря 1946 года Совет Министров СССР Постановлением №1706 от 27 декабря 1946 г. ликвидировал созданные во время войны Бюро по учету и распределению рабочей силы при Совете Министров СССР и исполнительных комитетах городских Советов народных депутатов⁸⁵. Начался процесс децентрализации, который выразился в получении министерствами и ведомствами права самостоятельно проводить организованный набор рабочей силы на предприятия. Это привело к возникновению межведомственной конкуренции за потенциальную рабочую силу. С целью централизации этого процесса, согласно постановлению Совета Министров СССР «О порядке поведения организованного набора рабочих» от 21 мая 1947 года, проведение организованного набора рабочих было возложено на Министерство трудовых резервов СССР, а на региональном уровне на Республиканские Управления Министерства трудовых резервов.

⁸³ Сост. по: ЦГА УР. Ф. Р-1467. Оп. 3. Д. 293. Л. 32, 54, 76, 98; Д. 325. Л. 29, 61, 89, 148.

⁸⁴ Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917-1959. М., 1961. С. 443.

⁸⁵ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 691. Л. 224.

Ряд исследователей оценивают систему оргнабора как переходный этап от системы мобилизации к системе свободного найма⁸⁶. О.М. Вербицкая выделяет как безусловно положительные последствия проведения оргнабора для колхозников, которые, получив возможность перебраться в город, тем самым улучшали свое социальное и материальное положение, так и негативные последствия для колхозов: оргнаборы послужили дополнительным каналом утечки людских ресурсов из деревни, что явилось следствием недальновидной политики государства, по сути, пренебрегавшей интересами и перспективами развития села⁸⁷.

Была создана разветвленная сеть специальных контор, которая действовала во всех республиках и областях и заключала трудовые договоры сроком не менее чем на один год, они же обеспечивали проезд и устройство рабочих на предприятиях⁸⁸. Часто уполномоченные от предприятий по проведению оргнаборов нарушали принцип предоставления полной информации об условиях труда. Несмотря на то, что Управление трудовых резервов СССР предписывало заключать договоры только с текстом, утвержденным распоряжением Совета Министров СССР от 6 ноября 1947 г. № 16528-р, с обязательной регистрацией для членов колхоза в правлении колхоза, некоторые уполномоченные заключали договоры, условия которых не только не были никем не подтверждены, но и противоречили правительственным установкам⁸⁹. К примеру, срок договора был обозначен не два-три года, а лишь один год.

Были факты нарушения принципа добровольности при заключении договора. В 1947 г. на завод № 71 была направлена колхозница Е.А. Кузьмина из Граховского района УАССР. В ее заявлении в КПК при ЦК ВКП(б) по УАССР указывалось, что председатель колхоза с уполномоченным по вербовке насильно заставили ее подписать договор.

⁸⁶ Социальная политика советского государства. М., 1978. С. 115.

⁸⁷ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 1940-х – начало 1960-х годов. М., 1992. С. 85.

⁸⁸ ЦГА УР. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 8. Л. 147 об.

⁸⁹ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5064. Л. 46.

Архивные материалы свидетельствуют, что данный случай был не единичным⁹⁰.

Для выполнения плана оргнабора, в списки людей, нанимаемых на работу, часто включались люди с ослабленным здоровьем. Были случаи нарушения правил о выдаче заключающим договор единовременного пособия в размере 300 рублей, установленного Постановлением Совета Министров СССР от 9 августа 1948 г. № 3004, из которых 50 % выплачивала контора оргнабора, а остальные 50 % – предприятие после прибытия рабочего к месту работы⁹¹. Договор включал в себя пункт о социальных гарантиях: завод был обязан предоставить рабочему в день его прибытия жилье, койку и соответствующие постельные принадлежности. Зачастую этот пункт договора не выполнялся.

Заводы были часто не готовы к приему рабочих, к предоставлению им работы на производстве. Эти явления носили массовый характер. Согласно Постановлению Совета Министров СССР от 8 августа 1947 г. в республике были созданы комиссии по проверке условий работы, производственного обучения, и жилищно-бытовых условий рабочих, прибывших на заводы в порядке организованного набора. В состав комиссии входили представители отдела найма и увольнения завода, представитель жилищно-бытового отдела завода, инспектор отдела учета и распределения рабочей силы Удмуртского республиканского Управления Министерства трудовых резервов. Акты обследований направлялись министру трудовых резервов СССР В.П.Пронину, министру вооружения СССР Д.Ф. Устинову, председателю Совета Министров УАССР А.В. Тронину, секретарю Удмуртского обкома ВКП(б) УАССР А.П. Чекинову, директору завода⁹². Проверка комиссией условий проживания прибывших в порядке организованного набора на завод № 71 в 1947 г. выявила следующую картину: «В комнатах грязно, скучено, на площади 16-18 кв.м. проживают 6-7 человек. Нет кипяченой воды, воду

⁹⁰ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5064. Л. 47.

⁹¹ ЦГА УР. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 20. Л. 42.

⁹² ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5064. Лл. 44-45.

рабочим приходится носить из соседнего барака. Нет общей кухни, рабочим негде готовить пищу, нет комнат для хранения личных вещей, все вещи хранятся под койкой»⁹³.

Планы оргнабора часто не выполнялись. Постановлением Совета Министров УАССР план оргнабора рабочих на завод № 71 на 1947 г. был определен в количестве 600 человек. На 7 января 1948 года было заключено всего 350 договоров, а прибыло на завод лишь 297 человек⁹⁴. Создавалось противоречие: завод не был заинтересован в удержании на предприятии колхозников, поступивших по оргнабору, которые имели очень низкую квалификацию, а значит и низкую производительность труда. В то же время колхозники преследовали другую цель: уехать из села и улучшить свое материальное положение.

Таблица 2. Причины ухода рабочей силы завода № 622 в 1945-1949 гг.⁹⁵

Причины ухода	1945 г.		за 9 месяцев 1946 г.		за IV квартал 1947 г.		1948 г.		1949 г.	
	всего	в %	всего	в %	всего	в %	всего	в %	всего	в %
Самовольный уход с предприятия	279	18	279	25,2	64	13,9	85	7	21	2,1
Перевод на другие предприятия	276	18	159	14,3	307	66,6	438	39	266	27
По инвалидности или смерти	546	35	303	27,3	16	3,5	89	8	54	5,5
Призыв военным комиссариатом, прием на учебу	144	9	16	1,4	13	2,8	98	9	60	6
По разрешению администрации предприятия	309	20	352	31,8	61	13,2	438	39	587	59,4
Всего выбыло	1554	100	1109	100	461	100	1125	100	988	100

На основании данных таблицы 2 можно сделать вывод о том, что, несмотря на то, что Указы Президиума Верховного Совета СССР, вводившие уголовно-правовые меры наказания за нарушение трудовой

⁹³ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5064. Л. 48.

⁹⁴ ЦГА УР. Ф. Р-1467. Оп. 2. Д. 478. Л. 131.

⁹⁵ Там же. Ф.Р.-1458. Оп.2. Д.430. Л. 8, 9, 19, 27 об, 49 об; Д. 553. Л.1; Д. 623. Л. 4, 4 об; Д. 624. Л. 99 об.

дисциплины сохраняли свое действие, это не являлось значительным препятствием для желающих уйти с работы. Сохранение значительного процента ушедших без разрешения администрации в 1945, 1946 гг. можно объяснить сохранением на предприятии значительной доли эвакуированных, которые из-за искусственно создаваемых административных барьеров не могли получить разрешение на уход с работы, снижение этой группы к 1948 и 1949 гг. можно объяснить завершением реэвакуационного процесса. Следует отметить, увеличение доли ушедших по разрешению администрации с 20 % от общего числа ушедших в 1945 г. до 59,4 % в 1949 г., что демонстрирует тенденцию к выстраиванию трудовых отношений в рамках, предусмотренных Кодексом законов о труде.

На заводе № 71 доля покинувших предприятие без разрешения администрации уменьшилась с 20 % в 1947 г., до 10 % в 1948 г., и составила 8 % в 1949 г. Практика перевода рабочих на другие предприятия среди причин увольнения также выразила тенденцию к снижению с 25 % в 1947 г., 19 % в 1948 г., и до 8 % в 1949 г. К сожалению, архивные материалы не позволяют выявить точное соотношение ушедших по разрешению администрации, но графа прочие, включающая в себя как призванных военным комиссариатом, ушедших на учебу, так и уволенных по разрешению администрации, в 1947 г. составляет 33 %, в 1948 г. – 54 %, в 1949 г. – 58 %. Доля ушедших по инвалидности уменьшилась с 20 % в 1947 г., 17 % в 1948 г., и до 15 % в 1949 г.⁹⁶.

Среди причин увольнения рабочих значительное место занимал уход с предприятия без разрешения администрации или «дезертирство». На заводе № 235 ушли с работы без разрешения администрации 33 % от общего числа уволенных в 1946 г. (1069 из 3264), 22 % – в 1946 г. (964 из 4361), 47 % – в 1947 г. (1255 из 2661), 37 % – в 1948 г. (644 из 1733)⁹⁷.

⁹⁶ Сост. по: ЦГА УР. Ф. Р-1467. Оп. 3. Д. 293. Л. 32 об, 54 об, 76 об, 98 об; Д. 325. Л. 29 об, 61 об, 89 об, 148 об.

⁹⁷ Там же. Ф. Р-785. Оп. 5. Д. 5. Л. 13; Д. 6. Л. 14; Д. 9. Л. 11; Д. 17. Л. 16.

На основании данных архивных материалов, можно утверждать, что текучесть рабочей силы провоцировал ряд факторов: сохранение практики посылки рабочих на временные работы (строительство, торфопредприятия), разной системой оплаты труда в основных и вспомогательных цехах, при равной трудоемкости, например, в 1949 г. 42 % самовольно оставивших производство на заводе № 71 работали во вспомогательных цехах, где заработная плата к не превышала 400-500 рублей в месяц⁹⁸.

На основании данных архивных материалов можно реконструировать обобщенные социальные портреты нарушителей трудовой дисциплины первых послевоенных лет. Как правило, дезертировали с производства беспартийные выпускники ФЗО и РУ, в возрасте от 16 до 20 лет, проживающие в общежитии, со стажем работы от 6 месяцев до года⁹⁹. Как правило, социальный портрет «злостного прогульщика» совпадал с социальным портретом дезертира: беспартийный выпускник ФЗО и РУ, в возрасте от 16 до 20 лет. Единственным отличием был стаж работы на предприятии. Как правило, подавляющее большинство прогулов было совершено рабочими, проработавшими на предприятии свыше трех лет¹⁰⁰.

Проводимая на заводах послевоенная конверсия привела к изменению профиля цехов, а в ряде случаев некоторые цехи вообще закрывались¹⁰¹. Складывалась крайне сложная ситуация: полученная молодыми рабочими специальность в новых условиях производства чаще всего оказывалась невостребованной. Анализ архивных материалов позволяет выделить два основных варианта начала трудовой карьеры для выпускников ФЗО и РУ: пройти переобучение новой специальности на заводе и, соответственно, быть востребованным на производстве или работать на подсобных работах. Всего на заводе № 74 прошло переобучение 580 выпускников ФЗО и РУ, в 1948 г. – 526, в 1949 г. – 181¹⁰². Существующие архивные данные не позволяют

⁹⁸ ЦГА УР. Ф. Р-1467. Оп. 3с. Д. 399. Л. 15 об.

⁹⁹ Там же. Ф. Р-1458. Оп. 2. Д. 430. Л. 30.

¹⁰⁰ Там же. Л. 12.

¹⁰¹ Там же. Ф. Р-1276. Оп. 1. Д. 139. Л. 1об.

¹⁰² Там же. Ф. Р-543. Оп. 18. Д. 584. Л. 67 об.

сделать вывод о количественных соотношениях первой и второй групп. Но частые случаи нарушения трудовой дисциплины выпускниками ФЗО и РУ позволяют утверждать, что группа недовольных своим положением молодых рабочих была значительной. На заводе № 524 в период с 1944 г. по 1946 г. доля самовольно ушедших с завода молодых рабочих составляла 47,7 % от общего количества выбывших с завода¹⁰³. В 1945 г. ушли с работы без разрешения администрации 34 % от общего числа уволенных выпускников ФЗО и РУ завода № 544 (43 из 126), 74 % завода № 235 (152 из 206), в 1946 г. – 50 % завода № 235 (261 из 518), 51 % завода № 544 (53 из 104), в 1947 г. – 39 % завода № 544 (75 из 191), 76,5 % завода № 235, 54 % завода № 71 (413 из 763), в 1948 г. – 80 % завода № 235 (219 из 274), 30 % завода № 71 (113 из 367)¹⁰⁴.

Комиссия, проверявшая в 1946 г. материально-бытовые условия и трудовое использование выпускников ФЗО и РУ, переданных заводу № 524, пришла к выводу, что рост количества самовольного ухода с работы среди молодых рабочих вызван причинами экономического характера, а именно «снижением заработка молодых рабочих в период перестройки завода на выработку мирной продукции, непроявлением со стороны администрации завода достаточной заботы по правильному трудовому использованию и надлежащему жилищно-бытовому устройству»¹⁰⁵. Подобная ситуация складывалась и на других заводах республики, входивших в ведение Министерства вооружения СССР. В акте обследования условий жизни выпускников ФЗО и РУ на заводе № 622 за 1947 г. отмечалось: «Молодые рабочие жалуются на простои, на низкий заработок, на недостаток света, на плохую работу по повышению их производственного уровня, на плохие жилищно-бытовые условия, на плохое снабжение промтоварами по ордерам, на плохую разъяснительную работу, в результате чего многие не знают по

¹⁰³ ЦГА УР. Ф. Р-1276. Оп. 1. Д. 139. Л. 3.

¹⁰⁴ Сост по: ЦГА УР. Ф. Р-1276. Оп. 1. Д. 171. Л. 2; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5066. Л. 9, 77.

¹⁰⁵ ЦГА УР. Ф. Р-1276. Оп. 1. Д. 139. Л. 3.

какому разряду производят им расчет, как рассчитывают за простои, не выдают им на руки расчетные книжки...»¹⁰⁶.

Именно тяжелые материально-бытовые условия жизни выпускников ФЗО и РУ, работа не по полученной специальности приводили к тому, что они покидали предприятия без разрешения администрации, хотя согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. все, окончившие РУ, ФЗО и железнодорожные училища, считались мобилизованными и были обязаны отработать четыре года на государственных предприятиях¹⁰⁷. Таким образом, система трудовой мобилизации в послевоенное время сохраняла свою силу в отношении выпускников ФЗО и РУ.

Вплоть до 1951 г. сохраняли свое действие законодательные акты, направленные на укрепление трудовой дисциплины, введенные в годы войны. Продолжали действовать Указы Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», от 19 октября 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий в другие», от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий»¹⁰⁸. По данным В.П. Попова, общее количество осужденных по Указам Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. и 15 апреля 1942 г. (за прогулы и самовольные уходы с предприятий и учреждений, за не выработку колхозниками обязательного минимума трудодней и уклонения от мобилизации на сельскохозяйственные работы) составляло: в 1940 г. – 2091438 человек (или 62,8 % ко всему числу осужденных гражданскими судами), в 1946 г. – 1207808 человек (52,5 %), в 1947 г. – 1048725 человек (43

¹⁰⁶ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4819. Л. 87.

¹⁰⁷ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. Т.2. М., 1957. С.699.

¹⁰⁸ Там же. С.702-703.

%), в 1948– 938841 человек (46,9 %), в 1949 г. – 929683 человек (48,3 %), в 1950 г. – 845216 человек (48,4 %), в 1951 г. – 538147 человек (37,9 %) ¹⁰⁹.

Существующий механизм реализации наказаний по отношению к нарушителям трудовой дисциплины был неэффективным. Суды регулярно нарушали установленные сроки рассмотрения дел о прогулах (в течение 48 часов) и самовольном оставлении работы (в течение 72 часов). К тому времени как народные суды направляли в милицию решение о принудительном приводе в суд нарушителя трудовой дисциплины, последний уже успевал сменить место жительства. В результате чего, дело приостанавливалось за нерозыском виновного.

Рабочий завода № 235 А.Г. Максимов 1 августа 1950 г. совершил прогул, суд рассмотрел его дело только через 4 месяца – 26 декабря 1950 г., а решение о приводе нарушителя трудовой дисциплины было направлено в милицию только 31 мая 1951 г. Между фактом нарушения трудовой дисциплины и последовавшим наказанием прошли практически 10 месяцев ¹¹⁰.

Были зафиксированы случаи, когда отдел найма и увольнения завода передавал дело в суд на невиновных рабочих. 25 апреля 1949 г. отдел найма и увольнения завода № 235 передал материал в суд на рабочего В.Г. Русанова как на прогульщика, но при разборе дела выяснилось, что в этот день он находился на больничном ¹¹¹.

К началу 1950-х гг. функционировавшая система регулирования трудовой дисциплины карательными мерами исчерпала себя. В 1951 г. была проведена амнистия среди отбывающих наказание за нарушение Указа от 26 июня 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1951 г. освобождались от наказания лица, осужденные за самовольный уход с предприятий и учреждений и за прогулы без уважительных причин по статье 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. В

¹⁰⁹ Попов В.П. Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны (1946–1953 гг.) М., 2002. С.145.

¹¹⁰ ЦДНИ УР. Ф. 724. Оп. 4. Д. 564. Л. 4 об.

¹¹¹ Там же. Ф. 16. Оп. 4. Д. 564. Л. 4 об.

отношении этих лиц прекращалось производство уголовных дел и снималась судимость¹¹². Следует согласиться с мнением исследователя Н.В. Кузнецовой, выделяющей в качестве основных причин отмены действий Указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г. их политическую нецелесообразность и экономическую неэффективность¹¹³.

В этот же день, 14 июля 1951 г. был подписан еще один Указ Президиума Верховного Совета СССР, который заменял судебную ответственность за прогул мерами дисциплинарного и общественного воздействия. За прогул без уважительной причины руководитель предприятия мог применить одну из следующих мер:

а) «дисциплинарное взыскание согласно правилам внутреннего распорядка, а на предприятиях и в учреждениях, где действуют специальные уставы о дисциплине, согласно этим уставам;

б) лишение права на получение процентной надбавки на срок до трех месяцев или снижение единовременного вознаграждения за выслугу лет в размере до 25 процентов на предприятиях и в учреждениях, где установлена выплата за выслугу лет процентных надбавок к заработной плате или единовременного вознаграждения;

в) увольнение с работы с указанием в трудовой книжке о том, что работник уволен за прогул без уважительной причины»¹¹⁴.

Указ сохранял возможность применения уголовных мер наказания за прогул в виде исправительно-трудовых работ по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25 % , но только в случае неоднократных прогулов (больше 2 раз в течение трех месяцев). Изменилось и определение прогула. Если ранее прогулом считалось опоздание до 20 минут, то, начиная с 1951 г., прогулом стала считаться неявка на работу в

¹¹² ЦГА УР. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

¹¹³ Кузнецова Н.В. Восстановление и развитие экономики Нижнего Поволжья в послевоенные годы (1945–1953). Волгоград, 2005. С. 149.

¹¹⁴ ЦГА УР. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 1. Л. 55.

течение всего рабочего дня. Также прогульщиками считались рабочие и служащие, оказавшиеся на работе в нетрезвом виде¹¹⁵.

Дела о прогулах, согласно этому указу, рассматривались в народном суде с участием народных заседателей, а не в военных трибуналах, как это было в течение 10 предыдущих лет. Постановлением Совета Министров СССР № 2520 от 14 июля 1951 г. на предприятиях создавались товарищеские суды. В сферу их компетенции входило рассмотрение дел о прогулах без уважительных причин, опоздании на работу или преждевременном уходе с работы, появлении на работе в нетрезвом виде и других нарушений трудовой дисциплины. Дела об указанных нарушениях рассматривались товарищескими судами только в тех случаях, когда эти нарушения по своему характеру не влекли за собой уголовной ответственности. Вопрос о направлении дела в товарищеский суд решался руководителем предприятия. Товарищеский суд состоял из 5-7 человек, которые выбирались на общих собраниях рабочих и служащих предприятия тайным голосованием сроком на один год. Товарищеский суд мог применять следующие меры наказания:

а) объявление общественного порицания;

б) объявление общественного выговора;

в) поставить вопрос перед руководителем предприятия о понижении виновного в должности либо об увольнении его с работы.

г) поставить перед руководителем предприятия или учреждения вопрос о передаче материалов следственным или судебным органам для привлечения виновного к уголовной ответственности¹¹⁶.

Введение в действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1951 г. «О замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогул, кроме случаев неоднократного и длительного прогулов, мерами дисциплинарного и общественного воздействия» потребовало кардинального

¹¹⁵ ЦГА УР. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 1. Л. 88.

¹¹⁶ Там же. Л. 93 об.

переосмысления принципов подхода к нарушениям трудовой дисциплины, как со стороны судебных органов, так и со стороны администрации предприятий.

Вслед за Постановлением ЦК ВКП(б) от 17 августа 1951, последовало решение бюро Удмуртского обкома ВКП(б) от 24 августа 1951 г. «О работе партийных организаций в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1951 г.». Оно обязало горкомы ВКП(б) провести совещание народных судей и работников прокуратуры, на которых компетентные партийные руководители должны были дать комментарии по поводу применения Указа. Также горкомы партии должны были провести совещания секретарей первичных партийных организаций, председателей местных и цеховых комитетов профсоюзов и руководителей предприятий и учреждений. Товарищеские суды были созданы во всех учреждениях и предприятиях, насчитывающих не менее 100 человек работающих. Кандидатуры в состав товарищеских судов подбирались и рассматривались первичными партийными организациями. Как правило, в товарищеские судьи старались подбирать рабочих и служащих, пользующихся уважением своих товарищей. Кроме того, при подборе судей старались учитывать принцип равного представительства женщин и мужчин, партийных и беспартийных¹¹⁷.

Товарищеские суды не оправдали возложенной на них задачи стать для администрации предприятий надежным рычагом общественного воздействия на нарушителей трудовой дисциплины. К тому их заседания проводились при небольшом количестве собравшихся, принятые решения редко доводились до сведения всех работников предприятий¹¹⁸. По мере работы товарищеских судов, администрация заводов все чаще приходила к выводу, что товарищеские суды не оправдывают своего назначения в укреплении трудовой дисциплины, т.к. «по существу рассматриваемого судом дела

¹¹⁷ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6079. Л. 69-69 об.

¹¹⁸ Кузнецова Н.В. Восстановление и развитие экономики Нижнего Поволжья в послевоенные годы (1945-1953). Волгоград, 2002. С. 151.

выступлений со стороны рабочих мало, кроме того, по отдельным цехам, *вместо критических выступлений по делу, присутствующие выступают с сочувствием к нарушителям*» (выделено мною. – О.В.)¹¹⁹.

Все это привело к тому, что администрация предприятий предпочитала применять по отношению к нарушителям трудовой дисциплины дисциплинарные меры взыскания, а в товарищеские суды передавать лишь небольшое количество дел о нарушениях трудовой дисциплины.

За второе полугодие 1951 г. на заводе № 622 было совершено 146 прогулов. Дисциплинарное взыскание получили 91 человек (62 %), в товарищеский суд было передано 26 дел (18 %) и уволено с работы 29 человек (20 %)¹²⁰. В целях повышения дисциплины на предприятиях проводились профсоюзные собрания, на которых объяснялся Указ Президиума Верховного Совета от 14 июля 1951 г.

Как правило, принятие этого указа в своих публичных высказываниях рабочие одобряли. На профсоюзном собрании цеха рабочих завода № 622 А.А. Трифонов отмечал: «Я считаю, что всем рабочим из года в год становится жить все легче и легче. После окончания войны постепенно с каждым годом проводится снижение цен... вот изменяются указы президиума Верховного Совета в сторону улучшения жизни рабочих»¹²¹.

Осторожно высказывались мнения о том, что данный указ давал возможность прогуливать, не опасаясь какого-либо серьезного наказания: «Я понимаю, что теперь вроде бы не судят и можно прогулять, не выйти на работу, это, товарищи, неправильно, кто так думает, тот лодырь, разгильдяй...»¹²².

На профсоюзных собраниях представители администрации обращали внимание на то, что Указ отходил от норм военного времени за нарушение трудовой дисциплины и учитывал обстоятельства, приведшие к прогулу или опозданию. На профсоюзном собрании цеха № 25 завода № 622 Опарина

¹¹⁹ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5813. Л. 57.

¹²⁰ ЦГА УР. Ф. Р-1458. Оп. 2. Д. 850. Л. 80.

¹²¹ Там же. Ф. Р-1467. Оп. 2. Д. 13. Л. 20 об.

¹²² Там же. Л. 21.

привела такой пример: «Вот вчера был случай с работницей Коротковой, которая должна была выйти в ночную смену, но ввиду того, что остановились часы опоздала на 20 минут... По старому указу мы должны были оформить акт, а работница до сего времени не имела ни одного замечания, добросовестно всегда относилась, ведь просто жаль таких рабочих. Это может случиться со всеми рабочими. Вот ведь чем важен этот указ, где-то задержался, безвыходное положение, не мог прийти на работу и все это учли. А раньше что было, умышленно ты не вышел на работу или по уважительной причине, все равно дело передавали в судебный орган»¹²³.

В выступлениях представителей администрации на заводских профсоюзных собраниях звучало определенное недовольство к возникшей безнаказанности нарушителей трудовой дисциплины: «Это постановление правительства видно некоторые товарищи недопоняли, из чего видно, что после указа у нас резко увеличилось нарушение трудовой дисциплины....»¹²⁴.

В выступлении секретаря Ижевского Горкома ВКП(б) Силкина на профсоюзной конференции завода № 622 отмечалось, что отказ от уголовно-правовых мер регулирования дисциплины привел в рост нарушений трудовой дисциплины: «...За последнее время трудовая дисциплина на заводе резко пошатнулась. Это государственный завод и мы должны следить за тем, чтобы дисциплина соответствовала бы государственному предприятию. Нужно, товарищи, сказать, что только за последнее время прогулы и нарушения трудовой дисциплины увеличились примерно в 2 раза. На заводе очень легко стали подходить и оценивать нарушения трудовой дисциплины....»¹²⁵.

Политика государства в области регулирования трудовых отношений в послевоенный период претерпела ряд изменений, которые затрагивали изменения подходов к регулированию трудовой дисциплины, формам привлечения рабочих на производство. Модель трудовых отношений,

¹²³ ЦГА УР. Ф. Р-1467. Оп. 2. Д. 13. Л. 20об.

¹²⁴ Там же. Л. 21 об.

¹²⁵ Там же. Д. 12а. Л. 69.

созданная накануне и в годы Великой Отечественной войны, в качестве основных компонентов включала в себя: предельно централизованную систему регулирования трудовых ресурсов, использование принудительных форм привлечения к труду в виде трудовой повинности и трудовой мобилизации, принятие законодательных актов, прикрепляющих рабочих к предприятиям, введение уголовных мер наказания за нарушение трудовой дисциплины. Модель трудовых отношений, действовавшая после окончания Великой Отечественной войны, сохраняла в себя как ряд черт военного времени, так и ряд изменений, связанных с мирным временем. В послевоенное время произошел процесс перехода от милитаризованных форм привлечения рабочей силы на предприятия к системе свободного найма с сохранением ряда промежуточных форм в виде практиковавшейся системы организованного набора рабочих из числа сельских жителей и использования на производстве труда выпускников ФЗО и РУ. Произошла децентрализация системы регулирования трудовых ресурсов. Между тем продолжал существовать единый орган – Министерство трудовых резервов СССР, которое контролировало процесс организованного набора рабочей силы на предприятия и контролировало процесс использования выпускников ФЗО и РУ на предприятиях. Следует отметить, что Министерство трудовых резервов СССР совместно с представителями профсоюзов и администрации предприятий осуществляло контроль над условиями проживания переданных предприятию молодых рабочих. Определенные социальные гарантии содержал и договор, который подписывали при проведении организованного набора. Он, в частности, включал в себя выплату подписавшим определенной суммы денег, гарантии предоставления предприятием жилья. Часто эти гарантии оставались только на бумаге. В законодательстве были сохранены карательные меры за нарушение трудовой дисциплины, введенные в предвоенные и военные годы. Необходимость сохранения этих мер вызывалась необходимостью сохранения стабильного состава рабочей силы, в частности, это касалось стремлением государства закрепить

эвакуированных рабочих на новом месте работы. Основными нарушителями трудовой дисциплины в первые послевоенные годы были эвакуированные и выпускники ФЗО и РУ. Стремление эвакуированных вернуться на прежнее место жительства натыкалось на нежелание администрации предприятий терять высококвалифицированных рабочих. В этих условиях, значительная часть эвакуированных была поставлена перед выбором: покинуть производство и стать дезертиром производства, или остаться. Нарушение трудовой дисциплины выпускниками ФЗО и РУ было связано, прежде всего, с использованием их на производстве не по полученной специальности, недовольством материально-бытовыми условиями жизни.

Сохранение указов, прикрепляющих рабочих к предприятию, расценивавших нарушение трудовой дисциплины в рамках уголовного кодекса в условиях изменения подходов государства к формированию трудовых ресурсов, а именно отказа от трудовой мобилизации и трудовой повинности, становилось анахронизмом, к тому же дела о нарушениях трудовой дисциплины привели к значительной нагрузке на судебную систему страны.

Полноценная амнистия за прогулы и самовольный уход с работы была проведена в 1951. Одновременно была заменена уголовная ответственность за нарушения трудовой дисциплины мерами дисциплинарного и общественного воздействия. Наибольшее распространение получили дисциплинарные меры воздействия на нарушителей трудовой дисциплины, в то время как меры общественного воздействия, в виде товарищеских судов, не рассматривались администрацией как надежное средство по укреплению трудовой дисциплины. Отмена уголовных мер наказания за нарушение трудовой дисциплины привела к росту прогулов и самовольных уходов на предприятиях. Товарищеские суды как средство общественного воздействия не оправдали возложенных на них ожиданий по укреплению трудовой дисциплины. В этих условиях, произошел переход к апробированной ранее

системе укрепления трудовой дисциплины через усиление работы Генеральной прокуратуры, милиции, администрации заводов.

1.3. Количественные и качественные характеристики рабочих оборонных заводов Удмуртии

Вопрос численности рабочих предприятий Наркомата вооружения СССР, расположенных в республике, распределение рабочих в структуре промышленного производства не получили достаточного освещения в региональной историографии. Для более полного изучения социального положения рабочих оборонной промышленности республики необходимо определить место и долю предприятий оборонной сферы в промышленном производстве республики в целом, выявить общие тенденции изменений численности рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве страны, в послевоенный период, охарактеризовать изменения половозрастного состава, сравнить уровень оплаты труда в различных сферах народного хозяйства республики.

К концу войны советская военная промышленность была объединена в шесть наркоматов: боеприпасов, вооружения, судостроения, авиационной промышленности, танковой, минометной промышленности. В систему Наркомата вооружения СССР в 1945 г. входило 6 крупнейших заводов республики: заводы № 71 (Ижевский металлургический завод), № 74 (Ижевский машиностроительный завод), № 235 (Воткинский машиностроительный завод), № 524 (Ижевский мотоциклетный завод), № 544 (Глазовский патронный завод), № 622 (Ижевский механический завод). В 1947 г. в ведении Министерства вооружения СССР насчитывалось 5 заводов республики, так как в 1947 г. завод № 544 был передан из Министерства вооружения СССР в ведение 1-го Главного управления при Совете Министров СССР. В 1947 г. здесь начался выпуск металлического урана¹²⁶.

Окончание Великой Отечественной войны потребовало изменения основных приоритетов в расходной части бюджета, в частности, это

¹²⁶ История Удмуртии. XX век. Ижевск, 2005. С. 284

выразилось в сокращении доли прямых военных расходов. 26 мая 1945 г. были опубликованы постановления ГКО «О мероприятиях по перестройке промышленности в связи с сокращением производства боеприпасов», «О мерах по перестройке промышленности в связи с сокращением производства вооружения». Произошли изменения в структуре оборонной промышленности, были упразднены наркоматы боеприпасов, минометного вооружения, танковой промышленности. В течение 6-9 месяцев с начала перестройки промышленности выпуск гражданской продукции лишь в незначительной степени возмещал снижение военного производства. Это приводило к уменьшению общего объема производства, ухудшению качественных показателей, сокращению численности рабочих¹²⁷.

Результатом проведения конверсии в Удмуртии стало значительное сокращение производства военной продукции. В конце 1946 г. завод № 71 перешел на выпуск гражданских марок стали, завод № 74 восстановил станкостроительное производства в размере довоенного, освоил производство электрозакроечного ножа, производство мотоцикла ИЖ-350, завод № 622 приступил к производству циферблатных весов, завод № 524 перестроил производство на выпуск охотничьих ружей ИЖб-36 и электропил, осваивал производство охотничьего ружья типа «Зауэр». В наиболее сложном положении оказался завод № 235, производивший в годы войны артиллерийское вооружение. Он лишь приступил к серийному выпуску локомотивов 75 л.с., осваивал узкоколейный паровоз¹²⁸.

Конверсия в Удмуртии носила кратковременный характер. Изменение внешнеполитической обстановки предопределило свертывание конверсии. С 1947 г. завод № 622 приступил к производству автомата АК-47, калибра 7,62 мм. Завод № 235 продолжил развивать артиллерийское производство: с 1946 по 1956 гг. производился выпуск противотанковой 57-мм пушки ЗИС-2 и запасных частей к ней и другого вооружения. Ряд предприятий Удмуртии

¹²⁷ Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-е–1980-е гг.: экономические аспекты развития // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М., 2004. С.241.

¹²⁸ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4414. Лл.111, 112, 126.

были включены в разработку мероприятий по реализации атомного проекта СССР.

Одним из итогов конверсии стало сокращение общего объема производства, ухудшение качественных показателей, сокращение численности рабочих. Процесс сокращения военного производства коснулся в основном быстро устаревавших вооружений, но, начиная с 1947 г. отмечалось снижение планов по производству гражданских изделий в ряде министерств оборонного профиля и начался процесс освоения и наращивания новых видов вооружения¹²⁹.

В период Великой Отечественной войны произошло сокращение численности рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве страны, с 31,2 млн. в 1940 г. до 27,3 млн. человек, а в промышленности с 11 млн. до 9,5 млн.¹³⁰. Тенденция снижения численности рабочих была характерна для отраслей гражданской промышленности. В отраслях военной промышленности произошел рост численности рабочих и служащих, прежде всего за счет передачи наиболее крупных предприятий в оборонную промышленность. Проводимая в годы войны эвакуация промышленных предприятий из западных и центральных регионов страны на восток способствовала увеличению рабочих ресурсов восточных регионов страны. Если в 1940 г. в шести областях Урала численность рабочих и служащих составляла 241,1 тыс. человек, то в 1945 г. – 322,4 тыс., прирост составил 33,6%. Подобный рост численности рабочих и служащих, занятых в промышленности, был и в Удмуртии: с 92,5 тыс. в 1940 г. до 124,8 тыс. человек в начале 1945 г.¹³¹.

Изменение численности рабочих и служащих в УАССР, занятых на заводах Наркомата вооружения СССР, за годы Великой Отечественной войны, представлено в таблице 3.

¹²⁹ Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-е–1980-е гг.: экономические аспекты развития // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 241.

¹³⁰ Смирнов А.В. Главный источник нашей силы. Рабочие промышленности СССР. 1945–1970. М., 1984. С. 68.

¹³¹ Суханов А.И. Рабочий класс Удмуртии. Ижевск, 1979. С. 96.

Таблица 3. Численность рабочих и служащих заводов Наркомата вооружения СССР, расположенных в УАССР в 1941-1945 гг.¹³².

Заводы Наркомата вооружения СССР	Численность рабочих и служащих на 29 октября 1941 г.	Численность рабочих и служащих на 1 января 1945 г.
завод № 71	18990	18642
завод № 74	46600	28357
завод № 235	1866	16332
завод № 544 ¹³³	3649	2358
завод № 524	4900	5006
завод № 622 ¹³⁴	-	7577
Всего	76005	80772

В послевоенный период наблюдался процесс значительного сокращения трудовых ресурсов страны, обусловленный прежде всего демографическими последствиями Великой Отечественной войны. Если 1 апреля 1945 г. в народном хозяйстве УАССР было занято 225296 человек (за исключением колхозников), то 1 апреля 1946 г. 220550 человек (данные по промышленности приведены без рабочих и служащих МГБ, МВД, аппарата партийных и комсомольских организаций). Общая численность промышленно-производственного персонала в промышленности республики сократилась с 127179 человек в 1945 г. до 120213 человек в 1946 г.¹³⁵. Основной причиной был уход с предприятий мобилизованных, эвакуированных рабочих.

Распределение рабочих в структуре промышленности УАССР явно демонстрирует милитаризованный характер экономики республики. На 1 января 1945 г. на предприятиях Наркомата вооружения СССР было занято 80772 человек или 63,5 % от общей численности, занятых в промышленности. На 1 апреля 1946 г. доля работающих на предприятиях

¹³² ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 43. Л. 139-139 об.; Ф. Р-845. Оп. 17. Д. 5. Лл. 7, 10, 18, 24.

¹³³ Завод № 544 был создан на базе Ижевского мотоциклетного завода согласно постановлению ГКО от 23 ноября 1941 г.

¹³⁴ Завод № 622 был создан на базе завода № 74 по постановлению ГКО от №2067 сс, от 20 июля 1942 г.

¹³⁵ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 17 е. Д. 8. Л. 57.

Министерства вооружения СССР, расположенных в городских поселениях, составляла 64052 человек, что составляло 53,3 % от общей численности рабочих и служащих, занятых в промышленности республики¹³⁶.

На 1 сентября 1947 г. в народном хозяйстве УАССР было занято 197710 человек, из них в промышленности 97360 человек или 49,2 %. Доля работающих на предприятиях Министерства вооружения СССР, расположенных в городской и сельской местности, составляла 71762 человек или 74 %, на предприятиях, расположенных в городской местности – 65214 человек или 67 %¹³⁷. На 1 сентября 1950 г. в народном хозяйстве республики было занято 221,9 тыс. человек, из них в промышленности – 118000 человек¹³⁸. Доля работающих на предприятиях Министерства вооружения СССР, расположенных в городах республики, составляла 72148 человек или 61 %¹³⁹.

Значительные изменения произошли в половозрастной структуре рабочего класса УАССР. В годы войны в условиях ухода значительной части мужчин на фронт возникла необходимость привлечения в промышленное производство женщин. Всего на 1 апреля 1945 г. в народном хозяйстве Удмуртии (за исключением колхозов) было занято 126605 женщин (или 56,2 %) ¹⁴⁰. На 1 января 1945 г. удельный вес женщин среди рабочих служащих предприятий Наркомата вооружения СССР составлял от 32 % (завод № 71), 44 % (завод № 622), 52 % (завод № 74) до 57 % (завод № 544)¹⁴¹.

В 1949 г. численность женщин среди рабочих и служащих (включая и персонал, занятый в непромышленных организациях) Министерства вооружения СССР составила 31365 человек (45,8 %), в том числе среди промышленно-производственного персонала – 23596 человек или 46,7 %¹⁴². В 1950 году во всех отраслях народного хозяйства УАССР было занято 117169

¹³⁶ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 17е. Д. 8. Лл. 51, 57.

¹³⁷ Там же. Д. 10. Лл. 142, 144.

¹³⁸ Там же. Д. 17. Л. 44.

¹³⁹ Там же. Л. 12.

¹⁴⁰ Там же. Д. 8. Л. 57.

¹⁴¹ Там же. Д. 5. Лл. 7, 10, 18, 24 об.

¹⁴² Там же. Д. 14. Л. 50.

женщин или 52,8 %. В промышленности доля женского труда составляла 47,7 %, в строительстве – 40,3 %, в совхозах – 53,7 %, МТС – 27,6 %, в общественном питании – 87,9 %, в системе просвещения – 74,7 %¹⁴³.

В годы войны увеличилась численность промышленно-производственного персонала в возрасте до 18 лет. По народному хозяйству УАССР рабочие и служащие до 18 лет составляли 13,9 %¹⁴⁴. Если в 1944 г. на заводе № 71 на долю рабочих и служащих до 18 лет приходилось почти 10 % промышленно-производственного персонала, то на 1 марта 1947 г. – 5 %, а на 5 мая 1950 г. – 3 %¹⁴⁵.

За годы войны увеличилась группа рабочих и служащих в возрасте от 50 лет и старше. В конце 1944 г. в народном хозяйстве республики 10,1 % всего персонала составляли рабочие старшего возраста¹⁴⁶. К 1950 г. доля рабочих старшего возраста старшего возраста сократилась незначительно и составляла 9 %¹⁴⁷.

Что же касается доли персонала в возрасте от 18 до 49 лет, то на заводе № 71 в 1945 г. она составляла 82 %, в 1947 г. – 88 %, в 1950 г. – 90 % работающих на предприятии¹⁴⁸. Это было несколько выше, чем в целом по республике (1949 г. в народном хозяйстве УАССР доля рабочих в возрасте от 18-49 лет составляла 87,4 %, в 1950 г. – 88,1 %) ¹⁴⁹.

За годы войны произошли серьезные изменения в качественном уровне рабочих оборонной промышленности Удмуртии, а именно в соотношении доли высококвалифицированных и неквалифицированных рабочих. Это было вызвано значительным обновлением рабочей силы за счет прихода на производства женщин, подростков, изменением форм пополнения рабочей силы – введением трудовой мобилизации. Как отмечал А.И. Суханов, в

¹⁴³ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 17е. Д. 20. Л. 21.

¹⁴⁴ Там же. Д. 21. Л. 95.

¹⁴⁵ Там же. Ф. Р-1467. Оп. 3. Д. 259. Л. 3; Д. 293. Л. 5; Д. 448. Л. 39.

¹⁴⁶ Там же. Ф. Р-845. Оп. 8. Д. 21. Л. 95.

¹⁴⁷ Там же. Оп. 17. Д. 20. Л. 21.

¹⁴⁸ Там же. Ф. Р-1467. Оп. 3. Д. 293; Д. 448. Л. 39.

¹⁴⁹ Там же. Ф. Р-845. Оп. 17. Д. 17. Л. 28. Д. 20. Л. 21.

первые послевоенные годы наблюдался процесс сокращения числа низкоквалифицированных рабочих¹⁵⁰.

Таблица 4. Распределение рабочих завода № 71 в зависимости от тарифного разряда (в % к итогу)¹⁵¹

Годы	Разряды							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1945		1	26	30	24	14	4	1
1947	0,1	0,7	21,8	28,6	24,7	16,8	5,4	1,9
1948	-	0,9	26,7	27	23,2	14,9	5,7	1,6
1950	-	2,1	24,6	27,5	25,5	14,3	4,1	1,4

В послевоенный период соотношение удельного веса рабочих средней квалификации (3-4 разрядов) и высокой квалификации было примерно одинаковым.

В 1945 г. рабочие 3-4 разрядов составляли 54 % всех работающих на заводе № 74, 53,4 % на заводе № 622, 59,5 % на заводе № 524. Соответственно, рабочие высокой квалификации (5-8 разрядов) составляли 45 % всех работающих на заводе № 74, 46,2 % на заводе № 622, 40 % на заводе № 524¹⁵².

В 1948 г. рабочие 3-4 разрядов составляли 46,4 % на заводе № 74, 44,8 % на заводе № 622, 55,1 % на заводе № 524, в то время как доля рабочих высокой квалификации составила 53,4 % на заводе № 74, 54,6 % на заводе № 622, 44,9 % на заводе № 524¹⁵³.

В период войны уровень заработной платы находился в зависимости от важности той или иной отрасли для военного хозяйства. В мае 1945 г. средняя заработная плата в Наркомате танковой промышленности СССР по сравнению со средней заработной платой рабочих машиностроительных, металлообрабатывающих предприятий была выше на 25 %, в Наркомате

¹⁵⁰ Суханов А.И. Рабочий класс Удмуртии. Ижевск, 1979. С. 133.

¹⁵¹ Сост. по: ЦГА УР.Ф.Р-845. Оп.17. Д. 5. Л.10; Д. 10. Л. 43; Д. 13. Л.57.

¹⁵² Там же. Лл. 6, 18, 32.

¹⁵³ Там же. Д. 13. Лл. 17, 32, 72.

вооружения СССР на 12 %, в Наркомате авиационной промышленности СССР на 17 %. К концу войны разрыв в средней заработной плате между отраслями промышленности доходил до 3 раз¹⁵⁴. При этом реальная заработная плата ввиду значительного роста индекса розничных цен, который составил 325 % от среднего уровня 1940 г. снизилась и составила 40 % по отношению к уровню 1940 г. Денежная заработная плата рабочих в промышленности также выросла, хотя ее реальные размеры в 1945 г. составляли лишь 43 % по отношению к 1940 г.¹⁵⁵

По данным Удмуртского статистического управления средняя заработная плата в рамках всей промышленности УАССР в марте 1945 г. составляла 478 рублей, а в марте 1946 г. – 411 рублей. Конверсия на оборонных предприятиях вызвала снижение заработной платы, так как производительность труда в первое время освоения новых видов гражданской продукции уменьшилась, кроме того снижению заработной платы способствовало сокращение обязательных сверхурочных работ, вызванное нормализацией режима труда. Средняя заработная плата в марте 1945 г. в промышленности составляла 564 рублей, в строительстве – 357 рублей, в совхозах – 198 рублей, в МТС – 232 рубля, в торговле – 234 рубля, в учреждениях здравоохранения – 310 рублей¹⁵⁶. Самый низкий уровень оплаты труда был в колхозах, так в 1945–1947 гг. за год работы колхозник мог заработать только 91 рубль 56 копеек¹⁵⁷.

Заработная плата рабочих оборонной промышленности была значительно выше среднего уровня. Данные за 1947 г. свидетельствуют о том, что эта разница сохранялась и в течение последующих лет. Например, средняя заработная плата за сентябрь 1947 г. по всем отраслям народного хозяйства составляла 543 рубля, в том числе в промышленности – 601 рубль, в совхозах – 359 рублей, в учреждениях здравоохранения – 456 рубль.

¹⁵⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 6. М., 1965. С. 73

¹⁵⁵ Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917–1963). М., 1964. С. 235.

¹⁵⁶ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 17е. Д. 8. Л. 58.

¹⁵⁷ Павлов Н. П. Крестьянство Удмуртии. 1946–1970. Историко-социологические очерки. Ижевск, 1975. С. 139.

Данные не учитывают заработную плату рабочих и служащих Министерства Вооруженных сил СССР, Министерства Государственной безопасности СССР, Министерства внутренних дел СССР (по военнослужащим) и аппарата партийных и комсомольских организаций¹⁵⁸.

За этим общим уровнем стоит достаточная дифференцированная шкала зарплат от 300 рублей до свыше 800 рублей. Можно выделить категорию низкооплачиваемых, чья заработная плата не достигала 300 рублей, среднеоплачиваемых (от 301 до 500 рублей), вышесреднеоплачиваемых от 501 до 800 руб., и категорию высокооплачиваемых (свыше 800 рублей). Данные единовременного учета распределения рабочих и служащих во всех учреждениях, предприятиях и организациях УАССР по размеру заработной платы в 1946 г. выявили следующую картину: 44,5 % получали заработную плату меньше 300 рублей, 35,6 % – от 301 до 500 рублей, 17,3 % – от 501 до 800 рублей, 12,6 % – свыше 800 рублей. В то время как в Министерстве вооружения СССР доля низкооплачиваемых рабочих составляла 22,6 %, от 301 до 500 рублей получали 28,2 % работающих, от 501 до 800 рублей – 25,1 % работающих, свыше 800 рублей – 24,1 %¹⁵⁹. При этом в целом по стране летом 1946 г. зарплата от 300 до 600 рублей была у 35 % рабочих и служащих, от 301 до 400 рублей – у 15,4 %, от 401 до 500 рублей – у 11,6 %, от 501 до 600 рублей – у 8 %¹⁶⁰. Наибольшее число высокооплачиваемых, а значит и более квалифицированных рабочих, было сосредоточено на заводах Министерства вооружения СССР. Значительный разрыв наблюдался между заработной платой ИТР и рабочих. В 1949 г. средняя месячная зарплата рабочих Министерства вооружения СССР составляла 723 рубля, ИТР – 1225 рубля¹⁶¹.

В послевоенный период наблюдалась тенденция сокращения трудовых ресурсов страны, что было обусловлено значительными демографическими

¹⁵⁸ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 17е. Д. 10. Л. 144.

¹⁵⁹ Там же. Д. 8. Л. 53 об.

¹⁶⁰ Попов В.П. Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны (1946–1953). М., 2002. С. 127.

¹⁶¹ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 17 е. Д. 14. Л. 48.

потерями в годы Великой Отечественной войны. Эвакуация, проводимая в годы войны, привела к значительному увеличению рабочих и служащих Удмуртии. Распределение рабочих в структуре промышленности республики позволяет сделать вывод о милитаризованном характере экономики республики. В послевоенный период произошло значительное улучшение половозрастного состава рабочих: увеличение доли рабочих наиболее трудоспособного возраста и сокращение лиц до 18 лет и старших возрастных групп. Доля женского труда на предприятиях оборонного комплекса была несколько меньше, чем в целом по народному хозяйству республики. Уровень оплаты труда в послевоенный период дифференцировался в зависимости от отраслевой принадлежности предприятия. Наиболее высокий уровень заработной платы был на предприятиях Министерства вооружения СССР.

Глава 2. Продовольственная проблема на оборонных заводах УАССР в 1945-1950 гг.

2.1. Обеспечение продовольствием рабочих в условиях карточной системы

Расстановка приоритетов экономического и социального развития советского государства сфера потребления занимала подчиненное место по сравнению с развитием промышленности. Состояние сферы потребления и, в частности, продовольственного снабжения и дальнейшего развития промышленности оказались тесно взаимосвязаны, так как необходимо было обеспечить определенным минимум продовольственного снабжения контингент, занятый в оборонной промышленности. В этих условиях формировались основные принципы и механизмы реализации государственной политики снабжения населения продовольствием. Продовольственная политика государства в отношении рабочих оборонной промышленности включала в себя создание условий, обеспечивающих приоритетное снабжение. Немаловажным представляется выявление задействованных механизмов контроля за снабженческо-распределительной системой со стороны как партийных, государственных, так и общественных структур.

В течение 2,5 послевоенных лет, с 1945 г. по 1947 г., продолжала существовать введенная в годы войны карточная система распределения продовольствия. Она была основана на принципе дифференцированного снабжения в зависимости от степени общественной полезности. Все население страны было разделено на 4 категории: рабочие, служащие, иждивенцы и дети до 12 лет. Среди рабочих также была градация по принадлежности к отраслям народного хозяйства. Более высокими нормами снабжения обеспечивались рабочие оборонной, угольной, нефтяной, химической, цементной, электротехнической промышленности, черной и

цветной металлургии, электростанций, машиностроения, станкостроения, железнодорожного и водного транспорта¹⁶².

Карточная система в Удмуртии была введена 1 сентября 1941 г. соответствующим Постановлением СНК УАССР от 22 августа 1941 г. Согласно этому Постановлению, в городах Ижевске и Воткинске по карточкам стали выдаваться хлеб, сахар и кондитерские изделия. Все городское население было разделено на две категории. К первой категории снабжения были отнесены рабочие, ИТР, служащие и иждивенцы заводов № 71, 74, 235, 524, стройтреста № 51, железной дороги. Все остальное городское население было отнесено ко второй категории снабжения, предусматривающей более низкие нормы снабжения хлебом, сахаром и кондитерскими изделиями¹⁶³. Первая категория снабжения давала право на получение по карточкам рабочим и ИТР 800 г хлеба в день, служащим 500 г, иждивенцам и детям до 12 лет – 400 г. Сахар и кондитерские изделия рабочие и ИТР получали по 800 г в месяц, служащие и дети до 12 лет 600 г, иждивенцы – 400 г. Вторая категория снабжения предусматривала следующие нормы снабжения: рабочие и ИТР – 600 г хлеба в день, служащие, иждивенцы и дети до 12 лет – 400 г. Сахар и кондитерские изделия рабочие, ИТР и служащие получали по 600 г в месяц, иждивенцы и дети до 12 лет – 400 г¹⁶⁴.

Данные категории населения находились в привилегированном положении по отношению к колхозникам, которые не были включены в созданную государством систему гарантированного обеспечения продовольствием.

В советской историографии введение карточной системы нормирования продуктов оценивалось как вынужденный, но, в целом, необходимый шаг в условиях военного времени. Целью введения карточной системы было обеспечение необходимого минимума снабжения рабочих тех отраслей

¹⁶² Социальная политика советского государства. Укрепление ведущей роли рабочего класса в социалистическом строительстве. М., 1985. С. 138.

¹⁶³ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп.2. Д. 348. Л. 58-60.

¹⁶⁴ Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С. 28.

промышленности, от которых зависела победа в Великой Отечественной войне, в частности, рабочих оборонной промышленности. Сделано это было при ограниченном запасе продовольственных фондов, остававшихся в распоряжении государства после оккупации значительной части сельскохозяйственных районов страны, поставлявших до войны более 40% зерна, значительного количества мяса, а также всевозможного сырья для легкой и пищевой индустрии.

Современные исследователи акцентируют внимание на социальном аспекте карточной системы, в частности, Е.А. Осокина в своем исследовании характеризует введенную в СССР карточную систему как предельно функциональную, лишенную социальной справедливости. Действительно, значительная часть населения страны – колхозники не были включены в созданную государством систему обеспечения продовольствием¹⁶⁵.

Прагматично-избирательный подход в выборе государством приоритетов снабжения продовольствием населения, включал в себя систему поддержки наиболее социально незащищенных групп, таких как выпускники ФЗО и РУ, беременные и кормящие женщины, инвалиды Великой Отечественной войны.

Можно выделить три основных канала получения продовольствия, которые были доступны рабочим: получение продуктов по карточкам (через систему отделов рабочего снабжения заводов), выращивание овощей и разведение домашнего скота (индивидуальное огородничество и животноводство) и обращение к колхозному рынку.

Преимущество в снабжении продовольствием рабочих оборонной промышленности обеспечивалось за счет создания при заводууправлениях отделов рабочего снабжения (далее – ОРСы), которые были самостоятельными (хозрасчетными) отделами предприятий с законченным балансом, имели свои расчетные счета в Госбанке, пользовались банковским

¹⁶⁵ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927-1941. М., 1998.

кредитом. Решение об их создании было принято СНК СССР 10 февраля 1942 г. Для управления ОРСах в Народных комиссариатах были созданы Главные Управления по рабочему снабжению (далее – ГлавУРСы), занимавшиеся получением и распределением между ОРСах централизованных фондов товаров, планированием и контролем за их деятельностью¹⁶⁶. Начальник ОРСа являлся заместителем директора предприятия и входил в номенклатуру обкома ВКП(б)¹⁶⁷.

Отделы рабочего снабжения обеспечивали продажу товаров рабочим, ИТР и служащим, организовывали работу служб быта. Согласно Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 г. в задачу ОРСов входило создание подсобных хозяйств предприятий. Руководство предприятий имело право использовать произведенные в них продукты для дополнительного питания рабочих¹⁶⁸.

ОРСы оборонных заводов республики состояли из сельскохозяйственного сектора (подсобные хозяйства); торгово-заготовительного сектора (магазины, лавки, склады, овощебазы, картофелехранилища); сектора общественного питания (столовые, фабрики-кухни, буфеты); планового отдела и центральной бухгалтерии.

Продовольственная база ОРСов формировалась за счет следующих источников:

- государственных централизованных фондов снабжения, той части продовольствия, которую государство выделяло для снабжения определенной категории населения;
- организации закупок продовольствия заготовительными отделами ОРСов у колхозов, совхозов и колхозников (так называемые децентрализованные заготовки);
- продукции, полученной от собственных подсобных хозяйств предприятий.

¹⁶⁶ Трифонов А.Н. Партийное руководство организацией снабжения продовольствием рабочего класса Урала (1941–1942) // Рабочий класс Урала. (1937–1975). Свердловск, 1979. С. 31-32.

¹⁶⁷ Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995. С. 89.

¹⁶⁸ Социальная политика советского государства. Укрепление ведущей роли рабочего класса в социалистическом строительстве. М., 1985. С. 140.

ОРСы получали основную массу товаров по государственным планам снабжения. К началу 1945 г. на долю ОРСов республики приходилось 45 % всего товарооборота¹⁶⁹. Так, в первом квартале 1945 года удельный вес ОРСов в рыночных фондах страны составил: по мясу и рыбопродуктам – 55,5 %, животным жирам – 42 %, растительному маслу – 46,7 %, сахару – 34 % и кондитерским изделиям – 29 %¹⁷⁰.

Несмотря на то, что выделение государственных фондов продовольствия производилось в интересах ОРСов оборонной промышленности, в архивных материалах зафиксированы частые случаи неполного отоваривания продовольственных карточек рабочим оборонных заводов республики. В отчете о деятельности ОРСа завода № 235 за 1945 год отмечалось, что в течение года ежеквартально наблюдались факты лишь частичного получения по карточкам сахара, рыбы, жиров, а также случаи замены их пищевыми суррогатами¹⁷¹. Такая же ситуация с отовариванием продовольственных карточек наблюдалась и на других оборонных заводах республики.

Таблица 5. Отоваривание продовольственных карточек на примере завода № 622 в 1946 г. (в %) ¹⁷²

Продукты питания	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал	за год
Мясопродукты	81,4	86,4	75,5	88	82,6
Крупа, макароны	100,9	91,5	90,0	93,7	94,1
Жиры	70,3	82,3	60,8	90	75,5
Сахар	53,2	86,5	66,6	104,7	85,5

Анализ таблицы 5 позволяет выявить тенденцию неравномерного распределения получаемых по карточкам продуктов питания. Труднее всего было получить по карточкам жиры, мясопродукты и сахар.

¹⁶⁹ ЦДНИ УР. Ф.16 .Оп. 1. Д. 4159. Л. 8.

¹⁷⁰ Советская экономика в годы Великой Отечественной войны. М.,1970. С.396.

¹⁷¹ ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп.3. Д. 228. Л. 54 об.

¹⁷² Там же. Ф. Р-1458. Оп.3. Д. 5. Л. 34.

Данные факты были не единичными. Анализ материалов отчетов ОРСов других ведущих оборонных заводов позволяет выявить сложившийся комплекс проблем в снабженческо-распределительном механизме: поставщики завозили продукцию, как правило, в конце месяца, что приводило к созданию больших очередей; необеспеченность торговыми фондами планов карточного снабжения; частые случаи замены продуктов пищевыми суррогатами. В условиях существования государственного нормированного распределения продовольствия, товарные фонды, выделяемые республике, не обеспечивали полного оттаивания продовольственных карточек. В существующей цепочке поставщики – торговая сеть – потребители постоянно возникали перебои. Поставщики регулярно срывали график поставки продовольственных товаров в торгующие организации республики, те, в свою очередь, не могли обеспечить магазины необходимым количеством продуктов, в результате чего возникали очереди. За 11 месяцев 1946 г. в г. Ижевске по карточкам было получено 99,2% необходимого количества хлеба, 89% мяса, 91,3 % крупы, 73,8% жиров, 87,6 % сахара. Качество продуктов было крайне низким. В 1946 г. в магазинах города по карточкам продавалось некондиционное мясо «исключительно низкой упитанности, на которое даже не имелось цен, и которое население отказывалось покупать по карточкам», вместо крупы продавался картофель, «который население брало очень неохотно, так как картофель поступал в продажу очень низкого качества»¹⁷³.

Существующая снабженческо-распределительная система не обеспечивала регулярную работу торговой сети. Микрокризисы снабжения становились частым явлением. Особенно ярко это проявилось в снабжении населения хлебом. Существующая цепочка доставки хлеба до рабочего – хлебозавод – экспедиторы – магазины – покупатель постоянно нарушалась: график доставки хлеба в магазины нарушался, в результате чего возникали

¹⁷³ ЦДНИ УР. Ф.16. Оп.1. Д. 4579. Л. 6 об.

постоянные очереди. Требовалось регулярное вмешательство партийных структур для налаживания нормальной торговли хлебом. Основными мерами воздействия были штрафные санкции к руководителям ОРСов, не обеспечивающим нормальную торговлю хлебом.

Проверка торговли хлебом в магазинах ОРСов заводов № 71 и 74, проведенная Ижевским горкомом ВКП(б) 29 декабря 1946 г., выявила следующие нарушения: часть магазинов не отапливалась, содержалась в антисанитарном состоянии, хлеб завозился произвольно, без установления точного времени завоза, в отдельных магазинах хлеб отсутствовал, создавались большие очереди, в которых рабочие простаивали по 8-10 часов. Бюро Ижевского горкома ВКП(б) 30 декабря, заслушав доклад «О фактах перебоев торговли хлебом в ОРСах заводов № 71 и 74», ограничилось вынесением начальникам ОРСов этих заводов строгого предупреждения¹⁷⁴.

Похожая ситуация сложилась и на заводе № 235. В январе 1947 г. рабочие пять дней не могли купить хлеба, что привело к массовым жалобам и недовольству. Кроме того, были зафиксированы случаи продажи хлеба контингенту, не прикрепленному к магазину. На заседании бюро Воткинского горкома ВКП(б) 30 января 1947 г. было решено предложить директору завода № 235 снять с работы заведующего торговым отделом ОРСа Винника за срыв снабжения хлебом и отозвать из очередного отпуска начальника ОРСа т. Харлова¹⁷⁵.

О постоянно возникающих проблемах с неполным отовариванием продовольственных карточек рабочим оборонной промышленности было проинформировано руководство Удмуртского обкома ВКП(б). В докладной записке инструктора Удмуртского обкома ВКП(б) по торговле и общественному питанию секретарю Удмуртского обкома ВКП(б) А.В.Караваеву отмечалась сложная ситуация с получением продовольствия по карточкам в ОРСе завода № 74. В ряд магазинов ОРСа продовольствие

¹⁷⁴ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп.1. Д. 4579. Л. 30.

¹⁷⁵ Там же. Ф. 724. Оп.1. Д. 438. Л. 22.

завозилось не регулярно, что приводило к снижению процента отоваривания карточек. Если в целом по ОРСу в первом квартале 1947 г. карточки по мясу и рыбе отоваривались на 99,4 %, по некоторым магазинам они были отоварены всего лишь на 60 % и 65 %¹⁷⁶. Такая же ситуация была и на других оборонных предприятиях республики.

Одной из причин неполного отоваривания карточек рабочим и служащим была существующая система планирования контингента, принимаемого на государственное снабжение. Контрольно-учетное бюро завода подавало заявку в Министерство торговли УАССР на выделение фондов продовольственных товаров на контингент, находящийся на учете по состоянию на двадцатое число каждого месяца. В свою очередь, продовольственные карточки на рабочих, поступивших на работу после двадцатого числа, не учитывались в фондах, выделяемых Министерством торговли УАССР, и, следовательно, не обеспечивались продовольствием¹⁷⁷.

Помимо получения товаров из централизованных фондов, ОРСы проводили свои децентрализованные заготовки. Доля централизованных и нецентрализованных фондов у ОРСов разных наркоматов была различной. Это соотношение определялось значимостью продукции наркомата для повышения боеспособности армии, поэтому в наиболее привилегированном положении находились ОРСы заводов Наркомата вооружения СССР. Снабжение ОРСов Наркомата вооружения СССР в 1944 г. на 71 % осуществлялось за счет централизованных фондов, на долю же децентрализованных закупок приходилось всего 15 %. Такая патерналистская система приводила к тому, что отделы рабочего снабжения большинства оборонных заводов республики предпочитали больше надеяться на поддержку государства, чем на собственные силы по привлечению дополнительных источников поступления продовольствия.

¹⁷⁶ ЦДНИ УР. Ф.16. Оп. 1. Д. 4925. Л. 32.

¹⁷⁷ Там же. Л. 31.

Уполномоченный Госплана СССР по УАССР Максимов докладывал в Государственную плановую комиссию: «Группа ОРСов оборонных заводов в условиях наиболее полного обеспечения выборки фондовых товаров, владея наиболее мощной в УАССР подсобной сельскохозяйственной базой, меньше всех заботилась о закупке товаров нецентрализованных фондов»¹⁷⁸. Несмотря на то, что доля децентрализованных заготовок составляла лишь 15 %, именно от результатов их выполнения зависело разнообразие рациона питания рабочих.

Децентрализованные заготовки продукции проводились до 1947 года, но планы такого вида заготовок зачастую выполнялись не полностью или не выполнялись совсем.

**Таблица 6. Выполнение децентрализованных заготовок в 1945-1947 гг.
на примере завода № 235(в ц)¹⁷⁹**

Наименование продуктов	1945 г.			1946 г.			1947 г.		
	план	загот.	%	план	загот.	%	план	загот.	%
Мясо	-	-	-	20	2	10	-	4,3	
Рыба	600	315	52,6	300	279	93	-	-	-
Молоко и молочные продукты	100	-	-	20	1,75	9	-	2,29	
Картофель	1500	25	2	15000	-	-	-	-	-
Овощи	2000	22,5	1	3000	12	0,4	-	-	-
Грибы соленые	200	-	-	3000	-	-	3000	-	-
Грибы сухие	55	43	78	30	22	69	2000	-	-
Ягоды сухие	350	35	10	42	39	93	20	-	-
Дикорастущая зелень	200	20	10	200	57	26	200	-	-

¹⁷⁸ ЦДНИ УР. Ф.16. Оп.1. Д. 4159. Л. 89 об.

¹⁷⁹ ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 3. Д. 228. Л. 64 об; Д. 244. Л. 67. Д. 270. Л.19.

На основании анализа таблицы 6 можно утверждать, что планирование проведения заготовок проходило без учета возможностей местной продовольственной базы, это приводило к значительному разрыву между заготовительным планом и его реализацией. Особенно хорошо это можно проследить на основании выполнения заготовок по мясу – в 1946 г. план был выполнен только на 10 %, по молоку – на 9 %. Невыполнение плана заготовок в ряде случаев приводило к значительному снижению запланированных показателей на будущий год. Планы заготовок сухих ягод в 1946 г. по сравнению с 1945 г. были уменьшены в 8,3 раза.

По ряду продуктов, в частности по картофелю, овощам и соленым грибам, планы были или вообще не выполнены, либо выполнены менее чем на 2%. Следует отметить выполнение планов по заготовке сухих грибов на 78 % в 1945 г. и 69 % в 1946 г. Гораздо более удачно прошло выполнение планов по заготовке рыбы, который был выполнен в 1945 г. на 52,6 % и на 93 % в 1946 г.

Децентрализованные заготовки трудно подвергались планированию, выполнение их зависело от слишком многих факторов: конъюнктуры цен на колхозных рынках, инициативности самих заготовителей, наконец, наличием этих продуктов у производителей. Промышленных товаров, которые заготовители ОРСа должны были продавать сельхозпроизводителям в обмен на их продукцию, и которые должно было выделять Министерство торговли УАССР, было крайне мало. Общезаводские промтоварные фонды также были незначительны и, в основном, распределялись среди рабочих.

Сложности с организацией закупки продовольствия у колхозников и колхозов были вызваны сложностями, переживаемым аграрным сектором: низким уровнем материально-технической базы колхозов, сокращением посевных площадей, что привело к значительному уменьшению урожайности; во-вторых, колхозы и колхозники в условиях постоянно растущих налоговых обязательств перед государством предпочитали

реализовывать продукты на городских колхозных рынках, где уровень предлагаемых цен был значительно выше.

Министр торговли УАССР А.С. Фалалеев в докладе на республиканском совещании актива работников торговли и общественного питания 20 февраля 1947 г. отмечал крайне неудовлетворительное выполнение плана заготовок картофеля ведущими оборонными предприятиями республики. ОРСом завода № 71 план был выполнен на 7,7 %, завода № 74 – на 46,5 %, завода № 622 – на 47,8 %, завода № 235 – на 49 %¹⁸⁰.

С 1947 г. ГлавУРС и Министерство торговли УАССР перестало выделять ОРСам товары для торговли с колхозниками, основным конкурентом ОРСам выступила торговая кооперация, которая закупала продукты по среднерыночным ценам. С этого времени ОРСы, в основном, прекратили децентрализованную заготовку сельскохозяйственных продуктов и ликвидировали свои заготовительные пункты в колхозах и совхозах.

Важным источником поступления продовольствия для ОРСов были их собственные подсобные хозяйства. Подсобные хозяйства заводов облагались обязательными государственных поставок. В 1947 г. подсобное хозяйства завода № 71 должно было сдать государству 39 % произведенного молока, 37 % мяса и 16 % зерновых¹⁸¹. Такая же ситуация наблюдалась и на других оборонных заводах республики. Следует отметить и высокую себестоимость продукции, полученную в подсобных хозяйствах. Например, в подсобном хозяйстве завода № 74 в 1945 г. себестоимость яровая пшеница составила в 79 рублей 18 копеек за центнер вместо запланированных 36 рублей 25 копеек¹⁸².

¹⁸⁰ ЦДНИ УР. Ф.16. Оп.1. Д.4930. Л.14

¹⁸¹ ЦГА УР. Ф. Р-1467. Оп.3. Д. 359. Лл. 2об-4об.

¹⁸² ЦДНИ УР. Ф.155.Оп. 2. Д. 304. Л.87.

Таблица 7. Продукты питания, полученные ОРСом завода № 235, за счет подсобного хозяйства и проведенных децентрализованных закупок¹⁸³

Продукция в ц	1945 г.		1946 г.		1947 г.	
	подсобное хозяйство	закупки	подсобное хозяйство	закупки	подсобное хозяйство	закупки
Картофель	12732	25	8195	-	4873	-
Мясо	660	-	291	2	475	130

Сопоставляя долю продукции, полученной ОРСами из собственных подсобных хозяйств, с продукцией, закупленной у колхозов и колхозников, следует сделать вывод о том, что децентрализованные закупки продовольствия играли незначительную роль в процессе обеспечения оборонных заводов дополнительными источниками питания. Между тем, следует отметить, что, если с продукции, полученной от собственных подсобных предприятий, ОРСы обязаны были выплачивать государственные поставки, то децентрализованные заготовки, как правило, целиком уходили в общественное питание.

Таблица 8. Выделение продуктов питания за счет подсобного хозяйства завода на одного рабочего¹⁸⁴

Продукты (в кг)	1946 г.	1947 г.
Мясо	0,5	0,450
Жиры	0,2	0,230
Молоко (л.)	8	4,7
Крупа	3	1
Картофель	67	56
Овощи	83	60

В течение одного года, с 1946 по 1947 гг. произошло сокращение почти в 2 раза количества молока, которое приходилось на одного рабочего, в 3 раза—

¹⁸³ ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 3. Д.228. Л. 61 об-64 об; Д. 244. Лл. 61 об-64 об; Д.24. Лл.37 об-54; Д.270. Л. 15 об-19.

¹⁸⁴ Там же. Ф. Р-1467. Оп. 3с. Д. 359. Л.11; Д. 271. Л. 4.

крупы, в 1,2 раза–картофеля, в 1,4 раза –овощей. Это было следствием неблагоприятных погодных условий весны-лета 1946 г., которые привели к необходимости забоя коров, страдающих от истощения, гибели рассады овощей и картофеля.

Важной функцией ОРСов была организация общественного питания на предприятиях. Питание дифференцировалось по следующим категориям: основной состав рабочих, выпускники ФЗО и РУ, инженерно - технические работники, рабочие и ИТР, имевшие желудочно-кишечные и легочные заболевания, руководящий состав завода.

Для питания больных, как правило, создавались специальные столовые, которые обеспечивались молочными продуктами, белым хлебом, мясом, овощами. Месячная норма лечебного питания на одного человека состояла из 1,1 кг мяса, 1,5 кг крупы, 300 г жира и продуктов, полученных за счет подсобных хозяйств. Составление меню проходило под контролем врача, прикрепленного к данной столовой¹⁸⁵.

Питание основного контингента заводов осуществлялось за счет продовольственных карточек и продукции подсобного хозяйства. В течение 1946-1947 гг. на одного рабочего завода № 71 за счет подсобного хозяйства завода было выделено следующее количество продуктов.

Обеды, отпускавшиеся в фабрично-заводских столовых и буфетах, как правило, с зачетом купонов продовольственных карточек, на предприятиях получило название первого горячего питания, а дополнительное – сверх норм, установленных по карточкам, – второго горячего, его начали вводить в мае 1942 г. Для второго горячего питания было разрешено расходовать в день на человека не более 50 г мяса или рыбы, 50 г крупы и 50 г жиров. Кроме того, ко второму горячему питанию работникам отдельных предприятий отпускался дополнительно (сверх карточек) хлеб по 100 или 200 г на человека (в зависимости от характера производства)¹⁸⁶. А начиная с

¹⁸⁵ ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп.3. Д. 286. Л. 41.

¹⁸⁶ Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С. 34.

15 ноября 1945 г. норма отпуска крупы была увеличена до 80 г, добавлен сахар—15 г, и 100 г хлеба¹⁸⁷.

Правом на дополнительное питание по специально выпущенным талонам пользовались следующие категории рабочих и служащих:

- 1) выпускники ФЗО и РУ, рабочие колонн, инвалиды Великой Отечественной войны и больные туберкулезом;
- 2) стахановцы и рабочие наиболее трудоемких цехов. Им выделялись продукты в первую очередь и, по возможности, более качественного;
- 3) беременные и кормящие женщины¹⁸⁸.

В соответствии с Указом СНК СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства» предприятия обязаны были обеспечивать беременных женщин и кормящих матерей дополнительным питанием за счет бескарточного фонда и продуктов подсобного хозяйства. В тех условиях, когда фондов было явно недостаточно для того, чтобы обеспечить дополнительным питанием всех беременных женщин и матерей, заводы выдавали карточки лишь наиболее нуждающимся. За счет бескарточного фонда завода № 71 в 1946 г. было выдано 4290 талонов на питание. Талон давал право на получение 50 г мяса, 80 г крупы и 5 г жира (в день). За счет подсобного хозяйства завода было выдано 146 л молока, 7 т картофеля и овощей¹⁸⁹.

Командный состав питался в отдельных залах за счет специальных фондов, которые выделялись этой категории, и, дополнительно, за счет продукции подсобного хозяйства. Нормы снабжения номенклатуры завода, в которую входили директор, заместители директора, главный инженер, начальник производства, парторг завода, были утверждены приказом Наркомата торговли СССР № 119 от 6 марта 1943 г. и приказом Наркомата торговли УАССР от 6 апреля 1943 г., и состояли из так называемых литерных

¹⁸⁷ ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 3. Д. 228. Л. 54.

¹⁸⁸ Там же. Л. 55.

¹⁸⁹ Там же. Ф. Р-1458. Оп. 3. Д. 5. Л. 78

обедов и сухого пайка. Сухой паек давал право на получение 2200 г мяса, 600 г жиров, 1500 г крупы и макаронных изделий, 500 г кондитерских изделий и сахара (в месяц)¹⁹⁰. Система распределения товаров в системе ОРСов первоначально была создана с целью социальной поддержки наименее социально защищенных слоев рабочих: эвакуированных, мобилизованных, выпускников ФЗО и РУ. К закрытым магазинам прикреплялись больные ИТР, рабочие и служащие. Архивные материалы свидетельствуют о частых случаях нарушения установленных правил распределения товаров и продовольствия. Для ликвидации подобных явлений, было решено проводить следующие мероприятия: вывешивать в магазинах объявления, в которых должно было указываться, что выдается, в каком количестве, каким категориям, снабжать через отделы и цеха только рабочих, а снабжение руководящих работников (начиная с технологов цехов, начальников бюро, старших мастеров) производить только через магазины¹⁹¹. Рабочие возмущались: «Дальше хочу сказать, как проявляется у нас забота о человеке, о рабочем. Приведу пример с самим собой. Имеется орденоносный магазин. Пойдешь с производства, с семи часов встанешь в очередь и ничего не получишь. Плохо работает магазин. В мае месяце мне дали ордер на картофель, так я его не получил. Никак не мог получить, один день увольнялся, не мог получить, картофеля не было. С работы ходил несколько раз и тоже не получил. Ходил-ходил, бросил...»¹⁹².

Основной контроль за реализацией выделяемых ОРСам фондов на промышленные и продовольственные товары и распределением их по цехам и отделам завода, а также за поступлением продуктов от подсобного хозяйства, выполнением плана по децзаготовкам и правильному их использованию осуществляли комиссии по рабочему снабжению, работавшие при заводских комитетах профсоюзов¹⁹³. Кроме того заводские комитеты профсоюзов контролировали повседневную работу сети

¹⁹⁰ ЦГА УР. Ф. Р-582. Оп.3. Д. 115. Л. 43.

¹⁹¹ ЦДНИ УР. Ф. 443. Оп. 2. Д.1. Л. 58-59.

¹⁹² Там же. Ф. 155. Оп. 2. Д. 582. Л. 28.

¹⁹³ ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 5. Д. 9. Л.48.

общественного питания и торговой сети. При цеховых комитетах избирались общественные контролеры. Из их числа избирались бригадиры, контролировавшие работу магазинов, столовых, подсобных хозяйств. Как правило, цеховые комитеты прикреплялись к определенным магазинам. Дежурство осуществлялось по специально установленному графику, согласованному с комиссией по рабочему снабжению при завкомах профсоюзов.

Общественные контролеры принимали также участие в проводимых завкомами смотрах санитарного состояния столовых и магазинов в весенне-летний и осенне-зимний периоды. На заседаниях завкомов профсоюзов часто отмечались случаи антисанитарного состояния столовых, ограниченного продовольственного ассортимента, низкого качества обедов, отсутствия в столовых посуды, вилок, ложек, ножей¹⁹⁴. На заседании завкома профсоюза завода № 71 в 1949 г. представитель цеха № 23 Крылов выразил общее недовольство рабочих работой буфета: «Первое время у нас как бы работа направились: появились тарелки, стаканы, ложки. А в настоящее время опять какой-то грабеж произошел - тарелок недостаточно, правда ложки есть, а стаканов два-три на весь буфет и, конечно, рабочему ждать некогда и приходится ему чай наливать в тарелку и выпивать как телянку...»¹⁹⁵.

Общественными контролерами завода № 235 в течение 1946 года было выявлено 83 должностных нарушений со стороны отдельных работников системы ОРСа, из которых по 75 актам, составленным общественными контролерами, руководством ОРСа были приняты соответствующие меры в виде судебных заключений¹⁹⁶.

Руководители ОРСов не всегда должным образом реагировали на выявленные комиссиями общественного контроля случаи недостач. Данные факты позволяют предположить, что в системе общественного питания

¹⁹⁴ ЦГА УР. Ф. Р-1458. Оп. 3. Д. 5. Л. 65; Д. 7. Л. 31 об.

¹⁹⁵ Там же. Ф. Р-1467. Оп. 2. Д. 4. Л. 83.

¹⁹⁶ Там же. Ф. Р-785. Оп. 5. Д. 6. Л. 31.

постепенно начинала складываться так называемая система «круговой поруки» и, в некоторых случаях, потребление продуктов замыкалось на самом ОРСе. Такие случаи были присущи не только оборонным предприятиям Удмуртии.

ОРСы, как самостоятельные хозрасчетные организации в конце каждого года были обязаны предоставлять в ГлавУРС отчеты о своей деятельности. В них среди таких показателей, как отоваривание карточек продуктами, работы предприятий общественного питания, указывались прибыль, убытки и наличие растрат. Неблагополучное финансовое состояние ОРСов основных оборонных заводов республики стало предметом разбирательства на заседании Удмуртского обкома ВКП(б) в 1946 г. Среди наиболее убыточных ОРСов были ОРСы завода № 74, общий убыток которого составил 100491 рублей, № 71 – общий убыток 484000 рублей, № 524 – убыток 557000 рублей. Эти же ОРСы занимали первое место по уровню растрат: общая сумма растрат завода № 74 составила 23900 рублей, а завода № 71 – 79000 рублей¹⁹⁷. В 1946 г. народными судами УАССР было привлечено к уголовной ответственности по делам, связанных с хищениями социалистической и общественной собственности, 3545 человек. Из них было осуждено 3316 человек (94 %), оправдано 191 человек (5 %), прекращено дел в отношении 38 человек (1 %). Из осужденных 3316 человек к лишению свободы были приговорены 1863 человека (56 %), к исправительно-трудовым работам – 1171 человек (35 %), к условной мере наказания – 250 человек (8 %), к другим мерам наказания – 32 человека (1 %). Между тем этими хищениями был причинен ущерб государству в размере 14430801 рублей, из них судебными исполнителями было реально взыскано только 2539316 рублей¹⁹⁸.

С 1 января по 1 октября 1947 г. в ОРСе завода № 74 было выявлено 242 случаев растрат и хищений на общую сумму 214000 руб. Из них 106 случаев

¹⁹⁷ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп.1. Д. 4950. Лл. 37, 39.

¹⁹⁸ Там же. Д. 4928. Л. 99.

в розничной торговле, 78 – на базах, складах и заготовительных пунктах, 44 – в общественном питании, 6 – в совхозах, 8 – в подсобных бытовых предприятиях. На всех растратчиков были заведены уголовные дела и переданы в суд. Общая сумма иска по 76 делам, удовлетворенная судами, на 1 октября 1947 г. составила 222,4 тыс. рублей. Из них по исполнительным судам удалось взыскать только 21,4 тыс. рублей. По 39 делам на общую сумму 117,8 тыс. рублей было невозможно получить деньги, так как растратчики скрылись, 5 человек (общая сумма растраты составляла 32,5 тыс. рублей) отбывала наказание, и по 32 делам на общую сумму 50,7 тыс. рублей шло взыскание. Из 201 тысячи рублей завод мог вернуть только 50 тысяч. Интересной представляется инициатива, предложенная Удмуртскому обкому ВКП(б) проверяющим ОРС № 74. Он предложил ввести при ОРСах должность ведомственного судoisполнителя, который получал бы определенный процент от взысканных и поступивших в кассу ОРСа денежных сумм¹⁹⁹.

24 ноября 1947 г. была проведена плановая проверка рассмотрения уголовных дел о растратах и хищениях в районных народных судах г. Ижевска. Она выявила серьезные недостатки в рассмотрении дел. Значительное число дел о растратах рассматривалось судами заочно без присутствия обвиняемого. Существовал серьезный временной промежуток между процедурами вынесения решения суда по поводу растраты и проведением розыскных мероприятия. Растратчики на период следствия оставались на свободе, за это время они успевали распродать свое имущество. В качестве примера, можно привести следующее дело. Кладовщица ОРСа завода № 74 В.М. Тананцева на 30 мая 1946 г. допустила растрату товаров на 4311 рублей по плановой стоимости или на 53923 по коммерческой стоимости. Материалы на привлечение ее к уголовной ответственности были переданы в прокуратуру только через два

¹⁹⁹ ЦДНИ УР. Ф.16. Оп. 1. Д. 4927. Л. 97-105.

месяца, дело расследовалось в течение четырех месяцев, а следствие по нему продолжалось вплоть до 28 декабря 1946 г. Затем дело пролежало в суде с 28 декабря 1946 г. по 13 марта 1947 г. И лишь 13 марта 1947 г. В.М. Тананцева была осуждена к двум годам лишения свободы. Арест на имущество был наложен лишь 3 октября 1946 г., и, «так как никакого имущества у нее к тому времени не оказалось, был составлен акт о финансовой несостоятельности»²⁰⁰.

Система теневого распределения продовольственных ресурсов активно функционировала на всех ступенях снабженческо-распределительного механизма: от распределения продовольственных карточек до поставки товаров. Она включала в себя недопоставку товара на базы, хищения в системе ОРСов, обвесы и обсчеты покупателей. В эту систему были включены и сами рабочие оборонных заводов. Они продавали свои дополнительные продовольственные карточки, тем самым, создавая базу для дальнейшей их перепродажи на рынках и базарах, т. е. спекуляции. Причем, это явление получило настолько широкий размах, что заинтересовало уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по УАССР А.И. Миронова. Он с тревогой сообщал об этом секретарю Удмуртского обкома ВКП(б) А.П. Чекинову и Председателю КПК при ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву: «Каждое утро и каждый вечер возле заводов республики идет торговля продовольственными карточками»²⁰¹. Эти факты свидетельствуют об активном функционировании спекуляции. В то же время необходимо отметить, что цели продажи карточек у различных категорий рабочих варьировались. Небольшая группа рабочих, получавшая продукты питания из села и не нуждающаяся в карточках, за счет продажи карточек стремилась улучшить свое материальное положение, в то же время подавляющая часть рабочих низкой квалификации продавала карточки на мясо и жиры для того, чтобы купить хлеб. Помимо продажи карточек самими рабочими,

²⁰⁰ ЦДНИ УР. Ф.16. Оп. 1. Д. 4927. Лл. 90, 91.

²⁰¹ Там же. Ф.228. Оп.1. Д. 87. Л. 71.

существовал еще один путь поступления на теневой рынок продуктовых карточек – уголовный. Хищение карточек с целью их последующей продажи были достаточно распространенным явлением²⁰².

В рассматриваемый период произошла смена моделей распределения продовольствия: переход от нормированного распределения продовольствия к продаже продуктов без карточек. Карточная система, введенная в начале войны, имела в своей основе четкую систему выстроенных приоритетов: обеспечение преимущественного снабжения продовольствием рабочих тех отраслей промышленности, от результатов работы которых зависела победа в войне. Выбор приоритетов послевоенного экономического развития страны в пользу развития промышленности и, прежде всего, оборонного комплекса, предопределили сохранение тех же пропорций в снабжении населения продовольствием. В годы войны были созданы отделы рабочего снабжения, на которых была возложена ответственность за обеспечение рабочих продовольствием. ОРСы обладали собственной продовольственной базой, розничной торговой сетью, занимались организацией общественного питания.

Снабжение ОРСов продовольствием происходило за счет фондов, выделяемых государством, продукции полученной от подсобных хозяйств и за счет произведенных закупок у колхозов и колхозников. Причем ОРСы оборонной промышленности снабжались в основном за счет государственных фондов. Государством подчеркивалась необходимость изыскивания дополнительных источников снабжения, прежде всего за счет развития собственной продовольственной базы предприятий и проведения закупок у колхозов и колхозников. Поощряя развитие продовольственной базы предприятий, государство учитывало и свои интересы: часть произведенной продукции уходила в фонд государственных поставок. Это можно расценивать как своеобразный налог государства. ОРСы показали себя достаточно негибкими структурами в области взаимодействия с

²⁰² ЦДНИ УР. Ф. 228. Оп.1. Д. 87. Л. 72.

сельхозпроизводителями: заводские заготовительные конторы не обладали нужным запасом промтоваров для организации полноценного обмена с сельхозпроизводителями, в то время как колхозы и колхозники в условиях постоянно увеличивающихся сельскохозяйственных налогов вынуждены были продавать свою продукцию на городских рынках.

Между тем важность привлечения дополнительных источников снабжения определялась тем, что за счет этих продуктов, поступающих в систему общественного питания заводов, руководство должно было обеспечивать поддержку социально незащищенных слоев рабочих: беременных и кормящих матерей, выпускников ФЗО и РУ, больных.

ОРСы, как структуры, включающие в себя как производство продовольствия, так и получение продовольствия за счет централизованных фондов, часто утрачивали свой первоначальный смысл - обеспечение продовольствием рабочих, а именно производство замыкалось на самом ОРСе. Основными проблемами снабженческо-распределительного механизма, в который были включены и ОРСы были: хищения, растраты в торговой сети, возникновение проблем с поставщиками продовольствия, не полное получение фондов, что приводило к неотовариванию продовольственных карточек; часто возникающие случаи перебоев в снабжении, нарушения в выдаче продовольственных карточек. Необходимость усиления контроля за снабженческо-распределительной сферой была неизбежной. Система общественного контроля не была достаточно эффективной, выявление случаев нарушения в торговле: обвеса, обсчета покупателей, как правило, не влекли за собой каких-либо серьезных санкций к нарушителям. Особую роль занимали партийные структуры: обладая полнотой власти и необходимым инструментом для воздействия на нарушителей путем применения партийных санкций, они несли ответственность за обеспечение нормальной работы всего механизма снабжения. Партийно-государственный аппарат пошел на усиление партийного влияния в торговых структурах, прежде всего за счет назначения

на наиболее важные и ответственные должности коммунистов и включения руководителей карточных бюро в номенклатуру Удмуртского обкома ВКП(б). Рост хищений в торговой сети, частая сменяемость материально ответственных лиц, издержки судопроизводства: долгие сроки расследования о растратах, случаи, когда взыскание долгов с растратчиков было невозможным в виду их материальной несостоятельности, приводили к тому, что ОРС как экономическая структура не оправдывала своего назначения.

2.2. Снабжение продовольствием рабочих оборонных заводов УАССР (1947-1950 гг.)

К осени 1946 г. в стране сложились предпосылки к возникновению масштабного продовольственного кризиса. Это было вызвано как общим сложным состоянием, в котором находилось сельское хозяйство после Великой Отечественной войны, так и засухой, охватившей почти все зерновые области страны, – Украину, Молдавию, Правобережье Нижней и Средней Волги, Ростовскую область, Центральную Черноземную область. Урожай зерна, собранного в 1946 г., составил всего 39,6 млн. т, что было значительно меньше показателей даже 1945 г. – 47,3 млн. т зерна²⁰³. В этот период государство было поставлено перед необходимостью решения двух задач: проведения мероприятий по подготовке к отмене карточной системы и обеспечения гарантированного минимума продовольственного снабжения рабочих промышленности. Отмена карточной системы была обусловлена скорее внешнеполитическими амбициями руководителей страны – первыми среди стран антигитлеровской коалиции провести отмену карточной системы, тем самым доказать всему миру преимущества социализма, – нежели закономерным ходом развития послевоенной экономики.

6 сентября 1946 г. было принято Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении пайковых цен», которое потребовало разъяснений. В сообщении Совета Министров СССР, опубликованном в «Правде» 16 сентября 1946 года, повышение пайковых цен в 2,5-3 раза объяснялось только необходимостью подготовки к отмене карточной системы, без упоминания о постигшем страну неурожае²⁰⁴. И уже 16 сентября 1946 г. Управление пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б) направило первичным партийным организациям письмо, в котором были

²⁰³ Волков И.М. Засуха, голод 1946–1947 гг. // История СССР. – 1991. – №4 – С. 62.

²⁰⁴ Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов 1917–1959. М., 1961. С. 445

даны инструкции по ведению разъяснительной работы с населением, в частности, что следовало отвечать по поводу тех или иных аспектов повышения пайковых цен.

С принятым постановлением были ознакомлены партийный актив страны, как представители наиболее лояльной и сознательной части общества. Вопросы, заданные на собраниях партийных активов, позволили выявить спектр наиболее интересующих население вопросов по поводу повышения пайковых цен и скорректировать пропагандистскую работу. 10 сентября 1946 г. в Ижевске состоялось собрание партийного актива, на котором было зачитано постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении пайковых цен». В основном вопросы носили конкретный характер: «Будет ли надбавка к зарплате облагаться налогом?», «Не может ли получиться так, что в связи со снижением коммерческих цен не будет хватать товаров, особенно в городе Ижевске?», «Будет ли хватать продуктов в магазинах для отоваривания основных карточек?». При этом некоторые осторожно интересовались: «Не отразится ли повышение цен на плановые продукты на снижение прироста населения?»²⁰⁵ Все вопросы, полученные докладчиками на собраниях партийных активов страны, были направлены в Управление пропаганды при ЦК ВКП(б).

Следующим этапом разъяснительной работы было проведение партийными организациями предприятий собраний для рабочих и служащих, на которых докладчики знакомили присутствующих на собрании с принятым постановлением²⁰⁶. С 13 по 24 сентября 1946 г. во всех организациях города Ижевска были проведены собрания, которые посетило около 75 тысяч человек. На собраниях докладчикам было задано много вопросов. Рабочие завода № 71 интересовались: «Почему в столовых накладные расходы на обеды начисляются из расчета новой пайковой стоимости продуктов, в то время как стоимость изготовления блюд практически не изменилась?»,

²⁰⁵ ЦДНИ УР. Ф.16. Оп.1. Д. 4414. Л. 91.

²⁰⁶ Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. Составители О.В. Хлевнюк и др. М., 2002. С.211.

«Почему продовольственные карточки иногда отовариваются в магазинах не предусмотренными продуктами, а заменителями?», «Будет ли увеличено количество разменной монеты?», «Будут ли пересмотрены нормы пайкового снабжения?»²⁰⁷ В основном, вопросы носили конкретный характер и не касались причин, побудивших правительство снизить нормы снабжения.

Постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 27 сентября 1946 г. в УАССР сокращалась коммерческая торговля хлебом (с 75 тыс. тонн в октябре до 25 тыс. тонн в декабре 1946 г.) и крупой (с 10 тыс. тонн в октябре до 5 тыс. тонн в декабре 1946 г.). Сокращалась выработка сортовой муки, устанавливались новые нормы примесей при хлебопечении за счет использования овсяной, ячменной, кукурузной муки: для Москвы и Ленинграда – до 20%, для всей остальной страны – 40%. Сокращался отпуск пайкового хлеба. За счет данных мероприятий предполагалось создать в 150 важнейших городах страны, утвержденных Советом Министров СССР, запас муки в размере пятидневной потребности²⁰⁸. Но даже эти устанавливаемые новые нормы примеси нарушались, так, в декабре 1946 г. примесь в изготавливаемый в г. Воткинске хлеб составляла 63 %, а в январе 1947 г. доходила до 64%²⁰⁹.

Вся получаемая экономия хлеба, согласно Постановлению Совета Министров СССР от 25 октября 1946 года, засчитывалась в план снабжения хлебом республик, краев и областей, что, соответственно, уменьшало наряды на централизованное снабжение фондов²¹⁰.

Это постановление оказалось практически не известным населению. Прежде всего, это было связано с непопулярностью мер, к которым были вынуждены прибегнуть власти для преодоления продовольственного кризиса. Как отмечалось в информационной сводке заведующего организационным отделом Ижевского горкома ВКП(б) в Удмуртский обком ВКП(б) от 2 октября 1946 г., разъяснительная работа с населением была

²⁰⁷ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4537. Л.10; Д. 4579. Л. 26.

²⁰⁸ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 65. Л. 243

²⁰⁹ ЦДНИ УР. Ф. 724. Оп. 1. Д. 438. Л. 2.

²¹⁰ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 65. Лл. 242-244, 254

ограничена ответами на вопросы небольшого количества лиц, ознакомленных с сообщением. В основном, это были руководители предприятий города. В частности, руководство оборонных заводов Ижевска волновал вопрос о сохранении дополнительного питания на заводах, за счет которого осуществлялась как социальная поддержка наименее защищенных слоев рабочих – выпускников фабрично-заводского обучения и ремесленных училищ, инвалидов Великой Отечественной войны, больных туберкулезом, беременных и кормящих женщин, так и стимулирование труда, так как сосредоточение в руках администрации заводов функции распределения части продовольствия, полученного за счет собственных хозяйств или проведения закупок у колхозов, давало им возможность отойти от уравнилельных тенденций в распределении продовольствия и поощрять лучших рабочих на производстве, в частности, стахановцев.

Отсутствие достоверной информации о принятом осенью 1946 г. Постановления Совета Министров и ЦК ВКП(б) «Об экономии в расходовании хлеба» спровоцировало появления слухов. Анализ источников позволяет выявить ряд доминирующих настроений. Так, снижение норм, получаемых по карточкам, объяснялось рабочими как внутрисполитическими причинами – необходимостью помощи неурожайным районам страны, главным образом Украине, так и внешнеполитическими – усложнением международной обстановки и «подготовкой правительства к началу новой войны»²¹¹.

Часть рабочих полагала, что «при установлении новых пайковых цен вкралась ошибка, и что т. Сталин не знает о всех проводимых мероприятиях и необходимо написать ему письмо»²¹².

С 1 октября 1946 г. сокращался контингент снабжаемого населения, проживающего в сельской местности, снимались с пайкового снабжения хлебом в городах и рабочих поселках часть неработающих взрослых

²¹¹ ЦДНИ УР. Ф.16. Оп.1. Д. 4579. Л. 25.

²¹² Там же. Л. 25 об.

иждивенцев. Если в третьем квартале 1946 г. численность населения, снабжаемого хлебом, составляла 87,8 млн. человек, то к началу 1947 г. она сократилась до 63 млн. человек²¹³.

Это привело к тому, что часть городского населения зимой 1946-1947 гг. была поставлена на грань выживания, лишившись хлебных карточек, они были вынуждены покупать хлеб на рынке или по коммерческой цене. Снижение норм снабжения наиболее сильно задело рабочих совхозов, подсобных хозяйств предприятий и предприятий местной промышленности, расположенных в сельской местности. Выделяемый на них карточный фонд был значительно сокращен, а, в ряде случаев, работающие вообще были сняты со снабжения. Рабочие подавали заявления об уходе с предприятий, или уходили самовольно. Руководители предприятий местной промышленности были вынуждены обращаться в Удмуртский обком ВКП(б) с просьбой найти выход из сложившегося положения. Директор Глазовского промкомбината телеграфировал в Удмуртский обком ВКП(б): «Наличие рабочих служащих – 97, выдано хлебных карточек – 50, дайте указания, как снабжать остальных»²¹⁴.

Положение осложнялось еще и тем, что источники приобретения хлеба путем обращения к колхозному рынку или в колхозах были перекрыты, так как существовал запрет на продажу хлеба на колхозных рынках до выполнения колхозами планов хлебопоставок государству. Единственным вариантом приобретения хлеба оставалось обращение к коммерческим магазинам, в которых он продавался по повышенным ценам. Наплыв сельского населения в города за хлебом вызвал значительные очереди в магазинах. Важное значение было уделено выявлению реакции рабочих на возникающие трудности. Секретарь Удмуртского обкома ВКП(б) В.Н. Чирков докладывал 15 октября 1946 г. начальнику управления по проверке партийных органов при ЦК ВКП(б) В.М. Андрианову: «Среди рабочих и

²¹³ Шалак А.В. Автохтонные источники продовольствия Восточной Сибири (1940–1950-е годы.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2000, С. 167.

²¹⁴ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп.1. Д. 4414. Л. 98.

служащих заводов № 71 и 622 есть разговоры, что жить стало трудно, не хватает хлеба, денег». Производственник цеха № 15 завода № 71 спрашивал у заместителя секретаря парткома А. Стерхова: «Посоветуйте, что мне делать, жить так, как сейчас, невозможно. У меня восемь человек семьи, работаю один, заработок составляет 500 рублей в месяц (на руки), не хватает выкупать паек, хлеба не хватает, семья недоедает, заняться, что ли уж воровством, или сделать какое другое преступление, чтобы арестовали и посадили». Секретарь партийного бюро цеха № 38 завода № 71 выражал недовольство очередями: «В магазинах громадные очереди. Хлеб продают на один день. Для того чтобы выкупить свой паек, надо отстоять 6-7 часов». Контролер цеха № 38 завода № 622 О. Курятникова в разговоре с рабочими заявила: Вот дожили, стало труднее, чем в войну». Токарь цеха № 69 завода № 622 И. Колпаков, возмущаясь снятием иждивенцем со снабжения, спрашивал: «Что же мои старики жрать не хотят, что ли?»²¹⁵.

В основном, рабочие связывали возникающие трудности с внешнеполитическими причинами: «Не вызвано ли изменение в нормах снабжения усложнившейся международной обстановкой?», интересовались: «Почему не проводятся собрания, на которых было бы рассказано о причинах изменений?»²¹⁶

Большинство претензий, высказываемых рабочими на собраниях, посвященных разъяснению опубликованного сообщения Совета Министров СССР от 16 сентября 1946 г., было адресовано торгующим организациям республики. В основном, они касались вопросов организации торговли и снабжения хлебом населения: «Когда будут ликвидированы очереди в магазинах?», «Почему, несмотря на повышение цены на хлеб, его качество остается низким?», «Почему в магазины не завозится достаточное количество хлеба?», «Будет ли организована продажа хлеба на иждивенческие и детские карточки в столовых отделов рабочего снабжения заводов?»²¹⁷

²¹⁵ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп.1. Д. 4414. Л. 98

²¹⁶ Там же. Л. 99.

²¹⁷ Там же. Д. 4579. Л. 25 об.

Как следует из анализа источников, опасения властей по поводу того, что недовольство рабочих выйдут за рамки разговоров и приведут к волнениям, не оправдались. Секретарь партийного комитета завода № 74 В. Кунгуров в информационном отчете о настроениях рабочих в Удмуртский обком ВКП(б) отмечал, что «происшедшие изменения не сказались на нарушении ритма работы завода, не было увеличения случаев нарушения трудовой дисциплины, резкого снижения норм выработки рабочими, открытого выражения недовольства ни в одном цехе замечено не было»²¹⁸.

Постановление Совета Министров от 27 октября 1946 г. предусматривало отмену всех видов дополнительного питания. Это затронуло и номенклатурных работников: с 15 ноября 1946 г. были уменьшены на 15% лимиты литерных обедов и сухих пайков²¹⁹.

Составной частью мероприятий по экономии в расходовании хлеба было строгое соблюдение отчетности в выдаче хлебных карточек, ежемесячное проведение проверок правильности их выдачи, привлечение виновных к уголовной ответственности²²⁰. Аппарат, обеспечивающий функционирование нормированного снабжения включал в себя как структуры, занимающиеся выдачей карточек – городские и районные бюро, так и организации, осуществлявшие контроль за правильностью выдачи карточек, их отовариванием и расходованием нормированных товаров – контрольно-учетные бюро. Удмуртский обком ВКП(б) создал комиссию по проверке работы аппарата карточной системы республики. В результате проверки были выявлены следующие нарушения: только за август и сентябрь 1946 года в республике была допущена незаконная выдача 11568 карточек на хлеб и продовольственные товары, 238117 талонов на второе горячее питание и 757 карточек на другие виды дополнительного питания. В октябре 1946 г. было незаконно выдано на хлеб и другие продовольственные товары 2694 карточек, в ноябре – 1835 карточек. Значительное количество нарушений

²¹⁸ ЦДНИ УР. Ф.16. Оп.1. Д.4579. Л. 14.

²¹⁹ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 65. Л. 268-269.

²²⁰ Там же. Лл. 222, 260-261.

правильности выдачи карточек было выявлено на заводах № 71, 74, 235²²¹. Наиболее распространенными видами нарушений были: выдача продовольственных карточек с завышенной категорией снабжения; получение карточек неработающими на предприятии; получение карточек на второе питание счетно-контрольными работниками, инженерно-техническими работниками²²².

Проведение проверки правильности выдачи карточек воспринималось рабочими положительно, определенную долю недовольства вызывала лишь долгая процедура проверки карточек²²³.

13-14 декабря 1946 г. на заседании бюро Удмуртского обкома ВКП(б) обсуждались итоги проверки аппарата карточной системы. Все кандидатуры заведующих торговых отделов исполкомов городских и районных советов, контрольно-учетных и карточных бюро были пересмотрены и утверждены Удмуртским обкомом ВКП(б). Все начальники карточных и контрольно-учетных бюро городов и рабочих поселков республики и начальников карточных бюро заводов № 71, 74, 235, 622, 524, 203 включались в номенклатуру Удмуртского обкома ВКП(б), тем самым они получали право на получение особых пайков²²⁴. Удмуртский обком ВКП(б) решил усилить партийное влияние среди работников торговли. Было решено провести кадровые перестановки в торговой сети: назначить на важнейшие участки торговли (мучные и продовольственные склады, продовольственные и хлебные магазины, планово-экономические и контрольные отделы) «проверенных и выдержанных коммунистов»²²⁵.

Подготовка к отмене карточной системы обсуждалась на заседании бюро Удмуртского обкома ВКП(б). Особое внимание было уделено подготовке торговой сети ОРСов. На заседании бюро Удмуртского обкома ВКП(б) 3 декабря 1947 г. было предложено министру торговли УАССР А.С. Фалалееву,

²²¹ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4395. Л. 56.

²²² Там же. Ф. 228. Оп. 1. Д. 82. Л. 31.

²²³ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4579. Л. 25 об.

²²⁴ Там же. Д. 4395. Л. 53.

²²⁵ Там же. Д. 4579. Л. 9.

председателю Удмуртпотребсоюза А.С. Антропову и секретарям райкомов и горкомов ВКП(б) пересмотреть сеть ОРСов с расчетом приближения ее к потребителям и, в случае необходимости, открыть к 15 декабря 1947 г. недостающее количество хлебных ларьков и палаток. В целях обеспечения бесперебойной продажи хлеба было решено обратить особое внимание на предприятия хлебопечения: укомплектовать их необходимым количеством квалифицированных кадров, создать трехмесячный запас топлива на всех предприятиях хлебопечения. Кроме того, республике были выделены дополнительные фонды муки на декабрь в количестве 1169 тн²²⁶.

Составной частью мероприятий по отмене карточной системы стала подготовка торговой сети республики к торговле в новых условиях. С 1 января 1946 г. по 1 января 1947 г. общее количество магазинов и лавок увеличилось с 1199 до 1255, торговых ларьков и палаток с 403 до 495. Всего было открыто 55 коммерческих магазинов и столовых²²⁷.

Информационные сводки о ходе продажи как продовольственных товаров, так и непродовольственных, составлялись в обкомах ВКП(б) и сообщались по телефону в ЦК ВКП(б). В первые пять дней после отмены карточной торговли в Ижевске сложилась следующая ситуация: в первые два дня продажа хлеба превышала установленный лимит в 324 тонны, затем она была даже ниже предполагаемой нормы продажи хлеба в сутки (от 248 до 302 тн). В течение первых дней торговли после отмены карточной системы выявилась неготовность торговой сети к работе в новых условиях. В магазинах не было создано необходимого запаса товарных фондов для обеспечения бесперебойной торговли. Массовым явлением стали очереди в магазинах. 17 декабря 1947 г. начальник ОРСа завода № 235 докладывал на заседании бюро Воткинского горкома ВКП(б) УАССР: *«Вследствие закрытия магазинов ОРСа на обеденный перерыв у магазинов создавались очереди и вызывалось недовольство покупателей.* В ряде магазинов не

²²⁶ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп.1. Д. 4716. Л. 25.

²²⁷ Там же. Д. 4579. Лл. 5, 5 об.

было установлено надлежащее наблюдение за порядком, в результате чего имелись случаи толкотни, давки. В магазине Торга № 16 и других со второй половины дня торговля хлебом не производилась в виду отсутствия его в магазинах» (выделено мною – О.В.)²²⁸.

Наличие очередей в городах республики до 100-300 человек за хлебом отмечалось в информации секретаря Удмуртского обкома ВКП(б) А.В. Караваева в ЦК ВКП(б). Он писал, что выделяемые республике фонды по рыботоварам, животным и растительным жирам, сахару и кондитерским изделиям обеспечивают только трехчасовую работу магазинов, что приводит к возникновению очередей. По его мнению, дополнительным фактором, приводившим к возникновению очередей в городах республики, стал приток колхозников в города, которые составляли до 40 % потребителей²²⁹.

Контроль за торговлей после отмены карточной системы осуществлялся государственной торговой инспекцией Министерства СССР. Главный государственный инспектор по торговле по УАССР А. Тихонова в информационном донесении в Главное управление Государственной торговой инспекции Министерства СССР положительно охарактеризовала итоги торговли в республике за вторую пятидневку января 1948 г: «Торговля хлебом проходит нормально... Торговля продовольственными товарами проходит нормально». Но, несмотря на все уверения в том, что торговля после отмены карточной системы в республике проходит «нормально», информационное донесение содержало достаточно характерные оговорки: «Имеют место перебои в торговле из-за своевременного завоза», «Недостаточно ассортимента продуктов: круп, рыбы, колбасных изделий», «Нет в продаже дрожжей, а когда поступали, имелись большие очереди и быстро скупались». Кроме того, отмечалось наличие очередей за хлебом: «В г. Ижевске только один дежурный продовольственный магазин, в котором

²²⁸ ЦДНИ УР. Ф.724. Оп.1. Д. 438. Л. 180.

²²⁹ Там же. Ф.16. Оп.1. Д.5221. Л. 40.

только одно рабочее место по продаже хлеба. Ежедневно в момент выхода рабочих с заводов создаются очереди по 100-150 человек»²³⁰.

Среди продовольственных товаров, наибольшим спросом пользовались крупы, макаронные изделия, рыбные изделия (консервы), сахар и кондитерские изделия. Их продажа значительно превышала предполагаемый план отпуска продуктов. Продажа мясных изделий, растительного масла происходила свободно, это было вызвано, прежде всего, высоким уровнем установленных цен на эти продукты питания, которые оказались недоступны подавляющему большинству горожан²³¹.

Отмена карточной системы привела к некоторому снижению цен на городских рынках республики. Рыночные цены на основные продукты питания в январе-феврале 1948 г. снизились по сравнению с декабрем 1947 г. Цена за кг сливочного масла составляла 90 рублей, то в январе-феврале – 65-70 рублей, цена на говяжье мясо в декабре – феврале осталась без изменений и составляла 35-40 рублей за кг, литр молока продавался за 10-12 рублей за литр, то в январе-феврале – за 7-8 рублей, цена за кг картофеля с декабря по январь-февраль снизилась с 2-3 рублей до 2 рублей 50 копеек²³².

Архивные документы свидетельствуют о том, что проблемы с обеспечением свободной продажи хлеба населению начались уже в конце января 1948 г. Горисполком г. Воткинска решил сократить плановую продажу хлеба с 22, 8 - 25,1 тонн в сутки до 20 тонн. Возникли очереди за хлебом, в которые вставали, начиная с 2-3 часов ночи. Рабочие завода № 235 обращались к администрации с просьбой перевести их во вторую смену. Все это резко отразилось на трудовой дисциплине, увеличилось число опозданий на работу, прогулов. Директор завода № 235 Е.А. Гульянц, понимая, что возникший продовольственный кризис может негативно отразиться на производственном процессе, был вынужден обратиться напрямую к секретарю Удмуртского обкома ВКП(б) А.В. Караваеву,

²³⁰ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп.1. Д. 5226. Л. 1.

²³¹ Там же. Д. 4740. Лл. 98-99.

²³² Там же. Л. 99; Д. 5221. Л.40.

председателю Совмина УАССР А.В. Тронину и министру торговли УАССР А.С. Фалалееву с просьбой вмешаться в работу Воткинского горисполкома и «наведения порядка в продаже хлеба для трудящихся завода и их семей»²³³. Характерна позиция парторга завода № 235 Н. Силкина, высказанная им на 9 общезаводской профсоюзной конференции завода № 235 26 марта 1948 г.: «Вопрос о хлебе и положение с хлебом – это большой вопрос, я сказал бы политический вопрос...Почему же теперь вспыхнули очереди? Они вспыхнули потому, что среди населения прошли слухи, слухи необоснованные, слухи вредные. Говорят, что нет муки, что хлеба в конце месяца не будет. Естественно, что часть народа шарахнулась в сторону и начала закупать хлеба больше, чем ему нужно на день. Хлеба, муки, зерна в нашей республике достаточно. Нам нужно бороться со слухами, создать уверенность в народе, пресекая факты и элементы паники... **Чем меньше будет разговора о недостатках хлеба, тем будет лучше для нас, надо запомнить самим и разъяснить в своих семьях**» (выделено мною – О.В.)²³⁴. Это выступление достаточно ярко характеризует позицию, которую обязана была занимать партийно-государственный аппарат: отказ от обсуждения возникающих проблем, использование демагогических приемов, таких как перекладывание ответственности с истинных виновников продовольственного кризиса на население, поверившее слухам.

Несмотря на отмену карточной системы, ее основной принцип первоочередного удовлетворения потребностей рабочих оборонной промышленности оставался неизменным. Совет Министров СССР в постановлении от 5 апреля 1948 г. потребовал от Совета Министров республик при распределении продовольственных фондов в первую очередь обеспечивать преимущественное снабжение рабочих важнейших предприятий²³⁵.

²³³ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп.1. Д. 5203.

²³⁴ Там же. Ф. 155. Оп. 2. Д. 755. Л. 6.

²³⁵ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 75. Л. 235, 236.

Работа торговой сети регулярно обсуждалась на собраниях городских партийных активов. Основными темами обсуждения были уровень обслуживания покупателей, качество продаваемого товара, возникающие перебои в торговле: «Как идет торговля в городе? Очень плохо, особенно торговля мукой в предпраздничные дни. Есть случаи, когда продавцы грубят покупателям и торгуют некультурно. В магазинах отсутствует оберточная бумага»²³⁶.

Заседание бюро Воткинского горкома ВКП(б) 9 января 1947 г., посвященное низкому качеству выпекаемого хлеба и низкой культуре обслуживания покупателей, постановило: «Потребовать от директора хлебокомбината Шеметова значительного улучшения качества выпускаемой продукции, не допускать припек свыше установленных правительством норм... каждый факт нарушения соответствующих норм будет рассматриваться как злоупотребление...Обязать секретарей парторганизации Торга т. Сметанину, ОРСа т. Дудина обратить особое внимание на воспитание работников прилавка, прививая им чувство культуры советского торгового работника, для чего организовать проведение с ними специальных докладов и бесед о значении торговли, о правильном взаимоотношении их с покупателями»²³⁷.

На собрании актива работников торговли и общественного питания г. Воткинска 2 сентября 1948 г. звучали следующие высказывания: «Перед работниками торговли стоят новые задачи, а именно не обсчитывать, бросить привычку не сдавать пятачки и копейки, а эти случаи имеют массовый характер», «Надо обратить внимание на часы работы наших магазинов. Мы торгуем до 6 часов, а рабочие завода кончают работу в 5 часов и получается, что рабочий к нам не успевает подойти. **Надо часы работы изменить, то есть применяться к рабочим...**»(выделено мною – О.В.)²³⁸.

²³⁶ ЦДНИ УР. Ф. 724. Оп. 1. Д. 621. Л. 4 об.

²³⁷ Там же. Д. 438. Л. 2.

²³⁸ Там же. Д. 534. Лл. 7, 7 об.

Одной из примет послевоенного времени было ежегодное снижение цен, которое преподносилось советской пропагандой как несомненное доказательство заботы государства о народе. Архивные материалы позволяют выявить неоднозначную реакцию населения. В информационной сводке Удмуртского обкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б) «О настроениях народа в связи с постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) о снижении цен на товары массового спроса» были приведены и такие высказывания: «Надо бы побольше снизить цены на хлеб, поменьше на водку», «Хоть и снизили цены на мясо, а на рынке оно все же дешевле». В сводке отмечалось, что снижение цен на вино-водочные изделия привело к значительному увеличению количества пьяных на улицах Ижевска. Но в целом отмечалось: **«Когда спрашиваешь работников горкомов, райкомов, обычно заявляют, что настроения в народе очень хорошие, всюду производственный подъем и новое проявление безграничной любви и преданности трудящихся нашей Родине, партии, советскому правительству и товарищу Сталину»** (выделено мною – О.В.)²³⁹.

В 1948 г. значительная часть ОРСов оборонных заводов республики были ликвидированы, а принадлежавшие им магазины и склады переданы городским торговым организациям. Часть предприятий передавало принадлежавшие им подсобные хозяйства, руководствуясь, прежде всего, экономической нецелесообразностью, так как, в основном, продукция подсобного хозяйства реализовывалась через сеть общественного питания, а с 1947 г. произошло резкое сокращение товарооборота за счет открепления рабочих от столовых. К тому же, посевные кампании и уборочные работы регулярно требовали привлечения значительной части рабочих, тем самым, отвлекая их от выполнения производственных планов завода²⁴⁰. Так, по данным В.С. Иванова, предприятия, объединенные обкомом профсоюза промышленности, ежегодно посылали в помощь подсобным хозяйствам на

²³⁹ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп.1. Д. 5413. Л.42.

²⁴⁰ Там же. Ф. 724. Оп.1. Д. 623. Л. 48.

период сезонно-полевых работ до 3000 рабочих и служащих из цехов и отделов основного производства²⁴¹.

К концу 1940-х г. отделы рабочего снабжения различных министерств по численности розничной сети и предприятий общественного питания занимали второе место после Министерства торговли УАССР. На 1 января 1950 г. розничная сеть ОРСов была представлена 406 магазинами и палатками, розничная сеть Министерства торговли УАССР – 438 магазинами и палатками, общая численность предприятий общественного питания Министерства торговли – 275, в то время как у ОРСов – 122. Розничная сеть ОРСов Министерства вооружения СССР составляла в 1950 г. всего 5 % от общей численности магазинов ОРСов республики. В то время как доля розничной сети ОРСов в министерстве лесной и бумажной промышленности составляла 66 %, а доля предприятий общественного питания – 79 %²⁴².

Отделы рабочего снабжения сохраняли свое значение в тех отраслях промышленности, где была наименее развита социальная инфраструктура. Отделы рабочего снабжения оборонных заводов республики утрачивают свое значение в процессе снабжения продовольствием рабочих оборонных заводов. Отмена карточной системы и ликвидация отделов рабочего снабжения привела к тому, что рабочие оборонных заводов стали обеспечиваться продовольствием на общих условиях с остальными категориями горожан. Ликвидация принципа преимущественного выделения продовольственных фондов предприятиям общественного питания, обслуживающих крупнейшие оборонные заводы республики, привела к ухудшению питания рабочих оборонных заводов.

Рабочие были недовольны качеством обслуживания буфетов и столовых, существующим ассортиментом блюд и качеством приготовляемой пищи. Проверка работы сети общественного питания завода № 71 выявила

²⁴¹ Иванов В.С. Партийные и профсоюзные организации Удмуртии в борьбе за обеспечение городского населения продуктами питания в годы Великой Отечественной войны // Социально-экономическое развитие Удмуртии в период социализма. Межвузовский сборник статей. Ижевск. 1977. С. 96.

²⁴² ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп.1. Д. 5838. Л. 72

следующие недостатки: ассортимент блюд буфета состоял из щей, каши, чая, киселя и черного хлеба, нехватка посуды и посадочных мест: на 400-500 человек обедающих в буфете было 3 стакана, 9 алюминиевых кружек, всего 6 столов, в результате чего рабочие обедали стоя и пили чай и кисель из тарелок. Много претензий было высказано рабочими по отношению к качеству обедов: «Пища приготовлена отвратительна. Суп – одна вода, без вкуса, запаха и цвета, второе – котлеты непонятно для чего и из чего. Животным такую пищу стыдно было бы подать. Ждать подачи приходится по полтора часа. Третьего дожидаться не мог. Полнейшее безобразие»(запись в книге жалоб и предложений в столовой № 71 за 18 февраля 1951 г.)²⁴³.

Продовольственные фонды, выделяемые республике, не обеспечивали возросших потребностей горожан. За 5 месяцев 1950 г. министерству торговли УАССР было выделено только 87,5 % от планируемых фондов колбасных изделий, 77,5 % – рыбы, 48, 5% – сыра, 39,7 % – молокопродуктов, 12 % – яиц²⁴⁴. К тому же, предполагалось, что часть фондов будет формироваться за счет работы местной и кооперативной промышленности и проведения децентрализованных заготовок внутри республики. Из 494 млн. рублей утвержденного товарооборота на 2 квартал 1950 г. за счет централизованных государственных фондов было выделено товаров на сумму 393 млн. рублей, оставшиеся товары на сумму 101 млн. рублей Министерству торговли УАССР необходимо было изыскивать самостоятельно²⁴⁵. Причем план по проведению децентрализованных заготовок был составлен без учета возможностей местных ресурсов. Ижгорпищеторг по плану Управления местными торгами должен был во II квартале 1950 г. закупить картофеля и овощей на 750 тыс. рублей, фруктов, ягод и бахчевых на 450 тыс. рублей, и прочих продовольственных товаров на 3113 тыс. рублей²⁴⁶.

²⁴³ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп.1. Д. 6180. Лл.111-112.

²⁴⁴ Там же. Д. 5838. Л.6.

²⁴⁵ Там же. Л. 8 об.

²⁴⁶ Там же. Л. 34.

Как отмечалось в справке о состоянии работы Министерства торговли УАССР за период с 1 января - 1 июля 1950 г.: «Министерство торговли в большинстве случаев занимается изданием формальных директив в адрес торгующих организаций, обвиняя их в невыполнении плана товарооборота, несоблюдении ассортиментного минимума, в слабой производительности труда»²⁴⁷. Проверка Государственной Торговой инспекцией основных торгующих организаций республики, проведенная в мае 1950 г., выявила: недостаток специализированных магазинов, нехватку торгового инвентаря, в ряде случаев антисанитарное хранение продуктов, недостаточный ассортимент представленных товаров. В конце мая – начале июня 1950 г. в магазинах г. Ижевска отсутствовали товары весенне-летнего ассортимента: белые мужские брюки, сарафаны, теннисные сорочки для взрослых и детей, купальные костюмы, халаты, женские шелковые блузы, пижамы, майки, носки и так далее²⁴⁸.

Перебои с продовольствием, длинные очереди в магазинах гг. Ижевска и Воткинска в конце 1940 – начале 1950-х годов стали частыми явлениями. Для улучшения сложившегося положения с обеспечением населения промышленных центров республики Удмуртский обком ВКП(б) обращался в Государственный комитет Совета Министров СССР по снабжению продовольственными и промышленными товарами, в Министерство торговли СССР с просьбой о выделении республики дополнительных фондов продовольственных товаров: «В магазинах города Ижевска и в других городах совершенно отсутствует в продаже мясо, колбасные изделия, масло животное, сыр, а также продовольственные товары как сахар, маргарин, сельди продаются с большими перебоями, три-четыре раза в месяц, с большими очередями»²⁴⁹. «В данное время в промышленных городах республики положение с торговлей хлебом остается крайне напряженным. Торговля хлебом в городах производится не полный день, в магазинах

²⁴⁷ ЦДНИ УР. Ф.16. Оп.1. Д. 5838. Л.30.

²⁴⁸ Там же. Л.9.

²⁴⁹ Там же. Д. 6382. Л. 143.

образуются большие очереди, поступает много жалоб и нареканий», - писал секретарь Удмуртского обкома ВКП(б) А.К. Протозанов министру торговли СССР В.Г. Жаворонкову²⁵⁰. Как отмечалось в справке о состоянии работы министерства торговли УАССР за период с 1 января 1950-1 июня 1950 г.: «За последнее время участились случаи перебоев с торговле хлебом в Ижевске, Глазове, Воткинске, а выделяемые фонды хлеба для рабочих поселков явно не обеспечивают потребности населения. В результате этого имеются факты прихода покупателей с окраин в центры городов за покупкой хлеба, что создает большие очереди и нарушает планомерную работу центральных магазинов»²⁵¹.

Можно утверждать, что объективных предпосылок к отмене карточной системы не существовало. Несмотря на все усилия местных органов власти подготовить торговую сеть республики к торговле в новых условиях, открытию новых магазинов, усиление контроля со стороны партийных структур за обеспечением бесперебойной работы хлебозаводов, создание необходимого запаса продовольственных фондов, республика оказалась не готова к переходу к свободной продаже продовольствия. Несмотря на достаточно высокий уровень цен, спрос все же значительно превышал предложение. Государство было не в состоянии обеспечить те нормы снабжения, которые существовали в условиях карточной системы. Продовольственные фонды, выделяемые республике, не только не удовлетворяли возросшей покупательной способности населения, но и не решали задачи минимального обеспечения продовольствием население основных промышленных центров республики. Отмена карточной системы основанной на приоритетном снабжении продовольствием рабочих оборонной промышленности при отсутствии товарных фондов привела к ухудшению материально-бытового положения рабочих.

²⁵⁰ ЦДНИ УР. Ф.16. Оп.1. Д. 6382. Л. 145.

²⁵¹ Там же. Д. 5838. Л.37.

2.3. Развитие индивидуального огородничества и животноводства как негосударственных источников снабжения рабочих продовольствием

Карточная система, обеспечивающая снабжение занятых в отраслях оборонной промышленности, обладала ограниченными возможностями. Важной задачей государства стало снижение нагрузки, разрешение дополнительных источников снабжения для населения, прежде всего за счет развития огородничества и животноводство. Государство делегировало часть своих полномочий по обеспечению населения продовольствием на само население.

В марте 1942 года было опубликовано Постановление Президиума ВЦСПС «О развитии массового огородничества», а 3 апреля 1942 г. Секретариат ВЦСПС утвердил «Положение о создаваемых при завкомах огородных комиссиях». 7 апреля было опубликовано Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих», установившее максимальную норму размера выделяемого земельного участка в 0,15 га на семью²⁵². Нужно отметить, что в городах Удмуртии средний размер выделяемого участка был значительно меньше нормы. В г. Ижевске он составлял всего 0,02-0,03 га, а в г. Воткинске – 0,07 га²⁵³.

Земли под огороды рабочим и служащим выделялись по решению СНК СССР из свободных земель близлежащих колхозов и совхозов, полос отчуждения шоссейных и железных дорог, а также из земель подсобных хозяйств предприятий и учреждений в городской черте, вблизи городов и рабочих поселков. При распределении земельных участков преимуществом в

²⁵² Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995. С. 80.

²⁵³ Сост. по: ЦГА УР. Ф. Р-1276. Оп. 3. Д. 9. Лл. 71,73,76, ЦДНИ УР. Ф. 724. Оп. 1. Д. 437. Л. 18.

получении более удобных участков пользовались семьи военнослужащих и инвалиды Великой Отечественной войны²⁵⁴.

19 февраля 1944 г. было опубликовано Постановление СНК СССР «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих», предусматривающее увеличение посевных площадей индивидуальных и коллективных огородов не менее чем на 20 % по сравнению с 1943 г. за счет свободных земель городов, рабочих поселков и государственного земельного фонда с закреплением их за предприятиями и учреждениями на 5-7 лет. В течение этих лет администрация не имела права перераспределять земельные участки, отведенные под индивидуальные огороды. Особое внимание было уделено необходимости организации системы распространения агрономических знаний среди будущих огородников: лекций, бесед, докладов о выращивании картофеля и овощей, способах обработки и удобрения почвы, подготовки семян к посеву, мерах борьбы с вредителями. Предприятия должны были обеспечить своих работников огородным инвентарем и семенным материалом²⁵⁵. Со стороны профсоюзов контроль над развитием огородничества был возложен на созданный при ВЦСПС Комитет содействия индивидуальному и коллективному огородничеству рабочих и служащих.

Руководство коллективным и индивидуальным огородничеством в УАССР осуществлялось одним из заместителей председателя Совета Министров УАССР, а контроль со стороны партийных органов – одним из секретарей Удмуртского обкома ВКП(б), а на уровне горкомов и райкомов республики – вторыми секретарями горкомов и райкомов ВКП(б). На заседаниях завкомов профсоюзов были избраны комиссии по рабочему снабжению и огородничеству, общезаводские огородно-животноводческие комиссии.

²⁵⁴ Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1985. С. 363

²⁵⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.3. М., 1968. С.188.

В 1945 году на заводе № 235 насчитывалось 17192 огородников, что было на 2996 человека больше, чем в 1944 году. Завком профсоюза организовывал для будущих огородников чтения лекций на агрономические темы. По радио регулярно транслировались передачи для огородников. Завком профсоюза через ОРС завода для помощи вновь записавшимся огородникам выдал около 150 тонн семенного картофеля. Кроме того, было выдано 230 кг разных семян овощных культур, которыми было обеспечено около 6300 огородников, и 195000 корней рассады помидор и капусты, которую получили свыше 5000 огородников. В цехах завода был изготовлен сельхозинвентарь: 1500 лопат, 3000 грабель, 3000 окучников²⁵⁶.

Обработка земли производилась в основном ручным способом, но ряд цехов использовали для обработки своих земельных массивов трактора и конные плуги. Из посевной площади в 915 га было вспахано 115 га или 13 % всей посевной площади. Земельные участки семьям фронтовикам и инвалидам предоставлялись, в основном, на уже возделанных землях. Для помощи этой категории рабочих подсобными хозяйствами предприятий был выделен специальный фонд семенного картофеля, в то время как большинство огородников было обеспечено только семенами картофеля. Для этой цели было выделено по заводам: № 71–150, № 74–55, № 622–32 тн картофеля²⁵⁷.

Огородничество носило как индивидуальный, так и коллективный характер. В 1945 году на заводе № 235 в г. Воткинске было организовано 3 коллективных огорода: два для молодежи и один для мобилизованных рабочих, живущих в общежитиях, с общей площадью 3 га на 310 человек²⁵⁸. Преобладающий характер получило все же индивидуальное огородничество. Площадь под индивидуальные огороды составила в 1946 году 983 га, а в 1947 году, в связи с большим количеством рабочих и служащих, желающих заниматься огородничеством, увеличилась до 991,5 га. В 1947 г. было 12449

²⁵⁶ ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 5. Д. 4. Л. 42 об, 43.

²⁵⁷ ЦДНИ УР. Ф. 228. Оп. 1. Д. 90. Л. 121 об.

²⁵⁸ ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 5. Д. 4. Л. 48.

огородников. Из них 5312 человек имели свои приусадебные огородные участки с площадью 274 га²⁵⁹.

Таблица 9. Урожай с индивидуальных и коллективных огородов в 1947 году (завод № 235)²⁶⁰

Сельскохозяйственные культуры	Площадь (га)	Средний урожай (с га в тн)	Общий урожай в тн
Картофель	820,8	22,69	18614,8
Овощи	171,1	37,2	6364,9
Итого	991,5	-	24079,7

Средний урожай по коллективным и индивидуальным огородам составил 2081 кг картофеля и овощей с га.

Рабочие и служащие занимали второе место по землепользованию после подсобных хозяйств при предприятиях. В 1946 г. посевная площадь подсобных хозяйств при предприятиях и учреждениях г. Воткинска составляла 2340 га, а общая посевная площадь огородников составляла 1313 га. В подсобных хозяйствах преобладали зерновые культуры – ими было занято 59 % всей земельной площади, на втором месте был картофель – 18 % земельной площади, затем овощи – 10 % земельной площади, вика – 11 % земельной площади, кормовые корнеплоды – 2 % земельной площади. В то время как 73 % земельной площади индивидуальных огородников было засажено картофелем, 19 % – зерно-бобовыми культурами, 8 % – овощами. Урожайность на индивидуальных огородах была выше, чем в подсобных хозяйствах предприятий. Так, урожайность картофеля составила 110 ц с га вместо 67 ц с га, полученного в подсобных хозяйствах, урожайность овощей – 106,4 ц с га – вместо 85 ц с га²⁶¹.

²⁵⁹ Там же. Д. 9. Л. 39.

²⁶⁰ ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 5. Л. 31 об.

²⁶¹ ЦДНИ УР. Ф. 724. Оп. 1. Д. 437. Лл. 16, 18, 19.

Значительным препятствием развитию индивидуального огородничества явилось отсутствие в пригороде Ижевска и Воткинска свободных земельных площадей. По данным Наркомата вооружения СССР количество огородников в республике в 1945 г. по сравнению с 1944 г. увеличилось на 16,8 % и составило свыше 66 тысяч человек²⁶². Уже в 1945 г. под индивидуальные огороды г. Ижевска необходимо было выделить 450-500 га дополнительной земли. Вопрос о выделении дополнительной земельной площади так и не был решен, так как предложенный вариант о предоставлении земли за 12-15 км от города был крайне неудобным²⁶³. Это приводило к невозможности обеспечения земельными участками всех желающих заниматься огородничеством. К тому же, в 1946 г. было опубликовано постановление Совета Министров СССР запрещавшее организациям занимать пустующие колхозные земли без разрешения колхозов. Как отразилось принятие этого постановления на огородниках оборонных заводов республики, можно проиллюстрировать на примере заводов № 71 и 74, которые лишились 70 га земли: из 120 га земли в колхозе «16 партсъезд» д. Шудзя колхоз согласился предоставить им только 50 га²⁶⁴.

Нужно отметить, что наделение рабочих земель выступало дополнительным средством закрепления рабочих на предприятиях. При увольнении с заводов рабочие лишались права не только пользоваться предоставленными им огородными участками, но и возможности убрать выращенный ими урожай. Исключения были сделаны лишь для инвалидов, уволенных с предприятий, призывников в Советскую Армию, переведенных на другую работу²⁶⁵.

Большое значение в самообеспечении рабочих мясом должно было сыграть развитие частного животноводства и птицеводства. Война нанесла большой урон состоянию животноводства, прежде всего из-за ухудшения состояния кормовой базы и необходимостью выполнения мясопоставок. В

²⁶² ЦДНИ УР. Ф. 228. Оп.1. Д. 90. Л. 155

²⁶³ Там же. Д. 63. Л.144.

²⁶⁴ Там же. Л.147.

²⁶⁵ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 366. Л.11.

1945 г. по сравнению с 1941 г. количество крупного рогатого скота в республике сократилось на 8,7 тыс. голов (с 132,6 до 123,9)²⁶⁶. 23 ноября 1945 г. было опубликовано Постановление СНК СССР «О развитии индивидуального животноводства и птицеводства среди рабочих и служащих». Оно предусматривало:

– увеличение поголовья скота и птицы, находящегося в личном пользовании рабочих и служащих;

– обеспечение скота выпасами и сенокосными угодьями на незанятых государственных землях, в лесах государственного и местного значения, на землях городов, рабочих и дачных поселков на срок до 5 лет;

– организации в городах и рабочих поселках животноводческих товариществ рабочих и служащих²⁶⁷.

Животноводческие товарищества организовывались при исполнительных комитетах городских Советов народных депутатов. Продажу рабочим скота, в основном, осуществлял завод, преимущество отдавалось кадровым и многосемейным рабочим и служащим. На 1 января 1947 года состояние частного животноводства и птицеводства на заводе № 235 характеризовалось следующими данными²⁶⁸.

Таблица 10. Количество рабочих, занимающихся частным животноводством и птицеводством на заводе № 235

По состоянию	Количество рабочих, занятых частным животноводством и птицеводством.	Количество скота и птицы в личном пользовании						
		коров	телят	овец	коз	птиц	свиного поголовья	итого единиц
На 1 июля 1946 года	2404	1128	166	352	280	6894	1029	9849
На 1 января 1947 года	2231	997	212	233	674	3890	529	6535

²⁶⁶ История Удмуртии XX.С. 242.

²⁶⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т.3. С. 85.

²⁶⁸ ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 5. Д. 6. Л. 65.

В течение второго полугодия 1946 года произошло сокращение общего поголовья скота и птицы, находящегося в личном пользовании рабочих, почти в полтора раза: количество свиней уменьшилось в 2 раза, коров – в 1,1 раз, птицы – в 1,8 раз, овец – в 1,5 раз. При этом увеличилось поголовье телят в 1,3 раза и овец в 2,4 раза.

Рабочие и служащие, решившие заняться животноводством, столкнулись с практически неразрешимыми проблемами: отсутствие выгонов для скота и кормов. Власть на местном уровне не могла решить эти вопросы. Перспективы по развитию животноводства, намеченные Постановлением СНК СССР, не были подкреплены конкретными мероприятиями. Нерешенность этих проблем привела к массовому забою скота осенью 1946 года. К тому же государство решило привлечь хозяйства жителей городов и поселков к обязательной поставке молока. Постановлением Совмина СССР и ЦК ВКП (б) от 19 марта 1946 для них были установлены нормы сдачи молока в половинном размере от установленных норм сдачи колхозников данного региона²⁶⁹. Это решение объяснялось необходимостью формирования так называемого государственного фонда пятилетки. 9 июля 1946 г. было создано Министерство продовольственных резервов СССР, которое занималось формированием неприкосновенного продовольственного запаса, в который входили: хлеб, объемистый фураж, жиры, мясные, рыбные, бакалейные, плодоовощные товары. Данные запасы могли расходоваться только по разрешению Совета Министров СССР. По всей стране была создана сеть территориальных управлений Министерства продовольственных резервов СССР, состоящая из областных, краевых, республиканских инспекций, складов, баз для хранения продовольствия, материально-технических складов и подсобных хозяйств. УАССР была

²⁶⁹ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4468. Л. 48.

включена в Казанское территориальное управление, помимо нее туда входили Татарская АССР, Чувашская АССР и Марийская АССР²⁷⁰.

24 февраля 1949 г. было опубликовано постановление Совета Министров СССР, отменявшее постановление Совнаркома СССР от 19 июля 1943 г. «Об освобождении от обложения сельскохозяйственным налогом рабочих и служащих по доходам, полученных с земельных участков, выделенных под коллективные и индивидуальные огороды». Налогами не облагались доходы, полученные с земель, отведенных под коллективные огороды, и с земельных участков индивидуальных огородников, если площадь не превышала 0,15 га на семью и не было рабочего и крупного рогатого скота²⁷¹.

Исследователи, анализируя значимость основных источников снабжения населения продовольствием: подсобные хозяйства предприятий, индивидуальные хозяйства, колхозный рынок, не приходят к единому выводу. У.Г. Чернявский и А.А. Антуфьев, используя всесоюзный материал и данные по уральскому региону, полагают, что в снабжении рабочих и служащих подсобные хозяйства предприятий существенного значения не имели, гораздо большей значимостью обладали два других источника поступления продуктов питания: индивидуальные хозяйства населения и рыночная торговля²⁷². Е.Г. Корнилов же, напротив, считает, что доля колхозного рынка в удовлетворении спроса населения на продукты питания была крайне незначительна. Он подчеркивает, что на всем протяжении войны цены на городских рынках Урала были выше, чем в других частях страны, так как излишки сельхозпродуктов у колхозников отсутствовали, а численность населения возросла в связи с эвакуацией²⁷³.

В. Р. Попов полагает, что война выявила и отчетливо обнажила полную зависимость «социалистического народного хозяйства» от частного рынка.

²⁷⁰ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 65. Лл.171-173.

²⁷¹ Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т.3. С. 561-563.

²⁷² Антуфьев А.А. Материальное благосостояние рабочего класса Урала в годы Великой Отечественной войны // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975) Свердловск, 1981; Чернявский У.Г. Война и продовольствие: снабжение городского населения в Великую отечественную войну. М., 1964.

²⁷³ Корнилов Г.Е. Колхозная торговля на Урале в условиях Великой отечественной войны // Отечественная история. – 1994. – № 2.

Война способствовала вовлечению в рыночные отношения все более широких слоев населения. Это проявилось и в росте посевов в личных хозяйствах граждан, которые в условиях постоянного товарного голода должны были служить населению гарантией того, что они избегнут голодной смерти. По данным Государственной инспекции по определению урожайности, изменение распределения посевных площадей между отдельными группами хозяйств за 1940-1950 гг. характеризовалась следующими цифрами: общественные посевы колхозов выросли с 117715 тысяч до 128033 тысяч га, приусадебные посевы колхозников – с 4503 тысяч до 5725 тысяч га, посевы рабочих и служащих сельской местности – с 402 тысяч до 689 тысяч га, и сократились только посевы единоличных крестьянских хозяйств с 14164 тысяч до 368 тысяч га²⁷⁴.

К сожалению, имеющийся архивный материал не позволяет сделать более четкий вывод о периоде завершения огородной кампании. Следует лишь уточнить, что государство опасалось того, что продажа выращенной огородной продукции может стать для рабочих и служащих дополнительным источником дохода. В случае, если земельный участок был больше 0,15 га, и наличествовал рабочий и крупный рогатый скот, то рабочие облагались сельскохозяйственным налогом.

В годы войны государство пересмотрело свои взгляды на наличие земельного участка у рабочих. Если ранее связь рабочих с землей расценивалась как проявление мелкобуржуазного сознания, то в условиях невозможности государства полностью удовлетворить потребности населения в продовольствии, было признано целесообразным пойти на выделение рабочим и служащим участков земли, кроме того, были предприняты шаги по предоставлению возможности развития индивидуального животноводства. Наделение рабочих землей усиливало их связь с предприятием, затрудняло уход с работы: передача земельных

²⁷⁴ Попов В.П. Сталин и проблемы экономической политики после Великой Отечественной войны.(1946–1953). М., 2002. С.132-133

участков происходила лишь во временное пользование, при увольнении с работы рабочие лишались права не только пользоваться земельными участками, но и снимать выращенный урожай. Это дополнение представляется достаточно существенным, так как рост случаев дезертирства с предприятий увеличивался в летние месяцы. В целом следует отметить, что именно ведение собственного хозяйства стало основным средством выживания для большинства рабочих. Об этом свидетельствуют постоянно увеличивающееся число рабочих, желающих заниматься огородничеством.

В послевоенное время дальнейшему развитию огородничества препятствовало ряд факторов: отсутствие свободных земель возле городов (предприятия были вынуждены возвращать колхозам земли, переданные им в годы войны); низкий уровень агротехнической культуры, недостаток удобрений приводил к постепенному истощению почвы, и как следствие, снижению урожайности. Развитие животноводства препятствовал недостаток земельных выгонов и отсутствие кормов. При решении проблемы снабжения населения продовольствием при доминировании государственной поддержки в виде карточной системы, участии ОРСов, важную роль все же сыграла инициатива самих рабочих, которые обеспечивали себя таким продуктом питания как картофель.

Глава 3. Социальные проблемы промышленных рабочих УАССР в 1945-1950 гг.

3.1. Жилищно-бытовые условия рабочих оборонных заводов УАССР в восстановительный период

Условия проживания, степень его благоустройства и комфорта являются одними из важнейших характеристик качества жизни. На материально-бытовое положение рабочих обороной промышленности оказывали влияние множество факторов важнейшим было неудовлетворительное состояние городской инфраструктуры, явившееся следствием расстановки приоритетов предвоенного развития страны, определявшие основную направленность капиталовложений в создание тяжелой промышленности и обеспечение обороноспособности страны. Вопросы развития социальной сферы, решение проблем, связанных с улучшением быта трудящихся, отходили на второй план, сложившуюся ситуацию усугубили последствия Великой Отечественной войны.

Вопросы проведения очистки городов регулярно обсуждались на заседаниях Совета Министров УАССР, в городских противоэпидемических комиссиях, созданных при Совете Министров УАССР, в министерстве здравоохранения УАССР. Городская противоэпидемическая комиссия ежегодно планировала проведение «очистки городов, установление санитарного контроля за качеством воды, проведение ремонта колодцев, родников, обеспечение барачных, общежитий, вокзалов кипяченой водой»²⁷⁵.

Особое место в планах министерств и ведомств, занимавшихся обеспечением санитарного благополучия города, уделялось контролю за состоянием санитарно-коммунальных структур, обслуживающих рабочих оборонной сферы. Министерство здравоохранения УАССР обязывало директоров оборонных заводов республики организовать бесперебойное

²⁷⁵ ЦГА УР. Ф. Р-177. Оп. 5. Д. 29. Лл. 27-27 об.

снабжение цехов качественной питьевой водой, обеспечить бесперебойную работу санпропускников при санузлах²⁷⁶. Кроме того на директоров оборонных заводов была возложена обязанность проведения проверок санитарного состояния общежитий, обеспечение подведомственных бань, прачечных трехмесячным запасом топлива, проведения регулярной санитарной обработки лиц, проживающих в общежитиях Министерства вооружения СССР²⁷⁷.

Состояние городской коммунальной сферы в послевоенный период было крайне сложным. В годы войны коммунальное хозяйство городов лишилось значительной части транспортных средств. На 15 декабря 1945 г. в коммунальном хозяйстве республики было только 131 лошадей, тогда как для обеспечения должного уровня работы необходимо было 230 лошадей и 45 автомашин²⁷⁸. За 11 месяцев 1945 г. из-за отсутствия топлива бани г. Ижевска не работали 131 день. Прачечные города Ижевска вообще ввели практику приема белья вместе с топливом заказчика²⁷⁹.

Со значительными сложностями происходило обеспечение населения водой. Городской водоканал выделял на одного человека в сутки от 15 до 20 л воды, что было значительно ниже санитарной нормы в 40-120 л²⁸⁰. В первую очередь, водопровод обеспечивал потребности в воде промышленные и пищевые предприятия, столовые, больницы. Качество городской воды было крайне низким. С 1933 г. газогенераторная станция завода № 71 ежедневно спускала в реку Иж фенольные воды, что привело к загрязнению реки вплоть до впадения ее в Каму и сделало ее непригодной для бытовых нужд населения города. Очистные установки, позволившие значительно сократить спуск фенольных вод, были сооружены только в 1949 г.²⁸¹

Начальник санитарно-эпидемиологической станции в докладной записке первому секретарю Удмуртского обкома ВКП (б) А.П. Чекинову сообщала:

²⁷⁶ ЦГА УР. Ф. Р-177. Оп.1. Д. 32. Лл. 3-3об.

²⁷⁷ Там же. Ф. Р-551. Оп.1. Д. 75. Лл. 11-14, 239-243; Д. 76. Л. 119, 121; Д. 77. Л. 91-93; Д. 80. Лл. 22-23, 82.

²⁷⁸ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4150. Л.180.

²⁷⁹ Там же. Ф. 228. Оп. 1. Д. 89. Л. 76

²⁸⁰ ЦГА УР. Ф. Р-77. Оп. 5. Д. 31. Л. 2.

²⁸¹ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5374. Л. 172.

«Бытовые условия у большинства населения неудовлетворительные, очистка населенной территории, общественных уборных, помойных ям в течение зимнего периода производилась чрезвычайно плохо. Водопроводная сеть в морозные месяцы из-за недостаточного отопления во многих местах замерзла и поэтому многоквартирные дома были совершенно без воды, вследствие чего засорялась и канализация. ...Большинство водопроводных колонок нарушено и воду жители черпали каждый своим ведром, из колоночных колодцев или из прочих водоемов»²⁸².

Запущенное состояние коммунальной сферы г. Ижевска в 1945 г. стало предметом разбирательства на уровне КПК при ЦК ВКП(б). Итоги инициированной проверки были вынесены на обсуждение бюро Удмуртского обкома ВКП(б).

Вопросы обеспечения коммунальных предприятий и населения топливом последовательно рассматривали на заседаниях СНК СССР, Удмуртского обкома ВКП(б), СНК УАССР, горкомов республики. В течение лета-зимы 1945-1946 годов принимается ряд постановлений, посвященных разрешению топливного кризиса: 5 июля 1945 г. – Постановление СНК СССР, устанавливающее нормы заготовки дров для Управления местной топливной промышленности при СНК УАССР в размере 100 тыс. куб.м., 23 декабря 1945 г. – решение бюро Удмуртского обкома ВКП(б) «Об осенне-зимних заготовках топлива для нужд предприятий и городов республики», 14 января 1946 г. – совместное решение Удмуртского бюро обкома ВКП(б) и СНК УАССР «Об обеспечении города Ижевска топливом», 2 февраля 1946 г. – постановление «О мерах по усилению лесозаготовок в I квартале 1946 г.», 13 февраля 1946 г. – «Об усилении заготовок и вывозке дров по республике», 26 февраля 1946 г. – «О снабжении топливом города Ижевска». Ижевский горком ВКП(б) только за период с 31 октября 1945 г. по 1 марта 1946 г. не менее десяти раз рассматривал вопрос об обеспечении коммунальных служб города необходимым количеством топлива. Несмотря на все принимаемые

²⁸²ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4039. Л.38

постановления, к 1 марта 1946 г. Управление местной топливной промышленности при СНК УАССР вместо предусмотренных 100 тыс. куб. м. дров заготовило только 82 тыс. куб. м. В условиях неэффективности работы местных коммунальных служб, единственным логичным выходом из топливного кризиса для органов власти стало привлечение к заготовке топлива населения. Уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по УАССР, обращаясь к секретарю Удмуртского обкома ВКП(б) А.П. Чекинову, настаивал на необходимости «принять постановление бюро Удмуртского обкома ВКП(б) обязывающее уже сейчас все местные партийные организации обеспечить через профсоюзные организации предприятий и учреждения республики, широкое привлечение рабочих и служащих к самозаготовке дров на отопительный сезон 1946-1947 г.»²⁸³.

Очередная проверка степени готовности коммунальных служб города к новому отопительному сезону 1946-1947 гг., проведенная представителем КПК при ЦК ВКП(б) летом 1946 г., выявила факты бездействия местных органов власти. На 5 июля 1946 г. работа по самозаготовке дров для личных нужд рабочих ИТР и служащих предприятий и организаций города находилась в лишь подготовительной стадии, а в ряде случаев не было проведено даже подготовительной работы. На заводе № 74 было выявлено четыре тысячи человек, желающих производить заготовку дров, но администрация предприятий не оказала должной помощи, и заготовка дров не производилась. Подобная картина наблюдалась и на других оборонных заводах города²⁸⁴.

Одной из самых сложных социально-экономических проблем послевоенного времени оставалось состояние жилищной сферы. Увеличение численности городского населения республики за счет размещения эвакуированных рабочих и служащих и членов их семей привело к дополнительной нагрузке на городское жилищно-коммунальное хозяйство.

²⁸³ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4415. Лл. 38, 41.

²⁸⁴ Там же. Ф. 228. Оп. 1. Д. 93. Л. 42-44.

Число жителей г. Ижевска увеличилось с 184 тыс. человек (на 1 января 1940 г.) до 205,9 тыс. человек (на 1 января 1943 г.), г. Воткинска – с 40,5 тыс. человек (на 1 января 1940 г.) до 52,8 тыс. человек (на 1 января 1943 г.)²⁸⁵. Если в 1940 г. на заводах Наркомата вооружения СССР на одного человека приходилось от 4,7 кв.м. до 6,3 кв.м. жилой площади, то в 1945 г. средняя площадь на одного человека в жилых домах заводов составляла 4,7 кв.м., а в общежитиях – 2,4 кв.м.²⁸⁶

Необходимость решения острого жилищного кризиса отразилась и в принятом в марте 1946 г. Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства страны, который предусматривал повышение государственных расходов на жилищное строительство. Предполагалось не только восстановить разрушенный жилой фонд городов и жилых поселков, пострадавших от фашистской оккупации, но и развернуть новое жилищное строительство в западных и восточных районах страны²⁸⁷.

25 августа 1946 г. было опубликовано Постановление Совета Министров СССР «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий истроек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке». Оно предусматривало строительство в течение второго полугодия 1946 г. и 1947 г. 60750 жилых домов с общей площадью 4 млн. 200 тыс. кв.м. В качестве приоритетного направления решения жилищной проблемы был выбран курс на строительство частных (индивидуальных) домов для продажи рабочим, служащим и ИТР предприятий. Из запланированных 60750 домов – 50650 (83%) были частные жилые дома, двух и трехкомнатные с кухней. Целью принятия этого постановления было не столько разрешение острого жилищного кризиса, сколько за счет строительства благоустроенного жилья

²⁸⁵ Родионов Н.А. Прием, размещение и трудовая деятельность эвакуированного населения в Удмуртскую АССР(1941–1945гг.) // В годы суровых испытаний. О ратном и трудовом подвиге сынов и дочерей Удмуртии. Сб. ст. Устинов, 1986. С. 148.

²⁸⁶ Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы войны. Свердловск, 1992. С. 90, ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 18. Д. 479. Л. 255.

²⁸⁷ История советского рабочего класса: В 6 т. Т.4. Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945-1960 гг. М., 1987. С. 231.

и последующей продажи рабочим и ИТР ограничить реэвакуационные процессы. Деревянный двухкомнатный жилой дом с кухней продавался за 8 тыс. рублей, каменный – за 10 тыс. рублей. Деревянный трехкомнатный жилой дом с кухней за 10 тыс. рублей, каменный – за 12 тыс. рублей. Министерство финансов СССР выделяло 1 млрд. рублей на предоставление кредита. Центральный коммунальный банк предоставлял льготные условия кредитования: выдавалась ссуда от 8 до 12 тыс. рублей на срок от 8 до 10 лет с взиманием 1% годовых²⁸⁸.

Оформление продажи домов, построенных отделом капитального строительства заводов в собственность рабочим, служащим и ИТР, оформлялось по решению жилищно-бытовой комиссии при заводском комитете профсоюза завода с утверждением завкома и директора завода. При рассмотрении заявок на покупку дома предпочтение отдавалось кадровым рабочим и стахановцам. Кроме того, учитывались интересы таких категорий рабочих как инвалиды Великой Отечественной войны, демобилизованные, семьи погибших на фронте.

В качестве одной из мер решения острого жилищного кризиса должна была стать инициированная государством программа поддержки индивидуального строительства. 24 мая 1944 г. было принято Постановление СНК СССР «О мероприятиях по восстановлению индивидуального жилищного фонда и усилению индивидуального жилищного строительства в городах и рабочих поселках СССР»²⁸⁹. Индивидуальным застройщикам выделялись ссуды, предоставлялась помощь в обеспечении строительными материалами.

Первоначально индивидуальное жилое строительство не получило широкого распространения. В 1944 г. на заводе № 74 было всего 2 застройщика, а в 1946 – 33²⁹⁰. Постепенно количество желающих самостоятельно решить проблему с жильем увеличивалось и заводские

²⁸⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет. В 5 т. Т.3. 1941-1952 гг. М., 1968. С. 87-89.

²⁸⁹ Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1959. М., 1961. С.421.

²⁹⁰ ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп.19. Д. 37. Л. 6.

комитеты профсоюзов не могли удовлетворить все заявления. Из 106 заявлений о предоставлении ссуды на строительство жилья, поданных в жилищно-бытовую комиссию завода № 235 в 1947 г., было удовлетворено только 35²⁹¹.

Лишь после того, как Министерство вооружения СССР увеличило сумму кредитования: с 183,4 тыс. рублей в 1947 г. до 250 тыс. руб. в 1949 г., у оборонных заводов появилась возможность более широко предоставлять кредиты на жилое строительство. В 1949 г. из 108 заявлений о предоставлении кредита, помощь была оказана 51 человеку²⁹². К 1947 г. из 96 человек, получивших ссуду на строительство жилья, сумели завершить его только 36 человек²⁹³. К 1949 г. успешно закончили строительство уже 48 человек из 86 застройщиков²⁹⁴.

Оборонные заводы в годы войны вели свое жилищное строительство. С 1941 по 1944 гг. завод № 74 построил 16283 кв.м. жилья²⁹⁵. В предвоенные и военные годы преобладало строительство временных жилищ. При кажущейся дешевизне строительства, возможности возведения зданий в короткие сроки, их последующая эксплуатация требовала постоянного ремонта, что было совершенно не рентабельно. В условиях ограниченных материальных и финансовых ресурсов, предприятия были вынуждены направлять имеющиеся средства в основном на текущий и капитальный ремонт жилья. В 1945 г. на капитальный и текущий ремонт жилого фонда завода № 622 было отпущено 264 тыс. рублей, в 1947 г. – 260 тыс. рублей²⁹⁶.

Наиболее сложная ситуация с вводом новой жилой площади сложилась в впервые послевоенные годы. Недостаток строительных материалов, автотранспорта, низкая производительность труда на стройках приводили к постоянным срывам намеченных планов по жилищному строительству. Распространенным явлением стало не выполнение или частичное

²⁹¹ ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 5. Д. 9 Л. 41 об.

²⁹² Там же. Д. 21. Л. 33.

²⁹³ Там же. Д. 9. Л. 86.

²⁹⁴ Там же. Д. 21. Л. 33.

²⁹⁵ Там же. Ф. Р-543. Оп. 18. Д. 465. Л. 13.

²⁹⁶ Там же. Ф. Р-1458. Оп. 3. Д. 3. Л. 32. Д. 7. Л. 13.

выполнение планов жилого строительства. Для обеспечения острой потребности в жилье завода № 74 в 1945 г. необходимо было ввести 119000 кв.м. жилой площади, было запланировано –1844 кв.м., а построено – только 318 кв.м.²⁹⁷. В 1946 г. строительный трест № 51 выполнил только 51% плана жилищного строительства²⁹⁸. Всего же с 1946 по 1948 гг. завод № 74 ввел в эксплуатацию 2500 кв. м. жилой площади, в то время как из-за ветхости было снесено 5300 кв.м. жилой площади²⁹⁹.

Анализируя соотношение ведомственного жилья, прежде всего принадлежавшего Министерству вооружения СССР, и жилого фонда городского коммунального хозяйства, следует отметить доминирование первого. В 1946 г. площадь жилого фонда только одного завода № 74 составляла 79171 кв.м., в то время как площадь всего жилого фонда городского коммунального хозяйства г. Ижевска – 45033 кв.м.³⁰⁰. Характерной особенностью жилищного фонда г. Ижевска было сохранение в нем значительной доли частных домов. В 1940 г. в городах и рабочих поселках республики обобществленный жилой фонд составлял 684 тыс. кв.м. или 42 %, а индивидуальный жилой фонд 925,4 тыс. кв.м. или 58 %. К 1950 г. общие пропорции изменились незначительно: обобществленный жилой фонд составлял 915 тыс. кв.м. или 44 %, а индивидуальный жилой фонд – 1142 тыс. кв.м. или 56 %³⁰¹. Это было значительно выше общесоюзных показателей: в 1940 г. на долю индивидуальных домов приходилось 36,6 % жилого фонда городов и рабочих поселков, а в 1950 г. – 33,7 %³⁰².

В первые послевоенные годы жилой фонд заводов составляли каменные, деревянно-рубленые и каркасные дома, каркасно-засыпные бараки. В ряде случаев продолжали существовать так называемые «бараки-крыши» –

²⁹⁷ ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп.18. Д. 479. Лл. 254, 255.

²⁹⁸ Там же. Оп.19, Д. 37. Л. 6 об.

²⁹⁹ Там же. Оп.18. Д. 584. Л. 62.

³⁰⁰ Там же. Д. 583. Л. 103; Ф. Р-177. Оп. 5. Д. 31.Л.1

³⁰¹ УАССР за 50 лет. Статистический сборник. Ижевск, 1970. С. 157.

³⁰² История советского рабочего класса: В 6 т. Т.4. Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945–1960 гг. М., 1987. С. 257.

огромные полуземлянки под двухскатными крышами, обложенные снаружи дерном, а внутри обшитые тесом.

Среди преобладающих в послевоенное время типов жилья можно выделить каркасно-засыпные бараки и деревянные дома. В 1946 г. в каркасно-засыпных бараках жили 44 % рабочих завода № 74, а в деревянных домах – 56 % рабочих, причем на одного рабочего приходилось примерно 3,4 кв.м. жилой площади³⁰³.

Заводы не могли обеспечить всех своих рабочих жилой площадью, что приводило к тому, что часть рабочих вынуждена были жить или снимать жилье в частном секторе. По мере своих возможностей, администрация предприятий стремилась предоставлять жилье этим категориям рабочих. В 1946 г. в заводские дома было переселено 128 семей рабочих № 235, в том числе 28 семей военнослужащих и инвалидов Великой Отечественной войны, а в 1949 г. – 410 семей, в том числе 31 семей погибших фронтовиков и семей военнослужащих, 14 семей инвалидов Великой Отечественной войны, 28 семей демобилизованных из Советской Армии³⁰⁴. Некоторые рабочие не в силах добиться от завода права на получение жилой площади обращались к представителям органов власти. Рабочий завода № 71 М. Ильянов писал Председателю Президиума Верховного Совета СССР К.М. Швернику: «Я работаю на заводе № 71 пятнадцать лет. С 17 лет своей юности поступил на завод... женился в 1948 г.... жена имеет 10 лет стажа работы. Мы находимся до сих пор на частной квартире. Сколько раз я стремился добиться казенной квартиры... Неужели, товарищ Шверник, мы не в состоянии получить казенную квартиру... Мы не в состоянии платить каждый месяц по 120 рублей за квартиру»³⁰⁵.

Между тем, ликвидировать недостаток жилой площади на заводах было невозможно только бумажным решением. Начальник жилищного отдела завода № 74 Опягов, выступая на 12 партийной конференции, рассказывал о

³⁰³ Сост. по: ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп.18. Д.479. Л. 99; Д. 581 Л.4.

³⁰⁴ Там же. Ф. Р-785. Оп. 5. Д. 6, Л. 48. Д. 21 Л. 32.

³⁰⁵ Там же. Ф. Р-1467. Оп.3с. Д. 520. Л. 7об.

существующей практике принятия резолюций, не подкрепленных реальными действиями: «Ясно, что мы не строим и давать квартиры не можем, но в связи с тем, что такой большой наплыв, люди обращаются к директору завода, в завком, в партком... Однако неправильно решается вопрос в завкоме, который, когда к нему люди обращаются пишет: «Завком считает необходимым, учитывая тяжелое положение дать комнату. С такими резолюциями приходят товарищи в жилотдел... А мы не имея свободной площади, не в силах обеспечить нуждающихся... Нужно сознаться перед этими товарищами и рассказать истинное положение вещей, что строим плохо, что квартир не будет...»³⁰⁶.

Некоторая доля рабочих оборонной промышленности жила в своих домах. В 1946 г. на заводе № 74 17 % работающих на заводе имели собственные дома (3379 человек из 20155)³⁰⁷.

Значительное место в структуре жилищного фонда предприятий занимали общежития. В основном в общежитиях проживали молодые рабочие, выпускники ФЗО и РУ, мобилизованные (в первые послевоенные годы), инвалиды Великой Отечественной войны. В 1945 г. из 16680 человек, работающих на заводе № 74, в общежитии проживало 3226 человек или 19 %, а на заводе № 235– 2399 человек из 6763 работающих или 35 %³⁰⁸. Средняя площадь на одного жильца в общежитиях была меньше, чем в семейных домах, и составляла 2,4 кв.м. против 4,7 кв.м.³⁰⁹. Это было значительно меньше санитарной нормы в 8 кв.м., установленной в 1919 г. Наркоматом здравоохранения РСФСР. Данная норма была разработана исходя из необходимой одному человеку минимальной величины объема воздуха, который обеспечивал нормальное самочувствия после ночного сна: примерно 25-30 куб. м.³¹⁰. В комнатах общежитий размещалось 28-30

³⁰⁶ ЦДНИ УР. Ф. 155. Оп.3. Д. 115. Л. 32 об.

³⁰⁷ ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 19. Д. 37. Лл. 2 об, 6 об.

³⁰⁸ Там же. Оп. 18. Д. 479. Л. 255; Ф.Р-785. Оп. 5. Д. 5. Л. 93.

³⁰⁹ Там же Ф. Р-543. Оп. 18. Д. 479. Л. 255.

³¹⁰ Меерович М.Г. Власть и жилище (жилищная политика в СССР в 1917-1940 гг.) // Вестник Евразии. – 2003. – №1. – С.9.

человек, а в ряде случаев, например, в общежитиях завода № 235 –120-150 человек³¹¹. Продолжала существовать двухъярусная система, введенная в годы войны.

XIV пленум ВЦСПС (3-8 декабря 1945 г.) потребовал от хозяйственных органов переселить в первом квартале 1946 г. всех рабочих и служащих из землянок в благоустроенные жилища, а в первой половине 1946 г. ликвидировать двухъярусные койки. Между тем, перевод общежитий с двухъярусной системы на одноярусную продолжался на протяжении 1946-1947 гг. На заводе № 622 на 1 января 1947 г. только в 8 из 12 общежитий была ликвидирована двухъярусная система³¹².

Содержание общежитий было финансово затратно для Министерства вооружения СССР. Еще с 1 апреля 1940 г. Экономический Совет при СНК СССР разрешил взимать плату за проживание в общежитиях. Оплата коммунальных и бытовых услуг в общежитиях коечного типа была установлена в пределах 25 рублей с человека в месяц, а с рабочих и служащих, получающих зарплату менее 200 рублей – не выше 10 % от их заработной платы³¹³. С 4 апреля 1944 г. Наркомат вооружения СССР обязал взимать плату за коммунально-бытовые услуги: отопление, потребление воды и электроэнергии по себестоимости, но не выше установленной платы. В общем, установленная квартплата за место в общежитии в размере 33 рубля была несколько меньше ее фактической себестоимости в 44 рубля 20 копеек³¹⁴.

23 февраля 1946 г. были опубликованы, а с 1 мая 1946 г. вступили в действие новые Санитарные правила устройства, оборудования и содержания рабочих общежитий. Этими правилами вводился определенный минимум санитарно-бытовых удобств, который гарантировало государство. Согласно новым правилам, в комнате могло проживать не более шести человек, причем на одного человека должно было приходиться не менее 4,5 кв.м.

³¹¹ ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 5. Д. 6. Л. 98.

³¹² Там же. Ф. Р-1458. Оп. 3. Д. 5. Л. 6.

³¹³ Там же. Ф. Р-543. Оп. 18. Д. 479. Л. 140.

³¹⁴ Там же. Л. 261.

жилой площади. Запрещалось оборудовать общежития в сырых неутепленных помещениях. Комнаты для умывания оборудовались из расчета один кран на восемь человек. Администрация предприятий должна была выделить в каждую комнату железные койки, стулья или табуретки по числу проживающих, столы общего пользования, шкаф для одежды или вешалки с крючками, межкроватьные тумбочки, трансляционную радиоточку и настенное зеркало. В комнате должны были быть графины или кувшины с крышками для воды, стаканы, полоскательницы. Каждый жилец общежития должен был получить комплект постельных принадлежностей, который включал в себя: матрац, наматрачную наволочку, подушку, одеяло, постельное белье. Средняя температура в помещении должна была быть от 15 до 20 С.

Данные правила вводили достаточно жесткие санитарные требования; изолятор для больных, из расчета 2 коек на 100 человек, кладовую для хранения грязного и чистого белья, кладовую для хранения инвентаря общежития, оборудованное помещение для стирки и сушки белья, баню или душевую пропускного типа, оборудованную сухожаровой камерой. При числе проживающих свыше 300 человек предусматривалось выделение помещений под столовую общественного питания и оборудованную прачечную на территории общежития.

Правила зафиксировали обязательность проведения влажной уборки в помещении (двух раз в неделю влажной уборки пола, один раз в месяц – генеральной уборки всех помещений общежитий), организацию санитарной обработки проживающих (мытье в бане, дезинфекция одежды). Контроль над соблюдением санитарных норм возлагался на общественных санитарных инспекторов. Комендант общежития был обязан совершать два раза в сутки обход жилых помещений общежития, выявлять больных и препровождать их до прихода врача в амбулаторию или в изолятор. Администрация несла ответственность за соблюдение вводимых санитарных норм³¹⁵.

³¹⁵ ЦГА УР. Ф. Р-906. Оп.1. Д. 6. Лл.16-20.

Благоустроенных общежитий, соответствующих новым санитарным нормам, было немного. Продолжали существовать и такие общежития, в которых «... работницы днем сидят в теплой одежде, спят, укрываясь поверх одеял своей верхней одеждой, ...белье работницы стирают сами в одной из отведенных для этой цели комнате. Пищу готовят частично в общей кухне, а в большинстве случаев в своих комнатах. Полы моются самими работницами через день. В бараке имеется комната для хранения личных вещей работниц, есть красный уголок, но он не работает из-за холода... имеющиеся в комнатах репродукторы не работают...»³¹⁶.

Администрация предприятий делегировала часть своей ответственности за поддержание порядка в общежитиях на общественные структуры, прежде всего на бытовые советы при общежитиях. На заводе № 622 существовала практика прикрепления жилых домов к цехам и отделам заводов³¹⁷. Активно использовался труд на общественных началах, привлечение жильцов к ремонту жилищного фонда на общественных началах. В 1946 г. на заводе № 74 на ремонте жилищного фонда было отработано более 3500 человеко-часов³¹⁸.

Между тем одной из форм обеспечения контроля над правильной эксплуатацией жилищного фонда в результате координации работы профсоюзных, партийных и административных структур стало социалистическое соревнование, инициированное НКВ и ЦК союза рабочих промышленности вооружения. В нем были задействованы работники жилищно-коммунальных отделов заводов, медсанчасти, начальники цехов, председатели цеховых комитетов, секретари партбюро, секретари комсомольских организаций. Строгий контроль со стороны общезаводской комиссии за улучшением жилищно-бытовых условий позволил достичь зримых успехов. На заводе № 74 в 1945 г. было очищено 177000 кв.м.

³¹⁶ Там же. Ф. Р-1276. Оп. 1. Д. 139. Л.13.

³¹⁷ Там же. Ф. Р-1458. Оп. 3. Д. 3. Л. 31

³¹⁸ Там же. Ф. Р-543. Оп. 19. Д. 37. Л.2.

территории, прилегающей к общежитиям завода, вывезено 10250 т мусора, посажены деревья, разбиты клумбы³¹⁹.

Зачастую только необходимость реагирования на решения, принятые на уровне Министерства вооружения СССР, могло заставить администрацию предприятий предпринимать конкретные шаги по улучшению санитарно-бытовых условий проживающих в общежитиях. 16 декабря 1947 г. был принят приказ Министерства вооружения СССР № 422 «По улучшению санитарного состояния на заводе № 622». И уже 3 января 1948 г. директор завода № 622 Н.И. Палладин отчитывался перед начальником жилищного отдела Министерства вооружения СССР: «... Проведен вторичный ремонт печного отопления и косметический ремонт 4 общежитий, оборудована кухня при общежитии, пошито 150 простыней, 333 подзоров к кроватям, 138 подушечных наволочек, 30 на матрацных наволочек, отремонтировано 350 тумбочек, 150 табуреток... дополнительно изготовлено и выдано проживающим в общежитиях 100 чайников, 900 карболитовых стаканов, 140 тазов, 15 корыт для стирки белья, 300 кружек, 300 котелков для приготовления пищи, 50 ведер...»³²⁰.

11 марта 1950 г. секретариат ВЦСПС опубликовал Постановление о проведении общественного смотра санитарного состояния общежитий и работы бань, прачечных и парикмахерских. Для проведения общественного смотра были созданы республиканские и городские комиссии, в состав которых входили председатели советов профсоюзов, представители профсоюзных, хозяйственных организаций, органов здравоохранения и областных отделов коммунального хозяйства. В состав комиссий, создаваемых на предприятия, входили председатель ФЗМК, представитель администрации предприятия, врач здравпункта, председатель жилищно-бытовой комиссии ФЗМК. Санитарный смотр проходил в два этапа: в апреле-мае 1950 г. смотровые комиссии проводили осмотр общежитий, бань,

³¹⁹ ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 18. Д. 46. Л. 3.

³²⁰ Там же. Ф. Р-1458. Оп. 2. Д. 553. Л. 5.

прачечных, санпропускников предприятия, выявляли существующие недостатки и намечали сроки их устранения, в августе-сентябре 1950 г. смотровые комиссии, профсоюзы и органы здравоохранения осуществляли контроль над выполнением администрацией предприятий предписаний. Целью проведения смотра было улучшение санитарного состояния общежития, бань, санпропускников. В свою очередь советы профсоюзов и ЦК профсоюзов должны были до 1 ноября 1950 г. представить ВЦСПС отчет о проведенном смотре³²¹.

Общественные смотры, проведенные в общежитиях, санпропускниках оборонных заводов Удмуртии, выявили ряд недостатков: перенаселенность общежитий, нехватка жесткого и мягкого инвентаря. В протоколе заседания смотровой комиссии завкома завода № 622 от 7 августа 1950 г. констатировалось: вместо 4,6 кв. м., установленных Санитарными правилами, на одного человека в общежитии приходилось 3,8 кв. м. жилой площади, стирка белья из-за удаленности прачечной на 3-4 км от общежития проводилась в общей кухне, в продаже не было мыла, одеколона, в санитарных пропускниках продавались спиртные напитки, санитарное состояние парикмахерской не соответствовало санитарным нормам.³²²

Всего в ходе общественного смотра в республике было создано 120 смотровых комиссий и 6 городских комиссий, в которых приняло участие 1188 человек. Было проверено 213 общежитий, 171 баня, 13 прачечных, 67 парикмахерских. В целом, необходимо отметить, что мероприятия, проведенные в ходе смотра, оказали, безусловно, положительное влияние на санитарно-бытовое состояние общежитий. На заводе № 235 было завершено строительство банно-прачечного комбината, 120 человек было переведено из общих бараков в стационарно-типовые. В общежития завода № 74 был приобретен недостающий мягкий и жесткий инвентарь, была произведена полная очистка территории, отремонтированы выгребные ямы и

³²¹ ЦГА УР. Ф. Р-89. Оп.3. Д.46. Л.4-6.

³²² Там же. Лл.36-37.

уборные. По итогам работы за 1 полугодие 1950 г., ЦК профсоюза машиностроительной промышленности и Министерство вооружения СССР присудили жилищному отделу завода № 74 первое место и выдали денежную премию в размере 40 тысяч рублей³²³. На ряде предприятий работа смотровых комиссий была ограничена только констатацией недостатков без принятия последующих мер по их устранению. На заседании партийного комитета завода № 235 в 1950 г. отмечалось: «В городе на рабочих поселках недостаточно является заботы о культурно-бытовых нуждах населения, в поселках нет зелени. Люди живут как на песчаной долине, нужно озеленить поселки, создавать для рабочих уют, в данное время по всем поселкам выключается свет, рабочие во второй смене не могут послушать днем радио...»³²⁴.

К концу 1940-х гг. произошли некоторые качественные изменения жилого фонда заводов. Началось строительство благоустроенных домов с канализацией, паровым отоплением и электрическим освещением. Это можно проследить на примере завода № 74. Если в 1946 г. водопроводом было оборудовано 57 % жилых домов, канализацией – 56 % (в основном каменные и частично деревянно-рубленные дома), центральным отоплением – 29 % жилой площади (в основном каменные дома), то в 1950 г. – водопроводом было оборудовано 99 % жилых домов, канализацией – 74 %, центральным отоплением – 37 %. Изменилась доля бараков и жилых домов в общей структуре жилищного фонда, если в 1946 г. бараки составляли 28 % жилого фонда, то в 1950 г. – 21 %. При этом общая площадь жилого фонда сократилась с 78900 кв.м. до 73040 кв.м.³²⁵.

Постепенно улучшалось обеспечение общежитий жестким и мягким инвентарем. К концу 1940-х гг. во всех комнатах общежитий были табуретки, столы, тумбочки, шкафчики для индивидуального пользования,

³²³ ЦГА УРФ. Р-89. Оп. 3. Д. 46. Л.102.

³²⁴ ЦДНИ УР. Ф. 923. Оп.1. Д. 294. Л.45 об.

³²⁵ ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп.18. Д. 495. Л.3; Д. 581. Л.83.

кипятильники, баки для воды. Особое внимание уделялось обеспечению женских общежитий тазами, корытами для стирки белья, утюгами.

Основные предпосылки кризиса жилищной сферы оборонных предприятий определялись сложившейся в предвоенные и военные годы структурой жилищного фонда, преобладанием в нем домов временного типа, выработавших свой ресурс эксплуатации, необходимостью направлять основной поток финансовых вложений на капитальный ремонт деревянно-рубленых и каркасных домов. К 1950 г. жилой фонд завода № 74 включал в себя каменные дома (33 % общей жилой площади), деревянно-рубленные и каркасные дома (36 % общей жилой площади), 30 % которых нуждались в капитальном ремонте, каркасно-засыпные бараки (21 % общей жилой площади), 90 % которых подлежало сносу, так как их основные конструкции сгнили. Только для расселения 3652 жильцов, проживающих в каркасно-засыпных бараках, требовалось 17 тыс. кв.м. жилой площади³²⁶.

Общее состояние жилищно-коммунального хозяйства городов значительно ухудшилось в годы Великой Отечественной войны: основная часть транспортных средств была отправлена на фронт, что имело катастрофические последствия для общей санитарно-эпидемиологической обстановки городов: из-за отсутствия транспорта бани и прачечные получали значительно меньше топлива, чем это было необходимо для их нормальной работы, что приводило к частым случаям их простоев, очистка улиц городов производилась в значительно меньшем объеме, чем это было необходимо. Резкое увеличение численности городского населения в годы войны привело к обострению жилищной проблемы. Для размещения вновь поступивших рабочих руководство заводов пошло на строительство так называемых бараков-крыш, введение двухъярусной системы в бараках, а в ряде случаев и нар. Количество жилой площади приходящейся на одного рабочего составляло не более 3 кв.м. Кардинальных изменений в жилищно-бытовых условиях подавляющего большинства рабочих в послевоенный

³²⁶ ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп.18. Д. 510. Л. 31.

период не произошло: среднее количество жилой площади, приходящейся на одного рабочего, было значительно меньше санитарной нормы. Тем не менее следует отметить произошедшие некоторые качественные изменения в жилищных условиях: началось строительство благоустроенных домов с канализацией, паровым отоплением и электрическим освещением. Жилой фонд заводов в основном состоял из временного жилья, построенного в конце 1920-1930 гг. и рассчитанного на небольшой срок службы. Основные финансовые средства, выделяемые Министерством вооружения СССР на жилищное строительство, направлялись на ремонт ветхого жилья. Несмотря на то, что хоть и в небольших масштабах, но все же жилищное строительство шло, из-за сноса ветхого жилья общий жилищный фонд заводов к концу 1940-х гг. сократился.

Основные действия государства были направлены на улучшение санитарных условий проживания в общежитиях. Принятие в 1946 г. Санитарных правил, зафиксировало отход от норм военного времени к нормам мирного времени: ограничивалось число проживающих в комнатах, вводился ряд требований к организации санитарно-бытовых условий проживания. Между тем, реальные условия проживания в общежитиях не отвечали санитарным правилам. Основным способом исправления сложившейся ситуации было проведение общественных смотров, в которых были задействованы представители профсоюзов, администрации предприятий.

3.2. Медико-социальные характеристики рабочих оборонных заводов Удмуртии

Одним из показателей качества жизни являются медико-социальные характеристики, которые включают в себя состояние медицинской инфраструктуры, уровень заболеваний и основные причины временной нетрудоспособности, при этом особое внимание заслуживают факторы, провоцирующие возникновение тех или иных заболеваний. Важной задачей является выявление основных направлений послевоенной медико-социальной политики государства и анализ итогов реализации партийными и государственными структурами комплекса мероприятий по улучшению медико-санитарного положения как горожан в целом, так и рабочих оборонных заводов в частности. Необходимым условием изучения основных показателей медико-санитарного состояния рабочих оборонной промышленности является анализ изменения структуры заболеваемости и смертности.

Послевоенная медицинская инфраструктура обслуживания рабочих оборонной промышленности сохранялась с первых лет Великой Отечественной войны. Еще 22 ноября 1941 г. был опубликован приказ Наркомата здравоохранения РСФСР о работе здравпунктов оборонной промышленности. В нем, в частности, отмечалось: «Правильная постановка медико-санитарного обслуживания рабочих оборонной промышленности в настоящее время является одной из важнейших задач органов здравоохранения, направленных к снижению заболеваемости с утратой трудоспособности и тем самым к увеличению работоспособности и повышению производительности труда рабочих на производстве вооружения и боеприпасов»³²⁷.

³²⁷ Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов. М., 1978. С. 60.

Здравпункты должны были выявлять инфекционные заболевания и проводить противоэпидемические мероприятия, в частности, профилактические прививки, лечить травмы, осуществлять санитарный контроль в цехах и бытовых учреждениях, организовывать систематическое лечение длительно и часто болеющих. Решено было укомплектовывать здравпункты и другие лечебные учреждения оборонной промышленности лучшими врачами и научными кадрами. Увеличение штатов врачей и средних медицинских работников медсанчасти производилось за счет перераспределения необходимых штатных единиц из других учреждений области. К основным предприятиям оборонной промышленности были прикреплены государственные санитарные инспекторы и эпидемиологи, опять же из числа наиболее квалифицированных специалистов. За каждым оборонным заводом закреплялось определенное количество больничных коек или выделялось специальное отделение для стационарного лечения рабочих оборонных предприятий по направлению здравпунктов и поликлиник, обслуживающих эти предприятия. Если у завода отсутствовала закрытая поликлиника, то его прикрепляли к ближайшей поликлинике города для внеочередного обслуживания рабочих. Выделялись специальные часы приема в поликлиниках для лечения рабочих.

Были приняты все меры и по наиболее полному снабжению медсанчастей медикаментами. Как правило, ближайшую аптеку переводили на обслуживание только данного конкретного завода. В случае отсутствия в районе заводов аптек, организовывали в помещениях заводских поликлиник закрытые аптеки для отпуска медикаментов рабочих оборонных заводов³²⁸.

В УАССР медицинское обслуживание рабочих оборонных заводов производилось 5 медико-санитарными частями, с закрытыми поликлиниками и здравпунктами. Стационарное лечение рабочих осуществлялось в общих

³²⁸ ЦГА УР. Ф. Р-89. Оп. 3. Д. 46, Лл. 61-62.

городских больницах³²⁹. Медсанчасти и поликлиники находились в ведении Городского отдела здравоохранения, а здравпункты – в ведении заводов.

Основной проблемой послевоенного здравоохранения, как и всей социальной сферы было недостаток финансирования, слабость материальной базы, это касалось и медицинских учреждений, обслуживающих рабочих оборонных заводов республики. Об этом свидетельствуют документы центральных органов здравоохранения, материалы проверок работы сети медицинских учреждений. Больницы испытывали острую необходимость в самых элементарных вещах – посуде, вместо тарелок и металлических ложек использовались глиняные чашки и самодельные деревянные ложки, что совершенно не отвечало требованиям санитарно-гигиенических норм. В этих условиях 28 ноября 1945 г. секретарь Удмуртского обкома ВКП(б) А.В. Караваев был вынужден обратиться к наркому вооружения Д.Ф. Устинову с просьбой разрешить заводу № 71 использовать 8 тонн алюминия для изготовления посуды³³⁰. Проведенная проверка выявила, что за месяц работники наркомата здравоохранения и отделов оборонной и местной промышленности Удмуртского обкома ВКП(б) так и не оформили заказ на изготовление посуды и инвентаря на предприятиях республики³³¹.

В марте 1946 г. уполномоченным КПК при ВКП (б) по указанию КПК при ЦК ВКП(б) была проверена работа медицинских учреждений в УАССР. Проверка выявила ряд серьезных недостатков: многие амбулатории и поликлиники, в том числе и оборонных заводов, часто находились в непригодных помещениях, ощущалась нехватка кадров медицинского персонала, неудовлетворительное снабжение медикаментами и инструментами. В качестве иллюстрации бедственного положения медицинских учреждений республики в документе была приведена поликлиника завода № 74. Она помещалась на первом этаже пятиэтажного

³²⁹ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5116. Л.1об.

³³⁰ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4150. Л. 179.

³³¹ Там же. Л.59.

жилого дома завода: «Вследствие неисправности и засорения канализации, нечистоты через потолок и сливную канализацию протекают в помещение поликлиники, что привело к порче многих кабинетов. Систематические перебои в снабжении электроэнергией срывают нормальную работу поликлиники и не дают возможности проводить необходимые процедуры»³³². По результатам проверки по каждому лечебному учреждению был подготовлен план устранения подобных недостатков. Городские и районные комитеты ВКП(б) должны были ежемесячно отчитываться перед Удмуртским обкомом ВКП(б) о результатах проделанной работы³³³. Как свидетельствуют архивные материалы, выявленные недостатки так и не были устранены.

В 1947 г. министр здравоохранения УАССР профессор Н.Ф. Рупасов в докладной записке в Удмуртский обком ВКП(б) констатировал, что большинство больничных учреждений как в городах, так и в сельской местности из-за недостатка площади, ветхости и общей непригодности зданий не соответствуют требованиям санитарных норм. Медицинские учреждения испытывают недостаток финансирования, которое приводит к несвоевременному получению медикаментов, приобретения медицинского инвентаря, продуктов питания, что отражается на обслуживании больных³³⁴.

Рабочие завода № 71 жаловались на профсоюзных собраниях: «...Министерство здравоохранения совершенно недостаточно уделяет внимания на обслуживание нашего рабочего коллектива и смотрит на него сквозь пальцы... В нашей поликлинике очень много прикреплено посторонних людей, и наши больные в поликлинике вынуждены сидеть целыми днями.. На сегодняшний день заводской комитет профсоюза не

³³² ЦДНИ УР. Ф. 228. Оп. 1. Д. 92. Л. 158.

³³³ Там же. Л. 159.

³³⁴ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5116. Л.45.

может поставить вопрос перед Министерством здравоохранения о том, чтобы наших рабочих лечили, как полагается»³³⁵.

Составным компонентом мероприятий по охране здоровья рабочих оборонной промышленности республики была организация санаторно-курортного лечения. Отпуск для санаторно-курортного лечения с выдачей листка нетрудоспособности предоставлялся при условии, если рабочий или служащий прошел санаторно-курортную отборочную комиссию, получил путевку и по заключению врача или врачебно-трудовой комиссии был признан нетрудоспособным и нуждающимся в лечении³³⁶. Преимущество отдавалось больным с ревматическими заболеваниями, заболеваниями ЖКТ и болезнями сердца. Завод № в 1945 г. отправил на санаторно-курортное лечение 59 человек, из них на курорты юга страны – 10 человек, Дальнего Востока – 9 человек, Варзи-Ятчи – 40 человек. Путевок, выделяемых оборонной промышленности республики, было явно недостаточно. Помимо этого, заводы использовали собственные ресурсы для организации оздоровления рабочих – дома отдыха. Выдача путевок в дома отдыха была возложена на цеховые страховые комиссии социального страхования и осуществлялась по медицинским показаниям. Проводимые оздоровительные мероприятия за счет собственных домов отдыха позволяли охватить максимальное число рабочих нуждающихся в лечении. В 1945 г. в доме отдыха отдохнуло 1011 человек. Средняя прибавка в весе после курса отдыха составила от 2 до 3 кг³³⁷. В 1949 г. на заводе № 74 санаторно-курортным лечением воспользовалось 412 человек, из них 238 рабочих. В доме отдыха отдохнуло 1649 человек, из них 1036 рабочих. Кроме того по однодневным путевкам отдохнуло 400 человек³³⁸.

В ряде случаев рабочие высказывали ряд претензий к организации условий проживания в домах отдыха: «Что там есть в доме отдыха? В летнее

³³⁵ ЦГА УР. Ф. Р-1467. Оп. 2. Д. 12 а. Л. 31.

³³⁶ Лысикова О.В. «Каждый трудящийся имеет право на отдых». Услуги советских курортов послевоенного периода // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940-1985. М., 2008. С. 197.

³³⁷ ЦГА УР. Ф. Р-1458. Оп. 2. Д. 431. Лл. 22, 25.

³³⁸ Там же. Ф. Р-543. Оп. 19. Д. 55. Л. 22.

время прежде всего там должна существовать для рабочих физкультура и спорт, но там нет физкультурной площадки, на воде должны быть лодки... Этого у нас в доме отдыха нет, у нас нет и самого элементарного. Если в дом отдыха рабочий приходит за 5 км, то будто бы он удалился на дальний север, там нет литературы и газет, а если они поступают, то чрезвычайно поздно...»(из выступления на 9 партийной конференции завода № 74 5 февраля 1949 г. Чигинцева)³³⁹.

Важным направлением социальной работы было выявление группы нетрудоспособных рабочих. В 1945 г. врачебно-трудова экспертная комиссии на заводе № 622 осмотрела 3036 человек. В итоге, 35 человек было переведено на 1 группу инвалидности, 1076 – на 2 группу инвалидности, 1126 – на 3 группу инвалидности, а 29 человек освобождено с завода³⁴⁰.

На уровень и структуру заболеваний среди рабочих оборонных заводов республики оказало свое влияние изменение половозрастного состава рабочего класса. В первые послевоенные годы улучшился возрастной состав рабочего класса за счет сокращения доли подростков и лиц пенсионного возраста, что отразилось на общих показателях здоровья рабочих. В военное время была снижена нижняя планка трудоспособного возраста. Практика приема на работу лиц, достигших 14 летнего возраста, была разрешена Постановлением СНК СССР от 21 мая 1942 года «Об организации на предприятиях индивидуального и бригадного ученичества»³⁴¹. Этим постановлением оговаривались определенные условия труда подростков: запрет на привлечение их к сверхурочным работам, восьмичасовой рабочий день. Постановлением СНК СССР от 5 марта 1944 г. «О предоставлении в военное время подросткам моложе 16 лет еженедельного дня отдыха и отпусков» администрации предприятий предписывалось обеспечивать

³³⁹ ЦДНИ УР. Ф. 155. Оп. 2. Д. 873. Л. 29 об.

³⁴⁰ ЦГА УР. Ф. Р-1458. Оп. 2. Д. 431. Л.20.

³⁴¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.7. М., 1985. С. 281-282.

подросткам гарантированный отпуск на 12 рабочих дней и один выходной в неделю³⁴².

Тяжелые условия труда, недостаточное питание, большая физическая нагрузка в сочетании с постоянным психоэмоциональным напряжением в период полового созревания приводили к ухудшению общих показателей состояния здоровья у работающих подростков. В 1945 г. на заводе № 622 был проведен медосмотр 656 подростков, работающих на заводе. Из них 17 человек были больны трахомой, 53 – чесоткой, 2 – фурункулезом, 16 – пиодермией (одно из наиболее распространенных заболеваний кожи, вызываемое мелкими травмами (порезами, уколами), загрязнением кожи, перегреванием или переохлаждением, нарушением функций внутренних органов, центральной нервной системы, обмена веществ), 4 – болезнями слуха, 2 – глистами, 58 – упадком питания (истощением), 22 – воспалением желез, 1 – воспалением легких, 5 – пороком сердца, 20 – прочих³⁴³.

Значительное ухудшение показателей здоровья подростков можно проследить еще на этапе проведения призыва в школы ФЗО и РУ. В ходе проведения в 1947 г. очередного призыва молодежи было выявлено большое количество молодежи с ослабленным здоровьем. Всего по сельским районам из 4000 человек, прошедших медкомиссию 973 человека были признаны больными трахомой, 200 человек не были приняты по другим причинам, еще 308 человек было отсеяно во время призыва по физическому недоразвитию. Как писал начальник Удмуртского Республиканского Управления Министерства трудовых резервов П. Новоселов председателю Совета Министров Удмуртской АССР А.В. Тренину: «Такое большое количество больной молодежи является тревожным сигналом и требует принятия решительных мер по лечению больной молодежи»³⁴⁴.

Доля рабочих, уволенных по инвалидности с предприятий оборонной промышленности, была максимальной в первые послевоенные годы с

³⁴² Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т.2. С.826.

³⁴³ ЦГА УР. Ф. Р-1458. Оп. 2. Д. 431. Л. 24.

³⁴⁴ Там же. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 793. Л. 75.

последующей затем тенденцией к снижению. Доля уволенных рабочих по инвалидности на заводе № 622 с 1945 г. по 1949 гг. снизилась с 35 % до 5 %³⁴⁵.

В послевоенный период обновился возрастной состав рабочего класса за счет увеличения доли наиболее работоспособной группы рабочих в возрасте от 25 до 49 лет в общей численности рабочих, которая к 1950 г. составила 56,2 % от общей численности рабочих. Доля же рабочих в возрасте до 26 лет, увеличилась с 31,9 % в 1945 г. до 37,1 % в 1950 г.³⁴⁶.

Анализ структуры заболеваемости рабочих позволяет выявить доминирование среди основных причин временной нетрудоспособности остроинфекционных заболеваний (брюшного тифа, сыпного тифа, дизентерии, гриппа) и кожных заболеваний. В 1945 г. на заводе № 74 заболевшие гриппом и кожными заболеваниями составляли 51% от общего числа заболевших³⁴⁷. Стабильно высокое количество заболевших гриппом вызывалось частыми случаями несоблюдения теплового режима как на предприятиях, так и в общежитиях. Температура в цехах зимой колебалась в пределах от 3 до 6 С, а при резком похолодании не превышала 1-2 С³⁴⁸. Рабочие возмущались: «Что получается? Когда рабочий приходит в раздевалку, особенно после того, как вымоется в бане, разогретый, а одежду в раздевалке получает холодную как лед, а отсюда получают разные заболевания...», «Если придешь в тот или иной кабинет – в кабинете тепло, а в цехах рабочие мерзнут. Морозить так, морозить всех. Обогревать, так обогревать всех»³⁴⁹.

Значительный рост числа заболевших остроинфекционными заболеваниями был вызван сложившимся комплексом причин. Прежде всего, общей неблагоприятной санитарно-эпидемиологической ситуацией в республике: отсутствием канализации, нерегулярной работой бань,

³⁴⁵ ЦГА УР. Ф. Р-1458. Оп. 2. Д. 430. Лл. 8, 9; Д. 623. Лл. 4, 4 об.

³⁴⁶ Суханов А.И. Изменение в составе рабочего класса Удмуртской АССР в 1946-1963 гг. (по материалам Ижевского металлургического завода.) // Ученые записки. - Вып. 15. Ижевск, 1967. С. 33.

³⁴⁷ ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 19. Д. 39. Л. 16.

³⁴⁸ Там же. Ф. Р-1458. Оп. 2. Д. 460. Лл. 15.

³⁴⁹ Там же. Ф. Р-543. Оп. 19. Д. 55. Л. 43; Ф. Р-1467. Оп. 2. Д. 12а. Л. 43.

прачечных, плохой работой коммунальных служб города, которые не справлялись с очисткой городов, что являлось постоянно действующим фактором возникновения кишечных инфекционных заболеваний. Это было обусловлено отсутствием достаточного внимания органов власти на протяжении длительного периода времени к созданию необходимого минимума городской инфраструктуры, которое явилось закономерным следствием выбора приоритетов в развитии городов: акцент на развитии промышленного производства в ущерб обеспечению санитарной безопасности городов.

Выступая на пленуме Воткинского Горкома ВКП(б) 2 февраля 1947 г. заведующая городским отделом здравоохранения Горисполкома Быстрова отмечала: «У нас санитарные мероприятия проводятся недостаточно, особенно на рабочих поселках. Как правило, в 10 дней один раз человек должен побывать в бане, а у нас с этим особенно неблагополучно. Через бани люди получают простудные заболевания, рабочие поселков моются в холодной бане... Получается, в заводе холодно, дома холодно, негде подсушить портянки. Баня работает от случая к случаю»³⁵⁰.

На заседании Ижевской чрезвычайной противоэпидемической комиссии при горисполкоме 6 марта 1947 г. констатировалось: «Считать положение с заболеваемостью сыпным тифом в городе чрезвычайным. Работу городской и районной чрезвычайной противоэпидемической комиссии усилить, заседания их проводить еженедельно. Провести чрезвычайное обследование силами членов чрезвычайных противоэпидемических комиссий общежитий оборонных заводов»³⁵¹.

Особую опасность с точки зрения властей представлял рост выявленных случаев заболеваний среди рабочих крупнейших заводов республики, что в условиях низкого уровня бытовой санитарии, высокой плотности проживания в общежитиях могло привести к нетрудоспособности

³⁵⁰ ЦДНИ УР. Ф.724. Оп. 1. Д.290. Л. 26

³⁵¹ ЦГА УР. Ф. Р-177. Оп. 5. Д. 37. Л. 2.

значительной доли рабочих, в конечном итоге это могло негативно отразиться на производственном процессе.

Динамика роста количества выявленных случаев остроинфекционных заболеваний среди рабочих оборонных заводов г. Ижевска и остальных горожан представлена в таблице 1.

Таблица 11. Данные о количестве заболевших инфекционными заболеваниями по г. Ижевску за 1945-1949 гг.³⁵²

Инфекционные заболевания	1945 г.		1946 г.		1947 г.		1949 г.	
	всего	рабочие	всего	рабочие	всего	рабочие	всего	рабочие
Брюшной тиф	109	49	215	80	300	110	158	84
Паратиф	41	20	227	122	66	34	53	28
Сыпной тиф	115	46	108	41	187	67	18	7
Дизентерия	200	70	272	54	973	123	1399	230

Рабочие оборонных заводов г. Ижевска составляли 45 % заболевших брюшным тифом в 1945 г., 37 % – в 1946 г., 37 % – в 1947 г., 53 % – в 1949 г.

Процент рабочих, заболевших паратифом, составил 49 % от общего числа заболевших в 1945 г., 54 % – в 1946 г., 52 % – в 1947 г., 53 % – в 1949 г.; сыпным тифом – 40 % в 1945 г., 38 % – в 1946 г., 36 % – в 1947 г., 39% – в 1949 г.; дизентерией – 35 % в 1945 г., 20 % – в 1946 г., 13 % – в 1947 г., 16 % – в 1949 г.

Пик заболеваний брюшным тифом пришелся на 1947 г., общее количество заболевших с 1945 г. по 1947 г. увеличилось в 2,8 раз, причем количество заболевших рабочих увеличилось в 2,2 раза. Увеличение количества заболевших горожан брюшным тифом отмечалось в весенне-осенний период. Как правило, болели люди в наиболее трудоспособном возрасте: от 15 до 40 лет. Мероприятия по очистке города, проведения вакцинации, нормализация работы санпропускников на оборонных заводах способствовали стабилизации эпидемической ситуации в городе. Ситуация с

³⁵² Сост. по ЦГА УР. Ф. Р-177. Оп. 5. Д. 27. Л. 20; Д. 33. Л. 18; Д. 38. Л. 31; Д. 40. Л. 24; Д. 42. Л. 30.

заболеваемостью брюшным тифом в конце 1940-х г. кардинально не улучшилась, и существовала постоянная угроза возникновения эпидемических вспышек этого заболевания среди горожан. Эпидемический процесс по распространению среди горожан паратифа развивался по такому же сценарию. К 1949 г. удалось добиться некоторого снижения заболеваемости паратифом, так в 1949 г. количество заболевших горожан, перенесших паратиф, по сравнению с 1946 г. сократилось в 4,3 раза, а количество заболевших рабочих оборонных заводов сократилось в 4,4 раза.

К 1949 г. удалось добиться впечатляющих результатов по сокращению количества заболевших сыпным тифом: заболевших горожан было в 10 раз меньше, чем в 1947 г., рабочих оборонных заводов в 9,5 раз. На протяжении послевоенного времени отмечался значительный рост выявленных случаев заболевания дизентерией. В 1949 г. по сравнению с 1945 г. количество заболевших увеличилось в 7 раз, правда следует отметить, что количество заболевших рабочих оборонных заводов увеличилось только в 3,3 раза³⁵³.

Среди других заболеваний рабочих завода № 74 следует выделить несчастные случаи на производстве, которые составили 4 % от общего количества заболевших в 1945 г. и 5 % – в 1946 г., острые желудочно-кишечные заболевания – 5 % в 1945 г. и 6 % – в 1946 г., малярию, которая оставалась на уровне 3 % как в 1945 г., так и в 1946 г., туберкулез – 3 % в 1945 г., 3 % – в 1946 г. Следует отметить, что значительный процент заболевших отнесен в графу «прочие»: в 1945 г. 38 % всех заболевших, в 1946 г. – 32 %³⁵⁴.

Сравнение данных количества заболевших по другим оборонным заводам республики фиксируют сохранение тех же тенденций в распределении заболеваний, которые отмечались на заводе № 74. На заводе № 235, больные гриппом, ангиной составляли 55 % от общего количества заболевших в 1946 г., 53 % – в 1947 г., 51 % – в 1948 г. Кожные заболевания

³⁵³ ЦГА УР. Ф. Р-177. Оп. 5. Д. 29. Л. 3.

³⁵⁴ Там же. Ф. Р-543. Оп. 19. Д. 39. Л. 16.

дали 16 % всех заболевших в 1946 г., 23 %— в 1947 г., 19 % — в 1948 г. Острые желудочно-кишечные заболевания были на уровне 8 % в 1946 г., 9 % в 1947 г., 9 % в 1948 г. С 1946 по 1948 г. произошел рост сердечно-сосудистых заболеваний с 5 % в 1946 г. до 7 % в 1948 г. Несчастные случаи на производстве составили 7 % в 1946 г., 9 % в 1947 г., и 8 % в 1948 г. Уровень заболеваний туберкулезом оставался стабильным и составлял примерно 3 % от общего количества заболевших. В 1946 г. единственный раз в отчете о количестве заболевших на заводе № 235 фигурирует графа «болезни нервов», которая не фигурировала ранее ни в отчетах завода № 235, ни в отчетах других оборонных заводов. Так, в 1946 г. 376 человек (или 2 % от общего числа заболевших) были признаны временно нетрудоспособными из-за расстройства нервной системы. В 1948 г. также впервые и также только в отчете этого завода был введен пункт «дистрофия», всего было зафиксировано 225 человек больных дистрофией или 3 % от общего числа заболевших³⁵⁵.

Большой группой заболеваний были кожные. Возникновение заболеваний кожи было обусловлено плохими условиями труда на предприятиях, где в силу специфики работы в цехах рабочие должны были обеспечиваться администрацией специальными средствами защиты, так называемой «спецодеждой», и средствами по очистке кожи. Кроме того, дополнительным фактором, выступающим катализатором кожных заболеваний, был несбалансированный рацион питания рабочих, отсутствие в нем достаточного количества белков и витаминов, частые случаи употребления пищевых суррогатов, хроническое недоедание и общее ослабление защитных функций организма. В 1946 г. на заводе № 74 из 54,3 т предметов спецодежды рабочие получили только 20,4 т или 37,5 %, из них брезентовой и хлопчатобумажной одежды — 40,4 %, кожаной обуви — 39,3 %. Вместо положенного 66 т специального мыла было выдано только 5,2 т или

³⁵⁵ Сост. по: ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 5. Д. 6. Л. 63; Оп. 9. Д. 289 а. Л. 6.

7,9 %³⁵⁶. Об этих фактах рабочие часто говорили на собраниях: «Говорят, дают рабочим мыло. Всего-навсего на две недели поставили в уборной банку пасты. Работа у нас грязная, масляная. Мыло обязательно нужно, мыло полагается по коллективному договору по 200 грамм на месяц, а нам и 50 грамм не дают. А пастой, что в уборной, ей никто не пользуется, так как в уборной всего 6 крантиков и чтобы помыть руки всем рабочим нужно простоять в очереди три часа...»³⁵⁷. Такая же ситуация с обеспечением рабочих спецодеждой была и на других оборонных заводах республики. За первые полгода 1949 г. на заводе № 622 вместо положенных 92 пар резиновых сапог было выдано только 32, вместо 252 пар резиновых галош – 26, вместо 182 прорезиненных фартуков – 63, вместо 135 нарукавников – 3, вместо 703 х/б косынок не было выдано ни одной³⁵⁸. Качество спецодежды не соответствовало положенным нормам. Так, х/б рукавицы, полученный отделом снабжения завода № 622 в по наряду Главснабсбыта, изнашивались в течение 2-3 дней. Не было костюмов со специальной пропиткой для электросварщиков и газосварщиков³⁵⁹.

Особую группу заболеваний составлял производственный травматизм. Это было связано в основном с низкой квалификацией рабочей силы, плохой организацией охраны труда на производстве, сохранением значительной доли ручного труда на производстве. Со стороны органов власти были предприняты попытки повысить долю ответственности руководителей предприятий за рост производственного травматизма. Распоряжением наркома вооружения СССР Д.Ф. Устинова от 24 января 1945 г. при подведении итогов соцсоревнований заводов стали учитываться показатели снижения производственного травматизма. При плохих показателях по технике безопасности директора, главные инженеры заводов и представители заводских комитетов лишались премий³⁶⁰.

³⁵⁶ ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 19. Д. 39. Л.16.

³⁵⁷ Там же. Д. 55. Л.42.

³⁵⁸ Там же. Ф. Р-1458. Оп. 2. Д. 621. Л.46.

³⁵⁹ Там же. Л. 47.

³⁶⁰ Там же. Ф. Р-1467. Оп.3с. Д. 252. Л.13.

Отчеты о несчастных случаях, связанных с производством, составлялись администрацией ежемесячно и направлялись в отдел технической безопасности и охраны труда НКВ СССР, фабрично-заводскому комитету, областному и центральному комитету профсоюза. Данные о травматизме в более обобщенном виде содержатся и в отчетах заводских комитетов профсоюзов. С 1947 г. была возобновлена практика заключения коллективных договоров между коллективом рабочих и администрацией предприятия. В них предусматривались пункты, касающиеся улучшения условий труда, соблюдению норм техники безопасности и промышленной санитарии, устранению запыленности и загазованности цехов, снабжению доброкачественной водой. Вопрос обеспечения цехов водой очень горячо обсуждался рабочими завода № 74, рабочий Пашкин говорил на заводской профсоюзной конференции: «Я очень много пью, а в цехе всего два бачка, в которые помещаются только два ведра воды. Налью в 11 часов и на обед уже не хватает, а во вторых и в третьих сменах воды не найдешь нигде, кроме как умывальника. Кто позволил рабочий класс поить из умывальника?»³⁶¹.

Таблица 12. Динамика производственного травматизма на заводе № 235 в 1945-1950 гг.³⁶²

Год	Количество несчастных случаев на производстве	Количество дней нетрудоспособностей
1945	605	7290
1946	676	7644
1947	692	6225
1948	774	8673
1949	577	7089
1950	540	6653

Рост количества случаев травматизма в 1947-1948 гг. был вызван следующими причинами: уход наиболее квалифицированных рабочих в

³⁶¹ ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп.19. Д. 55. Л. 53.

³⁶² Сост. по ЦГА УР: Ф. Р-785. Оп. 1. Д. 323. Л. 10; Оп. 3. Д. 368. Л. 6; Оп. 5. Д. 6. Л. 22; Д. 17. Л. 17.

связи с начавшимся процессом реэвакуации, пополнение рабочей силы за счет проведения оргнабора на завод неквалифицированных рабочих в процессе проведения оргнабора, перепрофилированием производственных операций в связи с проведением на заводах конверсии, сохранением большой доли ручного труда.

Таблица 13. Распределение несчастных случаев по степени тяжести травматизма на заводе № 622 в 1946-1950 гг.³⁶³

Год	От 4-6 дней (легкая степень)	От 7 до 12 дней (средняя степень тяжести)	От 13 и больше (тяжелые)
1946	40	36	24
1947	31	36	32
1948	25	44	30
1949	26	34	34
1950	37	38	25

Основными причинами травматизма явились недостаточная механизация труда, в частности, на заводе № 622 в 1946 г. 43,6 % несчастных случаев произошли из-за отсутствия у завода необходимых приспособлений для проведения крупномасштабных разгрузочных работ, связанных с массовыми перепланировками цехов и приемом трофейного оборудования, 12,1 %— из-за плохого оборудования рабочего места, 9,1 % – из-за поверхностного проведения инструктажа³⁶⁴. Проверка состояния охраны труда, проведенная техническим инспектором завода № 622 в 1946 г., выявила ряд существенных недостатков: формальный подход сменных и старших мастеров к проведению вводного инструктажа с рабочими, несвоевременность составления администрацией актов о несчастных случаях, в ряде случаев вина за произошедший несчастный случай возлагалась на пострадавшего – «невнимательность самого пострадавшего», тогда как несчастный случай

³⁶³ Сост. по: ЦГА УР. Ф. Р-1458. Оп. 2. Д. 460. Л. 8; Д. 497. Лл. 7, 8, 19; Д. 551. Лл. 2, 5, 46, 60; Д. 621. Лл. 1, 16, 38, 47; Д. 712. Лл. 4, 11, 48, 153; Д. 765. Лл. 1, 18, 28, 44; Д. 848. Лл. 3, 8, 47, 50; Д. 943. Л. 1.

³⁶⁴ Там же. Д. 460. Л. 8.

был вызван независимыми от рабочего причинами, отсутствие на многих станках и машинах необходимых ограждений³⁶⁵.

В 1948 г. 50 % несчастных случаев на заводе № 622 и 39,2 % несчастных случаев на заводе № 524 были вызваны неправильным выполнением технических операций при проведении ремонтных, вспомогательных, погрузочно-разгрузочных работ³⁶⁶.

Основные количественные и качественные показатели причин смертности населения выступают как определенный индикатор качества жизни населения. Смертность – это сложный социальный процесс, в основе которого лежит целый комплекс причин самого различного характера, она предстает результатом взаимодействия политических, экономических, культурных, экологических причин и является своеобразным барометром «социального климата в стране»³⁶⁷.

Исследователи сходятся во мнении, что в послевоенное время произошел частичный переход от экзогенных причин смертности к эндогенным. Все это приводило в конечном итоге к увеличению продолжительности жизни. Этому способствовало как общее ослабление экономической и политической напряженности в стране, так и принятием государством ряда мер, направленных на улучшение здоровья населения, в частности, внедрение в широкую практику применение антибиотиков³⁶⁸. Следует согласиться с мнением В.А. Исупова, что государство, не в силах повлиять на социокультурные и экобиологические факторы смертности, которые потребовали бы проведения структурной перестройки системы расходов между социальной сферой и нуждами ВПК, сделало акцент на проведение лечебных и профилактических мероприятий. Данные мероприятия дали лишь тактический выигрыш, который не был подкреплён

³⁶⁵ ЦГА Ур. Ф.Р-1458. Оп.2. Д. 460. Лл. 11, 13.

³⁶⁶ Там же. Д. 574. Л. 11.

³⁶⁷ Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению. Конец 1930-х - конец 1950-х гг. Новосибирск, 1991. С.147.

³⁶⁸ Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению. Конец 1930-х-конец 1950-х гг. Новосибирск, 1991; Население России в XX веке: исторические очерки. В 3-х т. Т.2. 1940-1959. М., 2001; Вишневецкий А. Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.,1998.

надежными стратегическими мероприятиями, а именно: ослаблением воздействия неблагоприятных факторов внешней среды на организм человека, улучшением состояния здоровья населения. Добиться этого можно было, только разрешив продовольственную, жилищную и экологическую проблему. Однако расширение сферы потребления упиралось в остаточный принцип распределения материальных ресурсов, диктат производства³⁶⁹.

Статистика причин смертности населения в 1945-1950 гг. велась только по городским поселениям, данные сельских районов отсутствовали, вероятно, из-за того, чтобы не снижать показатели смертности.

Таблица 14. Распределение умерших по причинам смерти по городским поселениям УАССР 1947-1950 гг.³⁷⁰

Причины смерти	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Корь	122	153	45	151
Дифтерия	26	37	15	28
Дизентерия	263	130	299	339
Туберкулез легких	890	855	599	468
Туберкулез прочих органов	202	192	152	189
Рак и другие злокачественные образования	222	245	258	305
Воспаления легких	1301	1026	724	792
Токсическая диспепсия	753	227	307	267
Болезни сердца	683	656	586	630
Коклюш	-	99	66	50
Прочие болезни	3065	2007	1710	1745

³⁶⁹ Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению. Конец 1930-х-конец 1950-х гг. Новосибирск, 1991. С.216.

³⁷⁰ Сост. по: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 9. Л.13; Д. 11. Л. 13; Д. 13. Л. 11; Д. 15. Л. 12.

Наиболее распространенной причиной смерти явились болезни органов дыхания: туберкулез, воспаления легких, которые составили 29 % всех смертей в 1947 г., 33 % – в 1948 г., 28 % – в 1949 г., и 25 % – в 1950 г. В качестве второй группы причин смерти следует выделить болезни сердца. В 1947 г. они составили 9 %, в 1948 г. – 12 %, в 1949 г. – 12 %, в 1950 г. – 13 % всех смертей. Следующей группой причин смерти явились заболевания желудочно-кишечного тракта, вызываемые как остроинфекционными заболеваниями (дизентерия), так и употреблением в пищу суррогатов и общим истощением организма (токсическая диспепсия). В 1947 г. эта группа заболеваний составила 13 % смертей, в 1948 г. – 6 %, в 1949 г. – 12 %, в 1950 г. – 12 %.

На протяжении послевоенного времени среди причин смерти отмечалась тенденция роста количества раковых заболеваний: с 3 % в 1947 г. до 6 % в 1950 г. Следует отметить, что причины смерти были зафиксированы неполно. Так, значительная группа причин смерти объединена в графу «прочие болезни», что затрудняет процесс выявления точной картины распределения причин заболеваний, приведших к смерти. В 1947 г. в графу «прочие болезни» было отнесено 44 % всех смертей, в 1948 г. – 36 %, в 1949 г. – 36 %, в 1950 г. – 35 %.

Имеющийся статистический материал позволяет выявить процентное соотношение умерших горожан по социальным группам. Так, в 1948 г. в г. Ижевске иждивенцы рабочих составили 42 % умерших, рабочие – 10 %, служащие – 3 %, иждивенцы служащих – 10 %, прочие – 19 %, и лица с неустановленным социальным положением – 15%³⁷¹.

Анализ структуры заболеваемости населения СССР и РСФСР свидетельствует о доминировании во второй половине 40-х годов среди основных причин смертности туберкулеза легких, болезней сердца, воспаления легких, желудочно-кишечные заболеваний. В 1949 г. в городах Российской Федерации смертность от этих групп болезней составляла 60% от

³⁷¹ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 25. Л. 3 об.

общего количества умерших. В то же время наблюдался рост сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний³⁷².

Таблица 15. Данные по причинам смертности по РСФСР и УАССР за 1949-1950 гг. в %³⁷³

Причины смерти	1949 г.		1950 г.	
	РСФСР	УАССР	РСФСР	УАССР
Болезни сердца	13,5	13	13,6	13
Воспаление легких	12,5	15	13,3	16
Туберкулез	14,5	13	12,3	13
Желудочно-кишечные заболевания	10,5	13	11,4	9
Онкология	9,5	5	10,1	5

Смертность по болезням сердца УАССР на протяжении 1949-1950 гг. была ниже общероссийских показателей. По воспалениям легких данные по УАССР стабильно превышали общероссийские показатели. Данные смертности от туберкулеза были на уровне общероссийских показателей. Значительное превышение наблюдалось по желудочно-кишечным заболеваниям. Процент смертности от онкологии в УАССР был значительно ниже общероссийских показателей, что отнюдь не является показателем благополучия общего состояния с раковыми заболеваниями в республике, а свидетельствует о низком уровне выявления заболеваний.

Медико-социальная инфраструктура оборонных заводов, созданная в годы войны, испытывала те же проблемы, что и другие медицинские заведения республики: недостаток финансирования, отсутствие медикаментов, недостаток медицинского персонала. На изменение структуры заболеваний оказало влияние изменение возрастной структуры рабочего класса: увеличение рабочих в возрастной группе от 20 до 49 лет, с

³⁷² Население России в XX веке. Исторические очерки. 1940-1959 гг. М., 2000. Т.2. С. 347.

³⁷³ Сост. по: Население России в XX веке. Исторические очерки. 1940-1959 гг. М., 2000, Т.2. ЦГА УР. Ф. Р- 845. Оп. 7. Д. 15. Л. 14; Д. 17. Л. 10; Д. 19. Л.13.

одновременным сокращением доли лиц пенсионного возраста и подростков. Составным компонентом мероприятий по охране здоровья рабочих оборонной промышленности республики была организация санаторно-курортного лечения.

Анализ структуры заболеваний позволяет предположить, что подавляющая часть заболеваний была спровоцирована социально-экономическими факторами: недостаточным вниманием администрации предприятий к обеспечению необходимых условий труда, провоцировало возникновение простудных заболеваний, нехватка средств защиты (спецодежды, спецмыла) вызывала рост выявленных случаев всевозможных кожных заболеваний, а недостаток в пищевом рационе рабочих необходимого количества питательных веществ, недостаточная калорийность рациона, отсутствие полноценных белков, употребление в пищу пищевых суррогатов приводило к росту количества заболеваний желудочно-кишечного тракта. Среди причин, приводивших к временной нетрудоспособности рабочих следует выделить производственный травматизм. Он вызывался комплексом причин: недостатком производственного инструктажа, отсутствием условий для безопасной работы, сохранением значительной доли ручного труда, поступлением на работу, в результате проведения организованного набора рабочей силы среди сельского населения, людей, незнакомых с промышленным производством. Анализ структуры смертности позволяет выявить три основных группы заболеваний: болезни легких, сердца и желудочно-кишечного тракта.

Глава 4. Культурно-массовая работа среди рабочих оборонных заводов УАССР в 1945-1950 гг.

4.1. Массово-политическая работа среди рабочих оборонной промышленности Удмуртии

ВКП(б) и советское государство учитывали общественно-политические изменения, которые переживало послевоенное общество в условиях перехода от войны к миру. Это нашло свое отражение в идеологии, основными составляющими которой были внедрение идей патриотизма и усиление сплоченности общества. Партийными структурами предавалось большое значение организации массово-политической работы среди рабочих оборонных заводов.

Важной задачей было формирование комплекса общественно-экономических знаний, в частности определенной системы представлений о государственном устройстве, основных направлениях во внутренней и внешней политике государства.

Основной формой политического воспитания была учеба, которая включала изучение Краткого курса истории ВКП(б), общественного и государственного устройства СССР (Конституции СССР), пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР, Устава ВКП(б). Формами массово-политической работы были беседы, лекции в цехах завода, заводских клубах, организация газетных витрин, стенных газет, бюллетеней.

Акценты в массово-политической работе в первые послевоенные годы были сделаны на освещении основных событий внутренней и внешней политики СССР. В 1945 г. темами бесед, проведенных на участках, в цехах завода № 235 стали: «Ленин – вождь и организатор первого в мире государства», «Великие полководцы нашей Родины», «Конец немецкой неволи», «Отлично подготовимся к севу», «Победа русского народа», «Первомайский приказ т. Сталина», «Международная организация

безопасности», «4-ый военный займ», «Социалистическое соревнование», «Пути снижения себестоимости» и так далее³⁷⁴.

В период проведения подготовки выборов в Верховные Советы СССР и УАССР тематика лекций была следующей: «Государство СССР и советская избирательная система», «Система выборов в СССР и в капиталистических странах», «Права и обязанности граждан СССР», «Высшие органы власти в СССР», «Депутат – слуга народа»³⁷⁵.

Значительное место отводилось распространению научно-просветительских знаний. В 1944 г. было опубликовано Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации научно-просветительской пропаганды»³⁷⁶. Основной заявленной целью организации научно-просветительской пропаганды было противодействие распространению в массовом сознании религиозных представлений. В лекциях рассказывалось о возникновении Солнца и Земли, различных астрономических явлениях, возникновении и развитии жизни, происхождении человека³⁷⁷. В постановлении XIII Пленума ВЦСПС от 30 марта 1945 г. в работе «по преодолению пережитков бескультурья» указывалось на распространение научно-просветительских знаний³⁷⁸.

Принятие в марте 1946 г. Верховным Советом СССР Закона о четвертом пятилетнем плане повлекло за собой внесения ряда корректив в массово-политическую работу. Постановление ЦК ВКП(б) «Об агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с принятием пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг.», опубликованное 27 марта 1946 г., выделило необходимость решения следующих основных задач массово-политической работы: знакомство населения с Законом о пятилетнем плане, разъяснение задач послевоенной пятилетки и мобилизация на выполнение и перевыполнение

³⁷⁴ ЦДНИ УР. Ф. 724. Оп. 1. Д. 319. Л. 29.

³⁷⁵ Там же. Л. 4.

³⁷⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.8. М., 1985. С.142.

³⁷⁷ Там же. С. 132.

³⁷⁸ Профсоюзы СССР. Документы и материалы в 4-х т. 1905-1963 гг.Т.3. Профсоюзы в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму. (1937-1952 гг.). М., 1963. С.410.

плана. В Постановлении подчеркивался долгосрочный характер кампании по ознакомлению трудящихся с данным Законом, в частности, отмечалось, что «эта работа... будет представлять важнейшую составную часть агитационной и пропагандистской работы партии на предстоящий период»³⁷⁹. Эффективность пропагандистской работы ставилась в прямую зависимость от результата выполнения и перевыполнения плана, на первое место выходила именно мобилизующая роль пропаганды. Все это привело к постепенному доминированию политической тематики лекций над научно-просветительской.

В 1946 г. рабочим завода № 71 было прочитано 108 лекций³⁸⁰.

Таблица 16. Основная тематика лекций

Темы лекций	Количество прочитанных лекций	В % к общему числу лекций
О пятилетнем плане восстановления народного хозяйства	22	20
Научно-просветительские	32	30
Общественно-политические	28	26
На литературные темы	26	24

В 1947 г. количество прочитанных лекций сократилось с 108 до 71. Из них на политические темы – 54 (76 %), литературные – 8 (11 %), медицинские – 6 (8 %), естественно-научные – 3 (4 %)³⁸¹. Среди преобладающих тенденций можно выявить значительное увеличение количества лекций на политические темы: с 26 % в 1946 г. до 76 % в 1947 г., и сокращение лекций научно-просветительского характера: с 30 % до 12 %. Такие резкие изменения в тематике лекций были вызваны тем, что при разработке плана лекций на первое место стала обязанность освещения таких важных событий в социально-экономической жизни страны как

³⁷⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т.8. С. 17.

³⁸⁰ ЦГА УР. Ф. Р-1458. Оп. 3. Д. 5. Л. 43.

³⁸¹ Там же. Л. 44.

проведение денежной реформы и отмена карточной системы, помимо этого, постоянным компонентом лекционной работы являлась пропаганда пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР.

Таблица 17. Распределение агитаторов, пропагандистов, лекторов завода № 235 по роду занятий и уровню образования³⁸²

По роду занятий	Агитаторы				Пропагандисты				Лектора			
	1945		1947		1945		1947		1945		1947	
	всего	в %	всего	в %	всего	в %	все го	в %	всего	в %	все го	в %
Рабочие	159	24	305	40	4	4	8	7	-	-	5	12,5
Служащие	169	26	167	22	25	22	24	19	3	12,5	12	30
ИТР	325	50	284	38	84	74	92	74	21	87,5	23	57,5
Образ-е												
Начальное	310	47	437	58	5	4	12	10	-	-	8	20
Среднее	239	37	282	37	46	41	60	48	3	12,5	23	57,5
Высшее	105	16	37	5	62	55	52	42	21	87,5	9	22,5

Данные таблицы 17 позволяют выявить основные изменения в массово-политическом аппарате. Необходимо выделить тенденцию его количественного увеличения. Если в 1945 г. массово-политической работой было занято 790 человек, то уже в 1947 г. – 920 человек. Между тем произошло резкое ухудшение его качественного состава, прежде всего за счет понижения общего образовательного уровня, которое стало следствием увеличения доли рабочих в структуре массово-политического аппарата. Процент рабочих среди агитаторов увеличился с 24 % в 1945 г. до 40 % в 1947 г, с одновременным уменьшением процента ИТР с 50 % в 1945 г. до 38 % в 1947 г. Среди пропагандистов процент рабочих увеличился с 4 % в 1945 г. до 7 % в 1947 г., процент служащих сократился с 22 % до 19 %. В 1947 г. среди лекторов впервые появились рабочие и составили 12,5 %, с

³⁸² Сост. по: ЦДНИ УР. Ф. 724. Оп. 1. Д. 319. Л. 29; Д. 534. Л. 24.

одновременным сокращением процента ИТР с 87,5 % в 1945 г. до 57,5 % в 1947 г. Среди пропагандистов, агитаторов и лекторов увеличилось число лиц с начальным образованием, и снизилось число лиц с высшим образованием. Доля агитаторов с начальным уровнем образования с 1945 г. по 1947 г. увеличилась с 47 % до 58 %, а с высшим образованием уменьшилась с 16 % до 5%. Если в 1945 г. пропагандисты с начальным уровнем образования в 1945 г. составляли 5 % от общего числа пропагандистов, то уже в 1947 г. – 10 %, доля пропагандистов со средним уровнем образования увеличилась с 41 % в 1945 г. до 48 % в 1947 г., в то же время с высшим уровнем образования сократилась с 55 % в 1945 г. до 42 % в 1947 г. Наиболее удручающие изменения произошли среди лекторского состава. Если в 1945 г. все лекторы имели образования не ниже среднего, то уже в 1947 г. 20 % лекторов имели начальный уровень образования, доля лекторов с высшим уровнем образования сократилась с 87,5 % в 1945 г. до 22,5 % в 1947 г. В отчетах об итогах проверки работы пропагандистов и агитаторов отмечалось, что агитаторы ограничиваются только чтением газет и лишь иногда в ходе чтения поясняют отдельные положения и статьи, изложенные в газетах и журналах; пропагандисты плохо владеют материалом, не готовятся по первоисточникам³⁸³.

Лекции и беседы выступали в качестве основного канала поступления информации о событиях в мире. В качестве дополнительного источника сведений выступала пресса: центральные газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», республиканские газеты «Удмуртская правда», «Советская Удмуртия», заводские газеты «Металлург», «Металлист», «Стахановец», «Сталинская вахта», журналы «Знамя», «Исторический журнал», «Крокодил», «Новый мир», «Огонек», «Октябрь», «Работница», «Смена», «Техника молодежи». Между тем следует отметить, что в послевоенные годы газеты и журналы поступали в республику крайне ограниченным тиражом. В 1945 г. г. Воткинск получил два экземпляра

³⁸³ ЦДНИ УР. Ф. 724. Оп.1. Д. 319. Лл. 2, 21.

журналов «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», которые были распределены между парткабинетом Горкома ВКП(б) и городской библиотекой им. Фурманова, 2 экземпляра «Исторического журнала», «Британского Союзника», распределены между парткабинетом Горкома ВКП(б) и парткомом завода №235, партком завода № 235 помимо этого получил 14 экземпляров газеты «Труд», 6 экземпляров газет «Правда» и «Известия»³⁸⁴. В послевоенные годы произошло резкое снижение газетных тиражей республиканских газет, которое было связано с нехваткой бумаги. Если до войны в Удмуртской республике издавалось 6 республиканских газет разовым тиражом 81 тысяч экземпляров, то в 1949 г. – только 2 газеты с разовым тиражом 52 тысячи экземпляров. Тираж республиканских газет в 1949 г. был на 35 % ниже довоенного. В городах Ижевске, Воткинске, Сарапуле, Глазове на 27-28 читателей приходился один номер газеты «Удмуртская правда». Ситуация с обеспеченностью местными газетами в сельской местности была еще хуже. На один колхоз приходилось всего по 2-3 экземпляра «Удмуртской правды». Все это вносило ряд затруднений в политико-массовую работу с населением. В этих условиях, секретарь Удмуртского обкома ВКП(б) А. Вахрушев был вынужден обратиться с просьбой к секретарю ЦК ВКП(б) М.А. Суслову об увеличении тиража газеты «Удмуртской правды» с 35 тысяч до 50 тысяч экземпляров и газеты «Советской Удмуртии» с 17 тысяч до 20 тысяч экземпляров³⁸⁵. Просьба была удовлетворена. На 1 сентября 1950 г. тираж газеты «Удмуртская правда» составлял 50 тысяч экземпляров, газеты «Советская Удмуртия» 20 тысяч экземпляров³⁸⁶.

Составным компонентом массово-политической работы было проведение ряда пропагандистских кампаний, посвященных как популяризации основных внутривнутриполитических действий партии, так и внешнеполитических. Так, значительное число кампаний было посвящено

³⁸⁴ ЦДНИ УР. Ф. 724. Оп. 1. Д. 294. Лл. 14, 15.

³⁸⁵ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5374. Л. 210.

³⁸⁶ Там же. Д. 5675. Л. 90.

подготовке к проведению послевоенных займов. Этому были посвящены семинары для агитаторов и пропагандистов, лекции, беседы, проводимые агитаторами, пропагандистами в цехах и общежитиях заводов. Значительную роль в активизации общественного сознания рабочих оборонных заводов играли митинги. Важная роль отводилась выступлениям, которые во многом носили мобилизационный характер. В качестве примера можно привести выступление одного из рабочих завода № 71, посвященного итогам реализации третьего государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР: «Я приветствую решение правительства о выпуске нового займа. Трудовые рубли, которые мы дадим государству, еще сильнее укрепят мощь нашей Родины. Мой заработок 1200 рублей в месяц, я подписываюсь на 1500 рублей и призываю последовать моему примеру всех рабочих нашего цеха»³⁸⁷.

Можно согласиться с мнением, высказанным Е.Ю. Зубковой о том, что основная задача проводимых кампаний состояла в трансляции принятых решений вниз и легитимации их населением. Народу тем самым предоставлялась возможность высказываться вслух «невзирая на авторитеты», что создавало и поддерживало иллюзию своей сопричастности «большой политике»³⁸⁸.

Результатом массово-политической работы стало формирование определенной политической культуры рабочих. Важной задачей политических органов было формирование механизма обратной связи, выявление настроений и наиболее интересующих вопросов. Лектора и докладчики, получавшие на собраниях от рабочих и служащих те или иные вопросы, направляли их организационно-инструкторский отдел Удмуртского обкома ВКП(б), тот, в свою очередь, отправлял перечень вопросов в организационно-инструкторский отдел ЦК ВКП(б).

³⁸⁷ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5099. Л. 107.

³⁸⁸ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945-1953. М., 2000. С. 183.

Значительное место среди вопросов рабочих и служащих на собраниях отводилось внешнеполитической тематике, а именно: отношению с союзниками по антигитлеровской коалиции: «Какое количество безработных в США?», «Дальнейшие перспективы дружбы СССР с Англией и США?»; политическим режимам в западных странах: «Какая диктатура в Испании?», «Какая демократия во Франции?», «Какое правительство в Японии?», «В каких странах существуют коммунистические партии?», «Какое правительство в Греции?»; судьбе послевоенной Германии: «Как ведут себя американские и английские власти в оккупационных зонах Германии?», «Все ли военнопленные вернулись?», «Когда будут отправлять пленных немцев?», «Почему так долго продолжается суд в Нюрнберге?»; сведениям об атомной энергии: «Как обстоит дело с атомной энергией у нас и за рубежом?»³⁸⁹.

Анализ задаваемых вопросов позволяет выявить разный уровень осведомленности рабочих о внешнеполитических событиях. Так, в период обострения отношений СССР с Югославией наряду с вопросами: «Кто такой Тито?» и «Где находится Югославия?», были и такие: «За что Тито награжден был орденом «Победа?», «Почему Тито не задержали в Советском Союзе, зная, что он будет предатель?». Для активизации мобилизационного потенциала ненависти, накопленного в годы Великой Отечественной войны по отношению к фашизму, было использовано отождествление югославского правительства с гитлеровским режимом: «Презренные националисты из банды Тито не поняли уроков Гитлера. Рука народов Югославии сметет эту чернь, продающую народ реакционерам Америки и Англии». Эти же сравнения были использованы и в дальнейшем, в период ухудшения отношений со странами Запада, так, в частности, при обсуждении принятия Америкой доктрины Трумэна и плана Маршалла, акцент был сделан на стремлении США к установлению мирового господства: «Если вспомнить, Гитлер тоже начал с идеи о мировом господстве, видимо такие же идеи витают в головах империалистов Англии и Америки. Продолжением

³⁸⁹ ЦДНИ УР. Ф.16. Оп.1. Д. 4431. Л. 5.

идей Трумэна являются планы Маршалла. Главным в этих планах является реконструкция Рура. Создание Америкой баз во всех частях света, есть практическая подготовка к войне»³⁹⁰. Обращает на себя внимание агрессивный тон выступающих и настрой на решение внешнеполитических проблем исключительно военными мерами. Так, рабочие предлагали следующие кардинальные варианты решения югославской проблемы: «Тито надо на веревку», «На Югославское правительство надо пустить танки и самолеты». Между тем, некоторые рабочие высказывали опасения, не приведет обострение отношений к Югославии к войне: «Может ли возникнуть война с Югославией?», «Не тянет ли это к войне?»³⁹¹. Характер приведенных высказываний был в целом характерен для советской пропагандистской риторики. Между тем, эти высказывания демонстрируют не только оценку ситуации, но и сложившийся механизм социальных установок по решению конфликтных ситуаций. Под социальными установками в данном случае понимается состояние готовности группы к определенной оценке ситуации и способу деятельности, поведения в ней³⁹².

Наряду с существовавшей тенденцией милитаризации массового сознания следует отметить существование и другой тенденции – участие рабочих оборонных заводов в послевоенном движении сторонников мира. Так, в 1950 г. повсеместно была проведена международная кампания по подписке под Стокгольмским воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении атомного оружия. Уже на 1 июля 1950 г. на заводе № 74 этот документ подписало более 13 тыс. человек³⁹³.

В период подготовки к избирательной кампании по выборам в Верховные Советы РСФСР и УАССР в 1946 г. агитаторам задавалось много вопросов, связанных с социально-экономической тематикой: «Почему семьи военнослужащих не обеспечиваются топливом?», «Чем объяснить

³⁹⁰ ЦДНИ УР. Ф. 724. Оп. 1. Д. 437. Л. 32.

³⁹¹ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5413. Л. 129.

³⁹² Уледов А.К. Общественная психология и идеология. М., 1979. С.160.

³⁹³ История Удмуртии: XX век. Ижевск, 2005. С.326.

ненормальность в торговле хлебом и солью?», «Когда не будут брать молоко в государственных поставках?», «Почему снижены нормы хлеба?», «Когда улучшится обеспечение учащихся учебниками?», «Скоро ли будет единая государственная цена на хлеб и промтовары?», «Объясните, почему при наличии огромного развития нашей промышленности мы сейчас переживаем огромные затруднения в топливе и транспорте?»³⁹⁴.

Помимо официальных источников получения информации, таких как выступления пропагандистов и агитаторов, советская пресса, определенную нишу занимала межличностная вербальная коммуникация или слухи, выступающие в форме суждений, оценок и прогнозов. Они соответствуют ожиданиям людей и вызываются как их надеждами, так и страхом перед будущим. Интенсивность и направленность слухов, глубина их проникновения в массовое сознание является важнейшим показателем состояния общества, степени социальной напряженности в нем³⁹⁵. Среди основных факторов, провоцирующих появление слухов, следует выделить информационную закрытость общества, социальной группы и отдельной личности, недоверие к официальным источникам информации, невозможность объяснить происходящие события с позиции рационального мышления.

Отсутствие достоверной информации о принятом осенью 1946 г. Постановления Совета Министров и ЦК ВКП(б) «Об экономии в расходовании хлеба» спровоцировало появления слухов. Анализ источников позволяет выявить ряд доминирующих настроений. Так, снижение норм, получаемых по карточкам, объяснялось рабочими как внутрисполитическими причинами – необходимостью помощи неурожайным районам страны, главным образом Украине, так и внешнеполитическими –

³⁹⁴ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4859. Л. 43; Ф. 724. Оп. 1. Д. 485. Л. 70.

³⁹⁵ Андриянов В.И., Левашов В.К., Хлопьев А.Г. «Слухи» как социальный феномен // Социологические исследования. – 1993. – № 1. – С.82-83.

усложнением международной обстановки и «подготовкой правительства к началу новой войны»³⁹⁶.

Ряд рабочих считало, что «при установлении новых пайковых цен вкралась ошибка, и что т. Сталин не знает о всех проводимых мероприятиях и необходимо написать ему письмо»³⁹⁷.

Для послевоенного общества в целом, и для рабочих оборонных заводов в частности, был характерен крайне низкий уровень жизненных притязаний. Общество воспринимало лишения через призму необходимости проведения подготовительных мероприятий к войне, рассматривая их в качестве необходимых предпосылок обеспечения своей будущей безопасности. Готовность общества идти на ряд ограничений вплоть до лишений учитывалось государством при проведении ряда решений. Обращение к жертвенности народа, к необходимости преодоления возникающих трудностей, было не столько используемым риторическим оборотом в партийных документах, сколько вариантом соглашения между государством и обществом. В постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) о проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары от 14 декабря 1947 г. отмечалось: «Все же при проведении денежной реформы требуются известные жертвы. Большую часть жертв государство берет на себя. Но надо, чтобы часть жертв приняло на себя и население, тем более что это будет **последняя жертва**» (выделено мною. – О.В.)³⁹⁸. Между тем, лояльность проводимой государством политике сочеталась с констатацией крайне сложных условий существования. В качестве иллюстрации данного положения можно привести выдержку из письма рабочей завода № 235: «Бунтовать, выступать нельзя, муж погиб на фронте, имею двух детей, от меня уже ничего не осталось. Придешь домой – темно, холодно, купишь керосин – не горит. Вся Азия из соли, а соль дают нормы. **Мы, советский**

³⁹⁶ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп.1. Д. 4579. Л. 25.

³⁹⁷ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4579. Л. 25 об.

³⁹⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.8. М.,1985. С.159.

народ, все переживем. Прошу поставить вопрос в партии о соли, огне и керосине»(выделено мною – О.В.)³⁹⁹.

Характерной особенностью массово-политической работы, проводимой среди рабочих оборонных заводов, был постоянный поиск внутренних врагов. Призывы к повышению бдительности были постоянной составляющей выступлений представителей партийных структур на собраниях и партийных конференциях: «Какие задачи стоят перед нами, товарищи? Усилить нашу большевистскую бдительность. Ни на минуту нельзя забывать, что мировая реакция употребляет все средства, чтобы вырвать из рук нашего народа плоды его победы, его достижения, подорвать нашу мощь. Одним из этих средств являются разнообразные и настойчивые попытки насадить в нашей стране свою агентуру, способную вредить и этим ослаблять силы советского народа. Нам как никогда необходимо противопоставлять ухищрениям и козням врагов нашей Родины постоянную бдительность...»(из выступления секретаря Воткинского Горкома ВКП(б) В.Г. Раскатова на собрании партийного актива Воткинской городской партийной организации 14 октября 1947 г.); «...Посмотрите на наш завод, на военный завод, подойдите к любому товарищу, он вас не знает, вы с ним можете говорить о чем угодно и он вам все расскажет. Политическая бдительность совершенно притуплена...»(из выступления на 9 партийной конференции завода №74 5-6 февраля 1949 г.)⁴⁰⁰.

Это было обусловлено как общими тенденциями, происходящими в послевоенном обществе, а именно постоянными попытками поиска внутренних и внешних врагов, так и спецификой работы на оборонных предприятиях, которая сложилась еще в довоенное время. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 июля 1934 г. для предприятий оборонного значения был установлен особый режим. Главной задачей режима секретности было «наибольшее обеспечение сохранности заводов, имеющих

³⁹⁹ ЦДНИ УР. Ф. 724. Оп. 1. Д. 438. Л. 25 об.

⁴⁰⁰ ЦДНИ УР. Ф. 155. Оп.2. Д. 873. Л. 24 об.; Ф. 724. Оп. 1. Д. 437. Л. 34.

оборонное значение, создание прочных гарантий от проникновения на них классово-враждебных, контрреволюционных и враждебных элементов, а также для предотвращения их действий, направленных к срыву или ослаблению производственной деятельности заводов»⁴⁰¹. На оборонных заводах действовал строгий пропускной режим: при выходе из завода работающие, кроме группы руководящих работников цехов и отделов, подвергались досмотру (обыску), а работающие в закрытых отделах подвергались досмотру как при выходе из цеха, так и в проходной завода⁴⁰².

Несмотря на действие строгого пропускного режима, были и такие факты, о которых говорил командир отряда ВОХР завода № 622 Иванов на совещании руководящих работников 24 августа 1948 г. «... У нас на заводе плохо еще стоит вопрос с бдительностью, как-то утеря заводских пропусков. По утерянному пропуску может на завод пройти кто угодно и *сделать многое. В цехах появляются посторонние, такие лица, каким и не следует бывать на заводе*» (выделено мною – О.В.)⁴⁰³.

В русле общей тенденции засекречивания информации, которая раскрывала бы особенности формирования военного потенциала страны, следует рассматривать принятие Советом Министров СССР Постановления от 1 марта 1948 г., увеличивавшее перечень сведений, составляющих государственную тайну. К государственной тайне были отнесены следующие сведения: производственные программы и производственные мощности предприятий военной промышленности; графики сведения о размещении заказов на военную продукцию в натуральном и ценностном выражении по СССР, министерствам, ведомствам и промышленным предприятиям; сведения о количестве рабочих, служащих инженерно-технических работников предприятий военной промышленности; сведения о строительстве, реконструкции и восстановлении предприятий военной

⁴⁰¹ Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-е -1980-е гг.: экономические аспекты развития // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М., 2004. С.235.

⁴⁰² ЦГА УР. Ф. Р-1458. Оп. 2. Д. 623. Л. 58.

⁴⁰³ Там же. Д. 553. Л. 28.

промышленности⁴⁰⁴. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР, принятому в июне 1947 г., «разглашение сведений, составляющих государственную тайну, а также утеря документов, содержащих такие сведения, каралось заключением от 4 до 20 лет»⁴⁰⁵.

По всей стране тщательной проверке подверглась деятельность музеев. В частности, проверка выставочной экспозиции завода № 74 выявила следующие факты нарушения секретности: на выставке был представлен стенд поздравительных телеграмм от руководителей партии, правительства, маршалов авиации и фотоснимок помощника директора завода Демидова в военной форме, что, по мнению начальника Главлита УАССР Ф. Савинова, «крайне недвусмысленно подчеркивало военный характер производства». К тому же на выставке был представлен еще эскиз, раскрывающий всю номенклатуру дел выпускаемых военных изделий в военное время. Итогом проверки было предложение преобразовать музей в музей закрытого типа, т.к., по мнению Ф. Савинова, «существование музея для общего обозрения считаю равносильным осмотру всех изделий, выпускаемых нашим заводом, более того, равносильным пребыванию на заводе без пропуска»⁴⁰⁶.

Кроме того, в 1949 г. со стороны Главлита СССР последовал запрет местным газетам УАССР упоминать в своих статьях о характере деятельности основных оборонных предприятий республики. Между тем данные предприятия являлись основой промышленности республики, и последовавший запрет ставил местную прессу в достаточно сложное положение. Секретарь Удмуртского обкома ВКП(б) П.Н. Лысов направил запрос в секретарю ЦК ВКП(б) М.А. Сулову с просьбой «сохранить прежний порядка освещения деятельности номерных предприятий республики только в связи с выпускаемой ими гражданской продукции»⁴⁰⁷.

⁴⁰⁴ Там же. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 77. Л. 205.

⁴⁰⁵ Нежинский Л.Н. Власть и внешняя политика Советского государства в послевоенные десятилетия // Советское общество: будни холодной войны: Материалы «круглого стола», Институт Российской истории РАН, 29 марта 2000 г., Арзамас, 2000. С.79.

⁴⁰⁶ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп.1. Д.5374. Л.157.

⁴⁰⁷ Там же. Л.134.

На предприятиях оборонной промышленности постоянно велась работа по выявлению «социально чуждых элементов». Отделы кадров заводов каждый месяц отправляли в МГБ УАССР специальные информационные отчеты. Было две формы отчетности: краткая, которая фиксировала наличие неблагонадежного элементов среди работающих на оборонных заводах и общая, в которой подробно были расписаны категории учета неблагонадежности. Среди них можно выделить: социально-чуждое происхождение (дети дворян, служителей культа, торговцев, офицеров), участие в белом движении, наличие родственников за границей, судимость и т.д. Существовал перечень национальностей, представители которых подлежали увольнению с оборонных заводов. Это – немцы, японцы, корейцы, эстонцы, латыши, литовцы, румыны, болгары, итальянцы, иранцы, финны. Еще до войны НКВД по поручению Политбюро ВКП(б) провело акции по разгрому так называемых «контрреволюционных национальных контингентов» – поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев, румын, болгар, македонцев. Во второй половине 1937 г. была проведена массовая высылка из пограничных районов «неблагонадежного элемента». Самой крупной была депортация из Дальневосточного края всего корейского населения в Казахстан и Узбекистан⁴⁰⁸. В основном, это было связано с тем, что с этими странами СССР находился в состоянии военной конфронтации или вел боевые действия. Велась особая статистика по выявлению лиц, побывавших в немецком плену или находившихся на оккупированной немцами советской территории с 1941 по 1945 гг.

Число лиц, непосредственно вступавших в конфликт с советской властью, было крайне незначительно. В основном в списках содержались дети тех, кто мог реально или потенциально представлять угрозу советской

⁴⁰⁸ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 190-191.

власти. Общая ситуация в данной категории рабочих на заводе № 622 в 1947 г. была следующей⁴⁰⁹.

Таблица 18. Данные о выявленных неблагонадежных лицах, работавших на заводе № 622 в 1947 г.

Категории учета	Общее количество работающих на заводе человек.	Соотношение (в %)
Рабочие, имеющие родственников за границей или родившиеся там	17	5
Рабочие, принимавшие участие в белом движении	62	22
Рабочие, родственники которых ушли с белыми за границу.	21	7
Рабочие из семей кулаков	98	34
Рабочие, чьи родители служили в царской армии, были служителями культа, торговцами.	15	5
Рабочие, имевшие судимость или судимых родственников, осужденных за антисоветскую агитацию.	16	6
Рабочие, находившиеся на временно оккупированной территории.	21	7
Рабочие, находившиеся в плену.	35 (в том числе 1- бывший военнопленный I мировой войны)	12

Не во всех случаях администрация заводов увольняла представителей «социально-чуждых элементов». В ряде случаев интересы производства вступали в конфликт с требованиями соблюдения необходимых норм секретности. Директор завода № 622 Н.И. Палладин в связи с переводом цеха из центра города на основную территорию завода 13 января 1949 г. послал запрос в МГБ УАССР на 13 января 1949 г. с просьбой разрешить перевод рабочих с «криминальным прошлым». Свой запрос он

⁴⁰⁹ Сост. по: ЦГА УР. Ф. Р-1458. Оп. 2. Д. 716. Лл.3-24.

мотивировал интересами производства, т.к. «освободить их с работы как квалифицированных работников не возможно»⁴¹⁰.

Основными источниками по выявлению настроений рабочих выступают письма, обращения, заявления рабочих, выступления рабочих на общезаводских профсоюзных конференциях, закрытых партийных собраниях членов и кандидатов в ВКП(б), общих партийных собраниях парторганизаций заводов, общезаводских партконференциях.

Достаточно часто на профсоюзных собраниях звучала критика в адрес администрации заводов. В выступлениях отмечалось недостаточное внимание администрации предприятий к бытовым нуждам рабочих. Раздражение рабочих вызывали факты проявления бюрократизма со стороны администрации предприятий: «Наше начальство не любит критики. Вот вчера наш мастер Щелканов выступил на активе и немного задел нашего начальника, так он сегодня вызвал сегодня к себе и накачал. Да разве это правильно, нас кроют, мы молчим... Нельзя так бездушно относиться к рабочим»; «Товарищи, кто дал т. Шевченко быть бюрократом, и есть или нет для него советские законы: можно принять для него меры или нет и кто он, какой царь или бог?»⁴¹¹.

Политическая культура формировала механизмы взаимодействия с властью. Опыт решения правовых проблем в советском обществе исчерпывался определенными видами апелляции к власти: жалоб, претензий и заявлений, при этом возможность подачи жалоб являлась, по сути, единственным осознанным правом советских граждан⁴¹². Достаточно частыми были обращения рабочих в газеты, как в местные, так и в центральные по поводу решения тех или иных социальных проблем. Центральные газеты направляли запросы в адрес местных обкомов ВКП(б), которые должны были разбирать эти письма. В 1946 г. в газете «Удмуртская правда» был опубликован ряд материалов, в которых рассматривались

⁴¹⁰ ЦГА УР. Ф. Р-1458. Оп. 2. Д. 623. Л. 21.

⁴¹¹ ЦГА УР. Ф. Р- 543. Оп. 19. Д. 55. Л.42 об., Ф. Р-1458. Оп. 3. Д. 7. Л. 38.

⁴¹² Богданова Е.А. Советская традиция правовой защиты, или в ожидании заботы // Неприкосновенный запас– 2005. – №39 – С.119.

случаи штурмовщины, расхищения, недостатки в жилищном строительстве на заводе № 74. Один из читателей газеты собрал вырезки этих материалов, и отослал их в редакцию газеты «Правда» с требованием «принять меры о безобразиях, творящихся на заводе № 74». В письме рассматривались случаи строительства индивидуального жилья за счет строительных материалов завода руководителями завода и работниками Удмуртского обкома ВКП(б). Автор письма определял подобные случаи как «грубое искажение практики индивидуального жилищного строительства» и требовал «навести порядок в индивидуальном жилищном строительстве в городе Ижевске и сурово пресечь негодную практику, получившую широкое распространение»⁴¹³. Редактор отдела местных газет «Правды» отправил эти вырезки в Удмуртский обком ВКП(б). На заседании бюро Удмуртского обкома ВКП(б) 2 октября 1946 г. разбирались заявления граждан в редакцию газеты «Правда» о работе республиканских газет и нездоровой морально-психологической обстановке на заводе № 74.

Публикация писем в прессе, было наиболее эффективным способом, привлечения внимания партийных органов к той или иной поднятой проблеме. Письмо, опубликованное 2 августа 1947 г. в газете «Удмуртская правда», посвященное работе клуба завода № 622, обсуждалось на заседании парткома завода. Партком завода подтвердил непригодность помещения для эксплуатации, темноту, отсутствие комнат отдыха, мягкой мебели, киноаппаратуры, неприглядный внутренний облик клуба и тут же был определен план мероприятий по проведению клуба в должный вид⁴¹⁴.

Среди форм массово-политической работы, активно использовавшихся на оборонных предприятиях республики, можно выделить организацию чтения газет, проведение бесед, лекций. Следует отметить, что механизм массово-политической работы охватывал практически всех работающих на заводе. Он включал в себя массово-политический аппарат: лекторов,

⁴¹³ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4533. Л. 5.

⁴¹⁴ Там же. Ф. 443. Оп. 2. Д. 1. Л. 164.

агитаторов, пропагандистов, тех, кто непосредственно осуществлял массово-политическое воздействие на остальную часть работающих. Подавляющая часть рабочих была вовлечена в массово-политическую работу путем посещения лекций, бесед, собраний. Проводимый курс на увеличение доли рабочих среди массово-политического аппарата привел к значительному понижению общего образовательного уровня, что негативно сказалось на качестве проводимой работы. Агитатор должен был обладать определенным запасом знаний, чтобы правильно интерпретировать происходящие события, политически корректно отвечать на вопросы рабочих, а не превращаться исключительно в читчика газет, как это часто было. Партия признала, что массово-политическая работа требует определенного запаса теоретических знаний и выдвинула в качестве основного принципа подбора на должность агитатора, пропагандиста или лектора наличие определенного уровня знаний, а не занимаемую должность.

Категории мир-война тесно переплетались в сознании рабочих, что характерно для общества мобилизационного типа. Недавно пережитая кровопролитная война, определившая понимание мира как абсолютной ценности и готовность пойти на ряд личных жертв для предотвращения войны, тем не менее, сохраняла задействованный механизм решения возникающих внешнеполитических проблем исключительно военными мерами. Выступления рабочих на собраниях с призывами применять в отношении, в частности Югославии, военные действия не всегда отражали позиции рабочих и зачастую были инициированы решениями сверху, тем не менее, на основании выступлений можно выделить общий агрессивный тон выступающих. Следует отметить, двойственность позиции представителей партийных структур. Призывы к повышению бдительности, звучащие рефреном в выступления на собраниях, поискам внутренних и внешних врагов, акцентирование внимания на агрессивности стран западного мира, тем не менее, заканчивались выводом, что слухи о возможности новой войны являются необоснованными и ложными. Прежде всего, это было

связано с тем, что подтверждение слухов о начале войны могли быть расценены как поощрение панических настроений в обществе. В основном, рабочие были склонны связывать переживаемые трудности с началом подготовительного этапа к началу новой войны. Основными формами проявления политической активности рабочих были выступление на собраниях, задавание вопросов, написание писем общественно-политическим деятелям. Частые нарекания со стороны рабочих вызывали проявления бюрократизма заводской администрацией, нехватка продуктов первой необходимости. Спецификой работы на оборонных заводах республики был постоянный поиск врагов. Это было вызвано как общими тенденциями усиления бдительности, характерными в целом для послевоенного общества, так и условиями работы на оборонных заводах как режимных объектах.

4.2. Культурно-просветительская работа на военных заводах

УАССР

Послевоенное обновление рабочего класса оборонной промышленности, прежде всего за счет проведения организованного набора, принятие на работу выпускников ФЗО и РУ, повлекло за собой необходимость работы по повышению общего культурного уровня вновь принятых рабочих. Особое внимание уделялось повышению общеобразовательного уровня, расширению общего кругозора, формированию новых форм досуга. Важной задачей является выявление основных тенденций, в рамках которых осуществлялась культурно-просветительская работа.

Можно согласиться с мнением исследователя О.М. Вербицкой, что культурно-просветительская работа была ориентирована на воспитание политически грамотного и идеологически выдержанного гражданина, что ограничивало сферу задач культурно-просветительских учреждений⁴¹⁵.

Основной фонд заводских библиотек состоял из книг научно-технической литературы, общественно-политической, произведений классиков марксизма-ленинизма. Книжный фонд библиотеки завода № 235 в 1945 г. состоял из следующих изданий⁴¹⁶.

Таблица 19. Книжный фонд библиотеки завода № 235 в 1945 г.

Основные отрасли знаний	Количество книг	В % к общему числу книг
Общественно-политическая	3802	34
Классики марксизма-ленинизма	1183	11
Научно-техническая	3347	30
Художественная	1916	17
Детская	110	1
Прочая	803	7

⁴¹⁵ Вербицкая О.М. Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х начало 60-х годов. М., 1992. С. 180.

⁴¹⁶ ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 5. Д. 5. Л. 35.

В фондах библиотеки преобладала общественно-политическая и техническая, в то время как художественные произведения составляли только 17% от общего количества книг. Между тем документы зафиксировали низкий спрос рабочих на общественно-политическую литературу и произведения классиков марксизма-ленинизма и преобладающий интерес читателей к художественной литературе.

**Таблица 20. Данные о запрашиваемых читателями книг в 1945 г.
по заводу № 235⁴¹⁷**

Основные отрасли	Количество запрашиваемых книг	В % к общему числу запрашиваемых книг
Общественно-политические	2433	10%
Классики марксизма-ленинизма	1037	4%
Научно-технические	1019	4%
Художественные	15949	63%
Детские	1653	6%
Прочие	3407	13%

В 1948 г. в библиотеку завода № 622 было записано 900 человек из 18986 человек работающих на заводе или 4,7 %⁴¹⁸. Рабочие составляли половину от общего числа читателей, записанных в библиотеки. Сопоставляя данные о соотношении мужчин и женщин среди читателей библиотек, следует отметить, что на 1 января 1946 г. мужчины составляли 72 % читателей, женщины – только 28 %. Постепенно такая явная диспропорция меняется, и уже на 1 января 1947 г. женщины составляли почти 40 % читателей⁴¹⁹. В 1946 г. по сравнению с 1942 г. общее количество читателей профсоюзных библиотек сократилось с 7,7 до 3,5 млн. читателей⁴²⁰.

⁴¹⁷ ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 5. Д. 5. Л. 38.

⁴¹⁸ Там же. Ф. Р-845. Оп. 17. Д. 13. Л. 71; Ф. Р-1458. Оп. 3. Д. 7. Л. 23.

⁴¹⁹ Там же. Ф. Р-785. Оп. 5. Д. 5. Лл. 39-40.

⁴²⁰ Крючков М. Т. Рабочий класс Урала в послевоенные годы (1946-1958). Свердловск, 1988. С. 168.

Работа библиотек заключалась в максимальном привлечении читателей, для чего организовывались передвижные библиотеки, располагавшиеся в красных уголках на заводах, в общежитиях, в клубах рабочих поселков. Важной частью работы библиотек была организация чтений докладов и лекций с максимально большим охватом рабочих. Тематика лекций была различной, но среди обязательных политических тем были: «Великий план работ Сталинской пятилетки», годовщины Октябрьской революции и пр.), и темы литературного характера, которые могли варьироваться (например, о творчестве А.С. Грибоедова, А.М. Горького или Д.А. Фурманова).

В качестве формы приобщения рабочих к культуре можно выделить проведение в общежитиях чтений книг вслух. Это было вызвано массовым характером всей проводимой воспитательной работы и тем, что среди рабочих было некоторое число как неграмотных, так и малограмотных людей.

Важную роль по распространению новых форм досуга играли клубы, при которых создавались разнообразные кружки. На заводах оборонной промышленности Удмуртии были хоры общего типа, ансамбли удмуртской песни, русской, украинской, вокальные трио и дуэты, струнные оркестры, джаз-оркестры, духовые, балетные, драматические, художественного чтения. В основном работа кружков художественной самодеятельности зачастую держалась на энтузиазме ее руководителей. После ухода их с завода кружки распадались. На заводе № 235 в годы войны был создан ансамбль украинской песни, но он прекратил свое существование после эвакуации его руководителя.

Репертуар кружков художественной самодеятельности включал в себя произведения русской и зарубежной классики, советских композиторов. В 1946 г. вокалисты клубной самодеятельности завода № 235 исполняли арии Фигаро из оперы «Севильский цирюльник», герцога из «Риголетто», маркизы из «Корневильских колоколов», Джим из «Роз-Мари», «Помнишь ли ты» из оперетты «Сильва»; лирические песни: «В прифронтовом лесу» М.И.

Блантера, песня из к-ф. «Сердца четырех», русские народные «Тройка», «Степь», «Дороженька». Драматические кружки играли пьесы А.С. Грибоедова «Горе от ума», А.Н. Островского «Без вины виноватые», Ф.К.Сологуба «Беда от нежного сердца». Джаз-оркестр исполнял фокстроты, танго⁴²¹. В 1945 г. участники силам цеховой и клубной художественной самодеятельности завода № 235 было дано следующее количество концертов, спектаклей, вечеров отдыха⁴²².

Таблица 21. Мероприятия, организованные цеховой и клубной самодеятельностью завода № 235 в 1945 г.

Место проведения	Наименование мероприятий	Количество	Обслужено человек
В клубе им.Ленина	вечера отдыха	97	27710
	спектакли и концерты	134	42210
	в т.ч. художественной самодеятельностью	115	35100
	профессиональными артистами	19	7110
На стадионе завода	вечера отдыха	78	23043
	спектакли и концерты	16	6900
	в т.ч.художественной самодеятельностью	9	3900
	профессиональными артистами	7	3000
В клубе рабочего поселка № 1	вечера отдыха	97	14718
	концерты, спектакли	24	5445
	в т.ч. художественной самодеятельностью	11	2640
	профессиональными артистами	13	2805

⁴²¹ ЦГА УР. Ф.Р-785. Оп.5. Д. 6. Лл. 35 об, 36,36 об.

⁴²² Там же. Л.36 об.

В 1945 г. в художественной самодеятельности занимался только 1 % рабочих завода № 71⁴²³. В 1947 г. участники драматического кружка при клубе им. Ленина завода № 235 подготовили инсценировки пьес А.Е. Корнейчука «В степях Украины», К.М. Симонова «Под каштанами Праги», одноактные пьесы В.Е. Ардова: «Возвращение», «Случай в Грачевке», «Огни Москвы», «Настоящее счастье», «Баллада о неизвестном». Кроме того участники кружка художественного чтения подготовили для выступления стихи В.В. Маяковского «Во весь голос», «Черное и белое», Н.А. Некрасова «Русские женщины», «Размышления у парадного подъезда», К.М. Симонова «Открытое письмо», «Братское кладбище», А.Т. Твардовского «Василий Теркин», «Баллада о Москве»⁴²⁴. Изучение архивных материалов позволяет сделать вывод о том, что число участников художественной самодеятельности оставалось стабильным на протяжении нескольких послевоенных лет. Это можно объяснить совокупным влиянием следующих факторов: отсутствием потребности в самовыражении, низким культурным уровнем рабочих.

Часто культурно-массовая работа заключалась в организации посещений цирка, кино, наиболее посещаемые заведения культуры, где рабочие выступали как объект культурно-пропагандистского воздействия. В 1946 г. на заводе № 622 было организовано 18 коллективных выходов в государственный цирк, в которых участвовало 9845 человек, 89 походов в кино. Были просмотрены следующие фильмы на военно-патриотические темы: «Клятва», «Зоя», «Разгром Японии», «Радуга»⁴²⁵. В 1948 г. рабочие завода № 622 посмотрели балет «Бахчисарайский фонтан», спектакли «Русский вопрос», «Последняя жертва», кинокартину «Сказание о земле Сибирской». Участники цеховой самодеятельности подготовили к постановке пьесу А.П. Чехова «Медведь», поэму А.С. Пушкина «Цыгане»⁴²⁶. Посещение театра, кино, в конечном счете, не только повышало общий

⁴²³ Сост.: ЦГА УР. Ф. Р-1458. Оп. 3. Д. 3. Л.49; Ф. Р-845. Оп. 17 е. Д. 5. Л.15.

⁴²⁴ Там же. Ф.Р-785. Оп. 5. Д. 9. Л. 30.

⁴²⁵ Там же. Ф. Р-1458. Оп. 3. Д. 5. Л.5.

⁴²⁶ ЦГА УР. Ф. Р-1458. Оп. 3. Д. 5 Л.33.

культурный уровень рабочих, но и способствовало формированию новой культуры досуга.

Со стороны профсоюзных деятелей участию в коллективных мероприятиях противопоставлялось индивидуальное посещение культурных заведений, которое воспринималось как отрыв от коллектива: «Люди у нас неактивны. Когда бы не стал проводить культмассовый поход в театр или в кино, люди не идут, метят идти в одиночку...»(из выступления на общем профсоюзном собрании работников завода № 71 в 1950 г.)⁴²⁷.

В конце 1940-х годов произошло дальнейшее усиление вмешательства государства в сферу культуры. Постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам (1946-1948 гг.) оказали влияние не только на послевоенную идеологию, но и на все направления культурно-массовой работы. В докладной записке ВЦСПС в ЦК ВКП(б) от 18 мая 1947 г. подчеркивалось, что «культурно –массовая работа должна быть согласована с задачами социалистического строительства и наполнена соответствующим идеологическим содержанием»⁴²⁸. Постановление Президиума ВЦСПС от 30 августа 1947 г. выделило в качестве важнейшей задачей профсоюзных организаций «воспитание советской интеллигенции в духе советского патриотизма и преданности интересам Советского государства, в духе негибаемой воли и характера, *готовности в любых условиях и любой ценой защищать интересы и честь Советского государства*» (выделено мною – О.В.)⁴²⁹.

Программа патриотического воспитания включала в себя ряд положений: необходимость разьяснения превосходства советского строя над капиталистическим, что включало в себя борьбу с проявлением «раболепства и низкопоклонства перед иностранщиной», популяризацию «огромных достижений Советского государства за 30 лет его

⁴²⁷ Там же. Ф. Р-1467. Оп.3. Д. 271. Л. 82.

⁴²⁸ Профсоюзы СССР. Документы и материалы в 4-х т.1905-1963 гг. Т.3. Профсоюзы в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму. (1937-1952 гг.), М., 1963. С.602.

⁴²⁹ Там же. С. 608.

существования»⁴³⁰. Идея патриотизма нашла свое выражение в концепции исторического приоритета СССР во всех важнейших областях науки, техники и культуры. Это, безусловно, оказало влияние на работу заводских клубов на оборонных заводах. В 1947 г. были ликвидированы джаз-оркестры, постепенно из репертуара ансамблей и солистов начинают исчезать произведения западных композиторов.

На 10 съезде профсоюзов СССР, состоявшемся 27 апреля 1949 г., было принято решение об обязательном совместном утверждении культурно-массовыми комиссиями при завкомах профсоюзов и правлениями клубов текущих планов кружков и коллективов художественной самодеятельности⁴³¹.

Парткомы заводов критиковали руководство клубов за преобладание мероприятий развлекательно - коммерческого характера (танцевальные вечера) в ущерб лекциям, докладам. Руководству клубов было рекомендовано «не допускать срывов намеченных мероприятий, закрепить актив клубной самодеятельности, художественному совету клуба обращать внимание на повышение идеологического уровня клубного материала»⁴³². Многие рабочие отмечали, что клуб воспринимается молодежью, прежде всего, как развлекательное учреждение. Это можно расценивать как закономерную реакцию молодых людей на излишнюю политизированность общественной жизни. Рабочие в своих выступлениях подчеркивали недостаточность культурно-массовой работы в своих цехах: «В докладе указано, что при общежитиях восемь клубов, просим объяснить где?», «В докладе говорили, что проведено много чток газет и литературы, но я там живу – один раз или два были лекции и читки газет. Все преувеличено», «Завкомом приобретены радиолы и поставлены в отделах и цехах, а будут ли

⁴³⁰ Профсоюзы СССР. Документы и материалы в 4-х т. 1905-1963 гг. Т.3. Профсоюзы в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму. (1937-1952 гг.). М., 1963. С.608.

⁴³¹ Там же. С.410.

⁴³² ЦДНИ УР. Ф. 923. Оп.1. Д. 107. Лл.123-124.

приобретены пластинки?»(из вопросов, заданных 30 ноября 1948 г. 6 общезаводской конференции завода № 622)⁴³³.

Серьезные претензии предъявлялись и к организации досуга в домах отдыха: «Наш рабочий, проработав известный период времени, уходя в отпуск, хочет культурно провести его на курорте или в доме отдыха. Когда бываешь в доме отдыха, то кроме завтрака, обеда и ужина ничего там больше нет. Есть один гармонист Герман, который играет только от случая к случаю или вечером. Какие другие культурные развлечения имеются зимой или летом? Никаких нет. Летом ни одной лодки не найдете... Попробуйте там так культурно провести время, чтобы как следует отдохнуть, вы там не отдохнете как следует, а только испортите отдых.» (из выступлений 4 декабря 1949 г. на 8 заводской профсоюзной конференции завода № 74)⁴³⁴.

Рабочие на собраниях с горечью отмечали увеличение случаев недисциплинированности, общую разболтанность рабочих, безразличное отношение к работе, увеличение числа случаев соблюдения религиозных обрядов, потерю бдительности, безразличие. Звучали и такие высказывания: «Сейчас товарищи не военное время, сейчас мирное положение. Мы строим мир и хотим мира, в нашем Советском Союзе всего достаточно, всего вдоволь, а у нас нет фуфаяк, нет ботинок. Это говорит о том, что нет работы, нет заботы о рабочем классе»⁴³⁵. Все это можно расценивать как проявление симптомов общей моральной усталости, накопленной обществом за время войны.

Результатом культурно-просветительской работы выступает степень усвоения и претворения в жизнь теми, в отношении кого она была направлена, определенных норм и правил, то есть образ жизни. Образ жизни всегда представляет собой выражение достигнутого уровня культуры, которая охватывает все сферы общественной и индивидуальной

⁴³³ ЦГА УР. Ф. Р-1458. Оп. 3. Д. 7. Лл. 38, 39.

⁴³⁴ Там же. Ф.Р-543. Оп. 19. Д. 55. Л. 41.

⁴³⁵ Там же. Ф.Р-1467. Оп. 2. Д. 129. Л. 33.

жизнедеятельности (труд, быт, досуг, область мышления)⁴³⁶. В ряде случаев можно выделить появление среди рабочих маргинального слоя. Главной характерной чертой маргинального слоя выступает диспропорция между новым социальным статусом индивида (как рабочего, служащего, интеллигента) и неадекватной культурно-мировоззренческой базой, которая должна была обеспечить его новое социальное поведение и деятельность. Уход из мира крестьянской культуры и неосвоенность профессиональной городской, включенность из системы внешних коллективных регуляторов социального поведения и несформированность внутренних нравственных императивов – коренные характеристики маргинального слоя⁴³⁷.

Приток в город выходцев из деревни, пока его масштаб оставался более или менее сопоставимым с общей численностью городского населения, приводил к поддержанию своеобразного равновесия. С ростом городов масса людей, усвоивших основную систему городских культурно-бытовых привычек и запросов, неуклонно увеличивалась, и в то же время, «средняя высота», средняя «развитость» подобных привычек и запросов у городского населения, взятого в целом, сохранялась примерно на одном уровне⁴³⁸.

В докладной записке в ЦК ВЛКСМ о недостатках в материально-бытовом и культурном обслуживании молодых рабочих предприятий Наркомата вооружения СССР, расположенных в Удмуртской АССР, за 1945 г. сохранились интересные свидетельства оценки молодыми рабочими условий послевоенной жизни: «Часто ребята собираются возле крылечка, и, не зная популярных русских песен, поют частушки своего же сочинения: как например: «Хорошо в Ижевске жить, хорошо и весело, только маленькая ошибочка здесь – покушать нечего», или же: «На заводе мы работали, у мастера просились, отпусти, мастер, домой, лапти изнасились», «Мы в

⁴³⁶ Толстых В. И. Образ жизни. Понятие, реальность, проблемы. М., 1975. С. 21.

⁴³⁷ Кузьмин М. Н. Культурность населения советской России как фактор выбора политической модели // Формирование административно-командной системы. М., 1992. С. 128.

⁴³⁸ Гордон Л. А., Клопов Э. В., Оников Л. А. Черты социалистического образа жизни: Быт городских рабочих: вчера, сегодня, завтра. М., 1977. С. 132.

столовую пришли, там муку наделали, в самовар муку наклали, заваруху сделали»⁴³⁹.

Постепенно, как зафиксировано в докладных в Ижевский горком ВКП(б) по обследованию жилищно-бытовых условий и поведения жильцов общежитий завода № 71, в результате значительного числа вновь прибывших рабочих по оргнабору с «сомнительным прошлым и распущенных в быту» общежития начинали приобретать недопустимый для советского общества моральный облик. В качестве мер по исправлению сложившегося положения было предложено проводить проверку лиц, живущих в общежитии с выяснением их морального облика, выселять нарушителей правил общежития без предоставления жилплощади. В качестве варианта по предотвращению роста внебрачных союзов предложено «добиваться от молодого юноши или девушки здоровой хорошей взаимной дружбы между собой»⁴⁴⁰.

Часто досуг свой рабочие связывали с употреблением спиртных напитков. Это вызывало беспокойство представителей партийных организаций: «Подходит воскресенье, я спрашиваю у девчат, как вы завтра проведете выходной? – А вот браги наварила, завтра вечеринка. На этой вечеринке и хулиганство и все что угодно»; «На лекциях молодежи нет, а на танцах полно. Нередко молодежь пьянствует, подчас затягивается в религиозный омут. На пустых заграничных фильмах зрителей много, а на серьезных высокоидейных меньше. Ученики РУ и ФЗО ведут себя на улицах и на заводе чересчур резво, даже в присутствии своих мастеров и преподавателей, попадая на завод, плохо мирятся с дисциплиной, зачастую хуже, чем молодые рабочие пришедшие на завод помимо трудрезервов»⁴⁴¹. На заседании парткома завода № 235 24 марта 1950 г отмечалось: «

⁴³⁹ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп.1. Д. 4159. Л. 110.

⁴⁴⁰ Там же. Ф. 273. Оп.3. Д. 216. Л.46 об.

⁴⁴¹ Там же. Ф. 155. Оп. 3. Д. 115. Л. 29; Ф. 724. Оп.1. Д. 621. Л. 6.

Среди молодежи завода наблюдаются случаи пьянки, нарушения трудовой дисциплины и соблюдения религиозных обрядов»⁴⁴².

Соблюдение религиозных обрядов рассматривалось руководителями как неизменная составляющая девиантного поведения, включавшего в себя как нарушение трудовой дисциплины, так и употребление спиртных напитков. На основании протоколов заседаний парткомов заводов можно сделать вывод о сохранении среди определенной части рабочих религиозности, которая выражалась в выполнении обрядов, связанных с основными событиями человеческой жизни: рождением, вступлением в брак, смертью. Можно разделить рабочих по их отношению к религии на три основные группы: атеисты, сочувствующие и верующие. Атеисты достаточно неодобрительно восприняли тактическое изменение политики советского государства по отношению к русской православной церкви во время войны. Один из рабочих завода № 74 на IX партийной конференции, проходившей 5-6 февраля 1949 г., заявил: «Попы у нас активизируются... молодежь тянется туда. Хотите или не хотите, но мы работу не ведем»⁴⁴³.

Главную опасность в глазах советской власти представлял тот факт, что для определенной части населения соблюдение религиозных обрядов было нормой жизни. Трудно сказать о точном процентном соотношении соблюдающих религиозные обряды (прежде всего православных) и атеистами. Определенные выводы можно делать на основе анализа протоколов заседаний парткомов заводов, где разбирался каждый случай соблюдения коммунистом религиозного обряда. В 1948 г. секретарь партийной организации цеха № 5 завода № 235 И. В. Бирюков, член партийного комитета завода был снят с работы секретаря партийной организации и исключен из рядов ВКП(б) за то, что, «хоронив свою мать, воспользовался услугами попа для соблюдения религиозно обряда в местной церкви»⁴⁴⁴. Как правило, эти действия характеризовались как

⁴⁴² ЦДНИ УР. Ф. 923. Оп.1. Д. 294. Л. 26 об.

⁴⁴³ Там же. Ф.155. Оп.2. Д. 873. Л. 24 об.

⁴⁴⁴ Там же. Ф. 923. Оп. 1. Д. 218. Л. 30.

«антипартийный поступок». Рассмотрение личных дел об исключении из партии за совершение религиозного обряда позволяет сделать вывод, что смягчающим обстоятельством была малограмотность.

Основными мерами наказания за соблюдение религиозных обрядов были: выговор без занесения в учетную карточку, строгий выговор с предупреждением, исключение из членов ВКП(б). Обвинению подвергались и те коммунисты, которые не поставили в известность парторганизацию о соблюдении в их семье религиозного обряда⁴⁴⁵.

Что же касается беспартийных рабочих, то в отношении них трудно делать какие-то определенные выводы. Единственно можно предположить, учитывая то, что в основном в рассматриваемый период на заводах работала молодежь, т.е. не старше 20 лет и родившиеся в 20-е годы XX века. Их детство и юность пришлась на время проведения достаточно планомерной борьбы государства с церковью как институтом и активного проведения атеистической пропаганды. Хотя если говорить о доле исключенных из рядов ВКП(б) за соблюдение религиозных обрядов, то она была не велика. Из 38 человек, исключенных из партии на заводе № 74 в 1949 г., только 3 человека исключили за непартийное поведение, нарушение партийной этики(куда могло входить и соблюдение религиозных обрядов)⁴⁴⁶. В 1950 г. на заводе № 622 было исключено из партии 73 человека, 3 из них за соблюдение религиозных обрядов, 6 за морально-бытовое разложение, 16 за нарушение партийной и государственной дисциплины⁴⁴⁷.

Целью культурно-просветительской работы среди рабочих оборонных заводов было, прежде всего, формирование новых форм досуга и повышение общего культурного уровня рабочих. Основными организациями, проводившими целенаправленную культурно-просветительскую работу, были библиотеки, заводские клубы, кружки. Со временем происходит политизация досуговых форм культуры, которая выразилась в изменении

⁴⁴⁵ ЦДНИ УР. Ф. 443. Оп. 2. Д. 24. Л. 144.

⁴⁴⁶ Там же. Ф. 155. Оп. 2. Д. 873. Л.8.

⁴⁴⁷ Там же. Ф. 443. Оп. 2. Д.24. Л.146.

репертуарной политики кружков художественной самодеятельности, исчезновении произведений западноевропейских композиторов. Новыми формами досуга была охвачена лишь незначительная часть рабочих, в то время как подавляющая часть рабочих проявляла приверженность к традиционным формам проведения свободного времени.

Заключение

Заводы, расположенные в республике, были составной частью оборонного комплекса страны. Социально-экономические приоритеты развития республики в послевоенный период были связаны с дальнейшим развитием сферы ВПК. На предприятиях Министерства вооружения СССР, расположенных в республике, работала подавляющая часть всех рабочих, занятых в промышленном производстве республики.

Важность производимой продукции на предприятиях Министерства вооружения СССР, сосредоточение на них значительной доли всего промышленно-производственного персонала республики, наличие на заводах крупнейших партийных организаций предопределили то значение, которое придавалось партийно-государственным аппаратом обеспечению необходимых условий для работы заводов. Вопросы обеспечения работы заводов Министерства вооружения СССР, социально-экономическое положение рабочих были постоянным предметом внимания партийных структур: парткомов заводов, райкомов, горкомов ВКП(б), Удмуртского обкома ВКП(б), КПК при ЦК ВКП(б) и ЦК ВКП(б).

Окончание войны связывалось для населения страны с ожиданием перемен, повышением качества жизни. Между тем, несмотря на то, что одной из задач четвертого пятилетнего плана было поднятие благосостояния населения, внешнеполитические реалии послевоенных лет поставили перед руководством страны необходимость решения задач преодоления монополии США на обладание атомным оружием.

Сосредоточение в республике в основном предприятий тяжелой промышленности в ущерб предприятиям легкой промышленности привело к значительному разрыву между производством и уровнем потребления населения. Одним из вариантов преодоления сложившейся ситуации стало развитие социально-бытовой инфраструктуры предприятий, которые

сосредоточили в себе не только снабжение и распределение продовольствия, но и ведение жилищного строительства, медицинские учреждения.

Основная работа по реализации социальной политики на предприятиях была возложена на заводские комитеты профсоюзов, которая осуществлялась путем создания специальных комиссий при завкомах профсоюзов: жилищно-бытовой, занимавшейся обследованием и выявлением жилищно-бытовых нужд рабочих, контролировавшей ремонт жилищного фонда, распределявшей ссуды на индивидуальное жилищное строительство), комиссии по рабочему снабжению (контролировала торговую сеть общественного питания через сеть общественных контролеров), огородной комиссии. Оборонные предприятия, профсоюзы проводили адресную политику помощи таким категориям рабочих, как инвалиды и участники Великой Отечественной войны, подростки, выпускники ФЗО и РУ, беременные и кормящие матери. Для них организовывался бесплатный отдых, в том числе и санаторно-курортное лечение, предоставлялись путевки в детские сады и лагеря, выделялась денежная помощь. Сохранение на предприятиях значительной доли женского труда потребовало принятия ряда мер по улучшению положения женщин, в том числе беременных, кормящих грудью и многодетных матерей. Помимо этого заводские комитеты профсоюзов проводили культурно-массовую работу, организовывали работу художественной самодеятельности.

В первые послевоенные годы произошло сокращение численности работающих на заводах Министерства вооружения СССР, расположенных в республике. Это было следствием реэвакуации, ухода с предприятий мобилизованных рабочих. Предприятия республики испытывали значительные трудности в процессе перепрофилирования производства на выпуск гражданской продукции. Начиная с 1947 г. происходит процесс постепенного свертывания конверсии, и предприятия республики начинают осваивать новейшие виды вооружений. Высокая текучесть рабочей силы в первые послевоенные годы вызывалась сохранением на предприятиях

значительной доли подсобных цехов, в которых уровень заработной платы был гораздо ниже, чем в основных цехах заводов.

В основе государственной политики трудовых отношений в 1945–1950 гг. лежало не только обеспечение промышленного производства необходимой рабочей силой, но и закрепление сложившихся за годы войны пропорций в распределении рабочей силы – введения ряда льгот для рабочих и служащих восточных районов СССР. Трудовое законодательство послевоенного периода в своей основе сохраняло ряд базовых элементов мобилизационной модели трудовых отношений военного времени: уголовно-правовые меры наказания за нарушение трудовой дисциплины, полупринудительные формы привлечения рабочей силы на производство. Наряду с этим намечается переход к модели развития трудовых отношений в условиях мирного времени: были восстановлены очередные и дополнительные отпуска, отменены обязательные сверхурочные работы.

Произошла частичная децентрализация структур, регулирующих трудовые ресурсы. В 1946 г. было ликвидировано Бюро по распределению рабочей силы при Совете Министров СССР, которое во время войны сосредоточило в себе функции распределения трудовых ресурсов. Происходил переход от принудительных форм привлечения рабочей силы на производство к системе свободного найма с сохранением ряда промежуточных форм в виде использования на производства выпускников ФЗО и РУ и проведения организованного набора рабочей силы среди сельского населения. Министерство трудовых резервов СССР сосредоточило в себе обязанности как распределения этих категорий работающих, так и контролировало выполнение предприятиями своих социальных обязательств перед выпускниками ФЗО и РУ и прибывшими в порядке проведения организованного набора рабочей силы. Постепенный отход от основных составляющих трудовых отношений военного времени: принудительного привлечения рабочей силы на производства, нормализация режима рабочего времени потребовало принятие следующего логического шага – замены

уголовно-правовые меры наказаний за нарушение трудовой дисциплины мерами дисциплинарного и общественного воздействия. Необходимость принятия этого решения диктовалась следующими соображениями: произошла нормализация ситуации с текучестью рабочей силы, уменьшилась доля самовольно ушедших с предприятий, прежде всего за счет ухода с предприятий эвакуированных и мобилизованных. К тому же, отмена Указов 1940, 1941 гг. вызывалась политическими соображениями, а именно необходимостью продемонстрировать готовность производства функционировать в условиях мирного времени.

В целом, государственная политика трудовых отношений демонстрирует определенную тактическую гибкость. В годы войны необходимость возвращения на производство значительной доли дезертиров производство повлекло за собой объявление амнистии в 1944 г. На основе изучения архивных материалов можно сделать вывод, что группа дезертиров производства была одним из источников пополнения рабочей силы оборонных заводов в первый послевоенный год. Необходимость сохранения на предприятиях в послевоенный период эвакуированных и мобилизованных рабочих повлекло за собой принятия комплекса социальных, экономических, политических мер, которые не принесли желаемого результата.

За годы войны произошло значительное увеличение численности городского населения, что привело к значительной нагрузке на жилищно-коммунальное хозяйство города. В годы войны заводы практически не вели жилищного строительства, между тем численность рабочих и служащих заводов значительно увеличилась. Необходимо было размещать эвакуированных, мобилизованных, выпускников ФЗО и РУ. Единственным способом стало проведение уплотнения в общежитиях и домах заводов. На ряде заводов койки заменяли нарами, вводили двухъярусную систему кроватей. В результате средняя площадь на одного человека в жилых домах завода составляла 4,7 кв.м., а в общежитиях – 2,4 кв.м. В комнатах общежитиях проживало до 28-30 человек. Жилой фонд заводов был в

достаточно плохом состоянии: в основном он состоял из каркасно-засыпных бараков (жилья упрощенного типа), в ряде случаев сохранялись так называемые «бараки-крыши». Каменные дома составляли незначительную долю жилого фонда.

Одним из вариантов решения жилищной проблемы стало поощрения индивидуального строительства. Заводы выделяли индивидуальным застройщикам денежные ссуды, но общее число застройщиков было невелико. Основной причиной этого была нехватка строительных материалов.

В послевоенные годы заводы вели жилищное строительство, но количество вводимой жилой площади не могло обеспечить всех нуждающихся в ней. К тому же заводы были вынуждены производить снос ветхого жилья, требующего постоянного капитального ремонта. К концу 1940-х годов жилой фонд заводов УАССР по сравнению с 1945 г. уменьшился, назрела необходимость кардинального решения жилищной проблемы, что было невозможно без пересмотра партийно-государственным руководством страны приоритетов в социально-экономическом развитии, осознания важности развития социальной сферы.

К концу 1940-х годов наметился ряд положительных тенденций: началось строительство благоустроенных домов с канализацией, отоплением, водоснабжением, но их доля в общей структуре жилого фонда заводов была крайне незначительна, к тому же возможность получения квартиры в таких домах была только у руководящего состава заводов. Началось благоустройство общежитий: в комнатах теперь могло проживать не более пяти человек, менялся интерьер комнат, более строгим стал контроль над санитарным состоянием общежитий.

В первые послевоенные годы власти республики столкнулись с опасностью возникновения эпидемии остроинфекционных заболеваний: сыпного, брюшного тифа, дизентерии. Основными факторами, провоцирующими появление и рост числа заболевших, стали:

неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая ситуация в республике: отсутствие канализации, нерегулярная работа бань и прачечных, вызванная перебоями с топливом, плохая работа городских коммунальных служб, не справлявшихся с очисткой городов; высокая плотность проживания в общежитиях, низкий уровень бытовой гигиены, общая ослабленность людей. Особенно опасной с точки зрения властей был рост заболеваний среди работающих на оборонных заводах республики. С начавшейся эпидемией удалось справиться за счет создания при СНК УАССР чрезвычайной противозидемической комиссии, обеспечивавшей контроль над проведением весенней очистки городов, ремонтом и очисткой колодцев и ключей, организацией карантинного режима для вновь прибывающих в общежития; введением дополнительной санитарной обработки рабочих. Анализ структуры заболеваемости рабочих позволяет выявить доминирование среди основных причин временной нетрудоспособности остроинфекционных заболеваний (грипп) и кожных заболеваний, которые вызывались рядом причин: несоблюдением теплового режима на предприятиях, недостатком специальных средств защиты кожи, спецодежды, несбалансированным рационом питания рабочих, отсутствием в нем достаточного количества белков и витаминов, частыми случаями употребления пищевых суррогатов, хроническим недоеданием и общим ослаблением защитных функций организма. Сохранение значительной доли ручного труда, перепрофилированием производственных операций в связи с проведением на производстве конверсии, значительное обновление рабочей силы и приход на производство людей, незнакомых со спецификой производственных процессов, недостаточное внимания администрации заводов к охране труда на производстве приводили к частым случаям производственного травматизма. Государство демонстрирует стремление улучшить тяжелые условия труда, что нашло свое выражение в возобновлении с 1949 г. практики заключения трудовых договоров между администрацией предприятий и фабрично-заводскими профсоюзами.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что администрация предприятий часто не выполняла свои обязательства по улучшению условий труда.

На протяжении исследуемого периода произошел переход от нормированного распределения продовольствия к свободной продаже продуктов. В условиях существования карточной системы при ограниченном запасе продовольственных фондов был обеспечен гарантированный минимум снабжения рабочих, занятых в оборонной промышленности страны. При предприятиях создавались отделы рабочего снабжения, в ведение которых были магазины, столовые, подсобные хозяйства.

ОРСы предприятий имели три источника снабжения: государственные централизованные фонды, децентрализованные заготовки (закупка заготовительными отделами ОРСов продовольствия у колхозов, совхозов и колхозников), и собственные подсобные хозяйства предприятий. Анализ архивных материалов позволяет утверждать, что продукция, произведенная в подсобных хозяйствах, имела высокую себестоимость. Несмотря на то, что снабжение ОРСов заводов Наркомата вооружения СССР в основном осуществлялось за счет централизованных фондов, государство подчеркивало важность децентрализованных фондов в процессе обеспечения дополнительных источников питания. Важной задачей ОРСов была организация системы общественного питания, которое было дифференцированным. Наиболее лучшими и качественными продуктами обеспечивались стахановцы производства и социально-незащищенные слои рабочих.

Обеспечение бесперебойного функционирования снабженческо-распределительного механизма происходило с затруднениями, частыми проблемами были неполное отоваривание карточек, значительный рост хищений в системе ОРСов.

Одним из каналов получения продовольствия для рабочих было занятие огородничеством и животноводством. Важную роль в распространении

агрономических знаний, продаже семян, сельскохозяйственного инвентаря сыграли заводы. В основном выращивали картофель. Рост желающих заниматься огородничеством сдерживался отсутствием в пригородах Ижевска и Воткинска свободных земельных площадей, к тому же в 1949 г. Совет Министров СССР, опасаясь того, что огородничество может приобрести товарный характер, принял постановление об обложении сельскохозяйственным налогом земельных участков индивидуальных огородников, превышающие 0,15 га.

В условиях отмены карточной системы государство не смогло обеспечить гарантированный минимум продовольственного снабжения рабочих промышленности. В магазинах не было создано необходимого запаса товарных фондов для обеспечения бесперебойной торговли, что приводило к возникновению очередей. К тому же в 1948 г. была ликвидирована значительная часть ОРСов оборонных заводов республики, а принадлежавшие им магазины и склады переданы городским торговым организациям. Отмена карточной системы и ликвидация отделов рабочего снабжения привела к тому, что рабочие оборонных заводов при значительных перебоях в поступлении в республику централизованных продовольственных фондов стали обеспечиваться продовольствием на общих условиях с остальными категориями горожан, что объективно способствовало ухудшению материально-бытового положения рабочих.

Великая Отечественная война оказала огромное влияние на настроения рабочих. Так, с одной стороны, с окончанием войны, с началом мирного времени были связаны надежды на улучшение жизни. С другой стороны, население было склонно связывать все происходящие трудности с подготовкой государства к началу новой войны, тем самым в глазах людей оправдывалась целесообразность перенесения трудностей.

Значительная работа проводилась, связанная с освещением основных событий внутренней и внешней политики СССР, распространением научно-просветительских знаний. Ее основными формами были беседы, лекции,

организации газетных витрин, стенных газет. Постепенно основной акцент в просветительской работе среди рабочих оборонных заводов переносится с общеобразовательной на политическую тематику. В ряде случаев происходившие в стране социально-экономические события, такие как причины повышения пайковых цен осенью 1946 г. и др., не получали должного освещения со стороны официальных источников получения информации. В этом случае, большое значение приобретала межличностная вербальная коммуникация, которая, как правило, связывала возникающие трудности с проведением государством подготовительных мероприятий к новой войне.

Анализ высказываний рабочих, заданных вопросов лекторам демонстрирует достаточно высокий уровень тревожности в обществе, которая провоцировалась спецификой работы на оборонных заводах, связанной с секретностью. Призывы к повышению бдительности, поиску внутренних врагов были постоянным рефреном общественной жизни 1940-х годов. На партийных и профсоюзных заводских собраниях часто поднимались темы невнимания администрации заводов к нуждам рабочих. В своих письмах во властные инстанции рабочими излагались факты нарушения своих прав, злоупотребления служебным положением руководящим составом завода

Основной целью проводимой культурной работы было повышение общего культурного уровня рабочих, формирование новой досуговой сферы: посещение спектаклей, концертов, чтение художественной литературы, занятия художественной самодеятельностью. Сфера досуга испытала на себе идеологическое воздействие, что выразилось в изменении репертуарных планов кружков, вытеснении произведений западноевропейских композиторов. Анализ архивных материалов позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на значительный охват рабочих такими массово-организуемыми мероприятиями как походы в кино, спектакли,

число желающих самостоятельно повышать свой культурный уровень было незначительным.

На социально-экономическое положение рабочих оборонных заводов республики оказывали влияние множество факторов, способствовавшие как улучшению, так и ухудшению качества жизни. Среди них можно выделить более высокий уровень заработной платы, медико-санитарного обслуживания, улучшенное снабжение рабочих продовольствием в условиях существования карточной системы. Необходимо отметить, что более высокий социально-экономический статус рабочих оборонной промышленности носил лишь относительный характер в сравнении с крайне низким уровнем жизни остальных категорий населения в послевоенный период. Отмену карточной системы в 1947 г., обеспечивавшей приоритетное снабжение продовольствием рабочих оборонной промышленности, можно рассматривать как утрату рабочими одного из показателей привилегированного положения рабочих заводов Министерства вооружения СССР. К тому же социальная инфраструктура предприятий нуждалась в значительном финансировании, особенно это касалось жилищной сферы. Выбор приоритетов послевоенного экономического развития в пользу развития промышленности, необходимость вложения колоссальных материальных ресурсов в реализацию атомного проекта СССР отодвинули решение социальных проблем на второй план, и реализация комплекса мероприятий, направленных на качественное улучшение социально-бытовых условий жизни и труда населения, осуществлялась лишь после завершения восстановительного периода.

Список использованных источников и литературы

Неопубликованные источники

Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР):

- Ф. Р-89.** Совет профессиональных союзов УАССР. Оп. 3. Д. 13, 46.
- Ф. Р-177.** Ижевский городской Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет. Оп. 5. Д. 27, 29, 31, 32, 33, 37, 38, 40, 42.
- Ф. Р-543.** Завод № 74. Оп. 18. Д. 479, 594; Оп.19. Д. 39, 55
- Ф. Р-551.** Совет Министров УАССР. Оп.1. Д. 65, 71, 75, 76, 77, 80; Оп. 2. Д. 348, 366, 691, 767, 793.
- Ф. Р-755.** Переселенческий отдел при Совнарком Удмуртской АССР, г. Ижевск УАССР, (1941 г.–1948 г.). Оп. 1. Д. 226; Оп. 3. Д. 4, 5, 6.
- Ф. Р-785.** Завод № 235. Оп. 1. Д. 323; Оп. 3. Д. 228, 244, 270, 368; Оп. 5. Д. 4, 5, 6, 9, 17; Оп. 9. Д. 289 а.
- Ф. Р-845.** Статистическое управление Удмуртской АССР. Оп. 7. Д. 9, 11, 13, 15, 17, 19, 25.
Оп.17е. Д. 5, 10.
- Ф. Р-906.** Бюро по учету и распределению рабочей силы при СНК УАССР. Бюро по учету и распределению рабочей силы при Совете Министров Удмуртской АССР(1944-1947гг.). Оп. 1. Д. 1, 2, 5, 6, 8.
- Ф. Р-1135.** Управление Совета Министров УАССР по труду, Удмуртская республиканская контора по организованному набору рабочих Главного управления организованного набора рабочих Министерства трудовых резервов СССР (21.10.1948-21.05.1953). Оп. 1. Д. 20, 23.
- Ф. Р-1143.** Удмуртская республиканская санитарно-эпидемиологическая станция Министерства здравоохранения Удмуртской АССР. Оп. 1. Д. 13.
- Ф. Р-1276.** Завод № 524. Оп. 3. Д. 9.

Ф. Р - 1467. Завод № 71. Оп. 2. Д. 4, 12 а, 13, 129; Оп. 3с. Д. 252, 271, 325, 359, 399.

Ф. Р - 1458. Завод № 622. Оп. 2. Д. 430, 431, 460, 497, 551, 553, 574, 621, 623, 712, 716, 765, 848, 850, 943; Оп. 3. Д. 3, 5, 7.

Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики

Ф. 16. Удмуртский обком КПСС.

Оп. 1. Д. 4039, 4415, 4150, 4159, 4395, 4414, 4431, 4558, 4468, 4562, 4533, 4537, 4579, 4716, 4740, 4772, 4819, 4853, 4859, 4925, 4927, 4928, 4930, 4950, 5064, 5099, 5116, 5203, 5221, 5226, 5374, 5413, 5675, 5813, 5838, 6079, 6296, 6382.

Оп. 4. Д. 564.

Ф. 155. Партком завода № 74. Оп. 2. Д. 582, 755, 873; Оп. 3. Д. 115.

Ф. 228. Уполномоченный комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по УАССР. Оп. 1. Д. 70, 71, 82, 87, 89, 90, 92, 93.

Ф. 273. Партком завода № 71. Оп. 3. Д. 22, 34, 51.

Ф. 306. Партком завода № 524. Оп. 2. Д. 3, 4, 5.

Ф. 443. Партком завода № 622. Оп. 2. Д. 1, 24.

ф. 724. Воткинский горком КПСС. Оп. 1. Д. 294, 307, 319, 389, 437, 438, 485 534, 564, 617, 621, 623; Оп. 4. Д. 564.

Ф. 923. Партком завода № 235. Оп. 1. Д. 107, 121, 294.

Опубликованные источники

1. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, 1917-1957 гг. Сборник документов в 4 т. Т. 3. 1946–1952 гг. М.: Госполитиздат, 1958. – 704 с.

2. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 8. 1946–1955. М.: Политиздат, 1985. – 542 с.
3. Народное хозяйство СССР.1922–1972.–М.: Статистика, 1972. – 848 с.
4. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. – М.:Статистика,1987. – 471 с.
5. Народное хозяйство Удмуртской АССР. Статистический сборник.- Ижевск: ЦСУ СССР, Статистическое управление УАССР, 1957. – 135 с.
6. Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г.–1953 г. Т.3 /Сост. А.А. Кулаков, В.В. Смирнов, Л.П. Колодникова. – Москва: институт Российской истории РАН, 2005. – 1080 с.
7. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР.1945–1953. Составители О.В. Хлевнюк. – М.: Росспэн,2002. – 656 с.
8. Промышленность и рабочий класс СССР, 1946–1950: Документы и материалы / АН СССР, Ин-т истории СССР. Отв. ред. М.И. Хлудов. – М.: Наука, 1989. – 386 с.
9. Профсоюзы СССР. Документы и материалы в 4-х т. 1905–1963 гг. Т.3 Профсоюзы в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму(1937-1952гг.) – М. :Издательство ВЦСПС Профиздат,1963–752 с.
10. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет. В 5 т. Т. 3, 1941-1952 гг. / Сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. – М.: Политиздат, 1968. – 751 с.
11. Сборник важнейших законов и постановлений о труде. – М.: Издательство ВЦСПС Профиздат, 1959. – 253 с.
12. УАССР за 50 лет. Статистический сборник. – Ижевск: Удмуртия, 1970. – 195 с.
13. Удмуртская АССР за годы советской власти. Статистический сборник. Ижевск: ЦСУ РСФСР, Статуправление УАССР, 1967. – 195 с.

14. Хрестоматия по истории Удмуртии в 2 т. Т. 2. Документы и материалы. 1917-2007 / Сост. О.И. Васильева, науч. ред. Л.Н. Бехтерева, К.И. Куликов. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2007. – 769 с.

Список использованной литературы

1. Алексеев, В.В. Букин С.С. Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства социализма / В.В. Алексеев, С.С. Букин. – Новосибирск: Наука, 1980. – 216 с.
2. Андреев, Е.М. Демографическая история России. 1927–1957 / Е.М. Андреев, Е.Л. Дарский, Г.Л. Харьков. – М.: Информатика, 1998. – 187 с.
3. Андриянов, В.И. «Слухи» как социальный феномен / В.И. Андриянов, В. К. Левашов, А.Г. Хлопьев // Социологические исследования. – 1993. – № 1. – С. 82-88.
4. Антуфьев, А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны / А.А. Антуфьев. – Екатеринбург: УрО РАН, Ин-т истории и археологии, 1992. – 336 с.
5. Антуфьев, А.А. Материальное благосостояние рабочего класса Урала в годы Великой Отечественной войны / А.А. Антуфьев // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). – Свердловск, 1981. – С. 82-101.
6. Барабанов, В.А. Конверсия российского ВПК: исторический опыт и проблемы / В.А. Барабанов // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 1. – С. 196-210.
7. Барулин, В.С. Российский человек в XX веке. Потери и обретения себя / В.С. Барулин. – СПб: Алетейя, 2000. – 431 с.
8. Беда, А.М. Советская политическая культура сквозь призму МВД: От «московского патриотизма» к идее «Большого Отечества» (1946–1958) / А. М. Беда. – М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 2002. – 272 с.

9. Безбородов, А.Б. Власть и ВПК в СССР в сер. 1940-х – сер. 1970-х гг./ А.Б. Безбородов // Советское общество: будни холодной войны. – М., 2000. – С. 51-65.
10. Богданова, Е.А. Советская традиция правовой защиты или в ожидании заботы / Е.А. Богданова // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 39. – С.76-83.
11. Борьба партии и рабочего класса за восстановление и развитие народного хозяйства СССР (1943–1950 гг.) / Б.И. Гвоздев, В.З. Дробижев и др. – М: Мысль, 1978. – 324 с.
12. Буторин, В.П. Культура советского общества: некоторые вопросы актуализации исторического исследования / В.П. Буторин // Культура и быт рабочих Сибири в период строительства социализма. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 3-12.
13. Быстрова, И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-е –1980-е гг.: экономические аспекты развития / И.В. Быстрова // Экономическая история: Ежегодник.2003. – М.,2004. – С. 234-248.
14. Быстрова, И.В. Военно-экономическая политика СССР: от «демилитаризации» к гонке вооружения / И.В. Быстрова // Сталинское десятилетие холодной войны. – М.,1999. – С. 66-75.
15. Васильев, А.В. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны.1941–1945 / А.В. Васильев. – М.: Наука,1982. – 279 с.
16. Вашук, А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке. (Середина 40-х–80е гг. XX в.)/А.С. Вашук. – Владивосток: Дальнаука, 1998. – 211 с.
17. Вдовин, А.И. К изучению направлений социальной политики и социального развития советского общества / А.И. Вдовин // Вестник МГУ.– Серия «История». – 1981. – № 2. – С. 12-20.
18. Вербицкая, О.М. Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х– начало 60-х годов/ О.М. Вербицкая. – М.:Наука,1992. – 222 с.

19. Вишневский, А.Г. Демографические процессы в СССР / А.Г. Вишневский // Вопросы философии. – 1973. – № 2. – С. 23-34.
20. Вишневский, А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР/ А.Г. Вишневский. – М.: ОГИ,1998. – 432 с.
21. Вознесенский, Н.А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны / Н.А. Вознесенский. – М.: ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы,1947. – 192 с.
22. Волков, И.М. Засуха, голод 1946–1947 гг. / И.М. Волков // История СССР. –1991. – №4. – С. 3-19.
23. Волков, Ю.Е. Рогозин В.З. Вопросы социальной политики КПСС / Ю.Е. Волков, В.З. Роговин. – М.: Политиздат,1981. – 286 с.
24. Горлов, В.Н. Советские общежития рабочей молодежи / В.Н. Горлов // Отечественная история. – 2004. – № 5. – С. 177-181.
25. Данилов, А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы / А.А. Данилов, А.В. Пыжиков. – М.: РОССПЭН,2001.– 304 с.
26. Двойнишников, М.А., Широков В.Г. Восстановление и развитие народного хозяйства СССР – великий подвиг партии и народа, 1946–1955 / М. А. Двойнишников, В.Г. Широков. – М.: Высшая школа,1967. – 114 с.
27. Денисевич, М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале.(1930–1955) / М. Н. Денисевич. – Екатеринбург: УрО РАН, Институт истории и археологии, 1991. – 195 с.
28. Докучаев, Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в послевоенные годы.(1946-1950) / Г.А. Докучаев. – Новосибирск: Наука, 1972. – 212 с.
29. Ежов В.А. Рабочие Ленинграда в послевоенные годы (1946–1950) / В.А. Ежов.– Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. – 119 с.
30. Емелин, А.С. Правовые основы превращения СССР в единый военный лагерь в годы Великой Отечественной войны / А.С. Емелин // Советское

государство и право в годы Великой Отечественной войны. – М.: МЮИ МВД России, 2000.–145 с.

31. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное / В.Б. Жиромская.–М.: РОССПЭН, 2001. – 280 с.

32. Захарченко, А.В. Социально-бытовой аспект жизни рабочих авиационных заводов Поволжья в годы Великой Отечественной войны / А.В. Захарченко // Отечественная история. – 2005. – №2. – С. 81-86.

33. Зима, В.Ф. Второе раскулачивание (аграрная политика конца 40-х - начала 50-х годов) / В.Ф. Зима // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 109-125.

34. Зима, В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождения и последствия / В.Ф. Зима. – М.: РАН. Ин-т рос. истории. 1996. – 265 с.

35. Зима, В.Ф. Послевоенное общество: голод и преступность (1945–1946) / В.Ф. Зима // Отечественная история. – 1995. – № 5. – С.45-59.

36. Зима, В.Ф. Социология бесправия. Реакция сталинской юстиции на голод в СССР в 1946-1947 гг. / В.Ф.Зима // Социологические исследования. –1999. – № 2. – С. 87-98.

37. Зубкова, Е.Ю. Историки и очевидцы: два взгляда на послевоенную историю / Е.Ю. Зубкова // Свободная мысль. – 1995. – № 6. – С. 106-117.

38. Зубкова, Е.Ю. Мир мнений советского человека (1945-1948): По материалам ЦК ВКП(б) / Е.Ю.Зубкова // Отечественная история. – 1998. – № 3. – С. 25-39.

39. Зубкова, Е.Ю. Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 г. / Е.Ю. Зубкова // Отечественная история. – 1995. – № 3. – С. 90-100.

40. Зубкова, Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953 годы / Е.Ю. Зубкова. – М.: РОССПЭН,2000.– 229 с.

41. Зубкова, Е.Ю. Сталин и общественное мнение в СССР 1945–1953 гг. / Е.Ю.Зубкова // Сталинское десятилетие холодной войны. – М.,1999. – С. 274-290.

42. Иванов, В.С. Партийные и профсоюзные организации Удмуртии в борьбе за обеспечение городского населения продуктами питания в годы Великой Отечественной войны / В.С. Иванов // Социально-экономическое развитие Удмуртии в период социализма. Межвузовский сборник статей.– Ижевск, 1977. – С. 91-102.
43. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. (в 6 томах). Т.6. Итоги Великой Отечественной войны — М.: Воениздат, 1965. – 652 с.
44. История Коммунистической партии Советского Союза: в 6 т. Т. 5. Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества. 1938–1959 гг. Кн.2. (1945-1959гг.) / Гл. ред. П.Н.Федосеев – М.: Политиздат, 1980. – 691 с.
45. История народного хозяйства Урала (1946-1985): в 2 ч. Ч.2.– Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 256 с.
46. История советского рабочего класса: в 6 т. Т. 4. Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945-1960 гг. / Гл. редкол.: С.С.Хромов (гл. ред.) и др.; – М. : Наука, 1987. – 519 с.
47. История социалистической экономики СССР: в 7 т. Т. 6. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма, 1946-начало 1960-х гг.– М.: Наука, 1980.–589 с.
48. История СССР с древнейших времен до наших дней: в 12 т. Т.11. Советский Союз на пути к развитому социализму 1945–1961 гг. / АН СССР. Ин-т истории; Гл.ред.совет Б.Н. Пономарев, Ц.П. Агаян, С.Я. Афтенюк и др.; Ред.кол. И.Б. Берхин (отв. ред.)и др. – М.: Наука, 1980. – 652 с.
49. История Удмуртии: XX век / Под ред. К.И. Куликова. – Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и лит. УрО РАН, 2005. – 544 с.
50. Исупов, В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.) / В.А. Исупов. – Новосибирск: Наука, 1991. – 288 с.

51. Кваша, А.Я. Демографические потери СССР во второй мировой войне / А.Я. Кваша // Вестник МГУ. – Серия «Экономика». – 1993. – № 4 – С. 38-47.
52. Кваша, А.Я. Младенческая смертность в России в XX веке / А.Я. Кваша // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 47-55.
53. Киселев, И.Я. Трудовое право в тоталитарном обществе (из истории права XX века) / И.Я. Киселев. – М.: ИНИОН РАН, 2003. – 81 с.
54. Кнышевский, П.Н. Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов / П.Н. Кнышевский // Вопросы истории. – 1994. – № 2. – С. 53-65.
55. Козлов, В.И. Динамика населения СССР (общий и этнодемографический обзор) / В.И. Козлов // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 3-17.
56. Корнилов, Г.Е. Колхозная торговля на Урале в условиях Великой Отечественной войны / Г.Е. Корнилов // Отечественная история. – 1994. – № 2. – С. 186-193.
57. Кравченко, Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Г.С. Кравченко. – 2-е перераб. и доп. изд. – М.: Экономика, 1970. – 391 с.
58. Крючков, М.Т. Рабочий класс Урала в послевоенные годы (1946–1958) / М.Т. Крючков. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 260 с.
59. Кузнецов В.Н. Общественно-политическая жизнь в закрытых городах Урала (вторая половина 1940-х – первая половина 1950-х гг.) Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.
60. Кузнецов, В.Н. Атомный проект за колючей проволокой / В.Н. Кузнецов. – Екатеринбург: Полиграфист, 2006. – 320 с.
61. Кузнецов, В.Н. Цена свободы – атомная бомба / В.Н. Кузнецов. — Екатеринбург: Акад. воен.-ист. наук, Урал. отд-ние, 2005. – 272 с.
62. Кузнецова, Н.В. Восстановление и развитие экономики Нижнего Поволжья в послевоенные годы. (1945–1953) / Н. В. Кузнецова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. – 292 с.

63. Кузьмин, М.Н. Культурность населения советской России как фактор выбора политической модели / М.Н. Кузьмин // Формирование административно-командной системы. – М., 1992. – С. 116-132.
64. Лаппо, Г.М. Результаты урбанизации России к концу XX века / Г.М. Лаппо, П.М. Полян // Мир России.– 1999. –№ 4.– С. 35-47.
65. Лельчук, В.С. Послевоенная конверсия / В.С. Лельчук, М.А. Молодцыгина // СССР и холодная война. – М., 1995. – С. 56-71.
66. Лысикова, О.В. «Каждый трудящийся имеет право на отдых» Услуги советских курортов послевоенного периода / О.В. Лысикова// Советская социальная политика: сцена и действующие лица, 1940–1985.–М., 2008.–С. 194-217.
67. Любимов, А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны / А.В. Любимов. – М.: Экономика, 1968. – 231 с.
68. Малафеев, А.Н. История ценообразования в СССР (1917–1963) / А.Н. Малафеев. – М.: Мысль, 1964. – 439 с.
69. Мельникова Н.В. Формирование менталитета населения закрытых городов Урала (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001.
- Меерович, М.Г. Власть и жилище (жилищная политика в СССР в 1917-1940 гг.) / М.Г. Меерович // Вестник Евразии. – №1.– 2003. –С. 5 – 66.
70. Митрофанова, А.В. Развитие рабочего класса в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму (1938–1961) // Формирование и развитие советского рабочего класса (1917–1961). – М., 1964. – С. 44-56.
71. Мотревич, В.П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны / В.П. Мотревич. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 195 с.
72. Население России в XX веке: исторические очерки. В 3-х т. Т.2. 1940-1959/ под ред. В. Жиромской, Ю. Полякова. – М.: РОССПЭН, 2001. – 416 с.

73. Негин, Е.А. Советский атомный проект. Конец атомной монополии. Как это было / Е.А. Негин, Л.П. Голеусова, Г.Л. Куличков и др. – Н.Новгород-Арзамас-16: Изд-во Нижний Новгород, 1995. – 205 с.
74. Нежинский, Л.Н. Власть и внешняя политика Советского государства в послевоенные десятилетия / Л.Н. Нежинский // Советское общество: будни холодной войны: Материалы «круглого стола», Институт Российской истории РАН, 29 марта 2000 г.- Москва – Арзамас, 2000. – С. 56-75.
75. Основные проблемы истории упрочения и развития социализма в СССР : конец 1930 - нач. 1960 г.: в 2-х т. Т.1. Защита завоеваний социализма. Его новые достижения. Конец 1930-х–1950 г. – М.: Наука.– 1984.–285с.
76. Осокина, Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 гг. / Е.А. Осокина. – М.:РОССПЭН, 1998. – 272 с.
77. Осокина, Е.А. Люди и власть в условиях кризиса снабжения. 1939–1941 годы / Е.А. Осокина // Отечественная история. – 1995. – № 3. – С. 16-32.
78. Отечественный военно-промышленный комплекс и его историческое развитие / под редакцией О.Д. Бакланова и О.К. Рогозина. – М.: ООО Издательство «Ладога-100», 2005, – 752 с.
79. Очерки истории УАССР / Б.С. Вихирев, И.П. Емельянов, Е.П. Никитин, Н. П.Павлов, В.К. Попов, М.А. Саадаков.– Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962. – 387 с.
80. Павлов, Н.П. Крестьянство Удмуртии 1946-1970 гг. : ист.- социол. очерки / Н.Н. Павлов. – Ижевск : Удмуртия, 1975. – 160 с.
81. Палецких, Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны / Н.П. Палецких. – Челябинск: ЧГАУ, 1995. – 150 с.
82. Пивоваров, Ю.Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность / Ю.Л. Пивоваров // Общественные науки и современность. – 2001. – № 6. – С. 101-113.

83. Пихоя, Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945–1991. Новосибирск, 2000; Р.Г. Пихоя. – [2-е изд.,испр.,доп.]. – Новосибирск: Сиб.хронограф, 2000. – 678 с.
84. Полян, П.М. Не по своей воле...История и география принудительных миграций в СССР / П.М. Полян. – М.: ОГИ : Мемориал, 2001. – 328 с.
85. Попов, В.В. Сталин и советская экономика в послевоенные годы / В. В. Попов // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 61-76.
86. Попов, В.П. О численности населения РСФСР в 40-е годы и причинах ее изменения / В.П. Попов // Деревни Центральной России: история и современность. – М.,1993. – С. 102-105.
87. Потемкина, М.Н. Эваконаселение в Уральском тылу (1941 – 1948 гг.) / М.Н. Потемкина. – Магнитогорск: МаГУ, 2006. – 263 с.
88. Потемкина, М.Н. Эваконаселение в Уральском тылу: опыт выживания / М. Н. Потемкина // Отечественная история. – 2005. – № 2. – С. 86-98.
89. Потемкина, М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы/ М.Н. Потемкина.– Магнитогорск: МаГУ, 2002. – 264 с.
90. Потемкина, М.Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала) / М.Н. Потемкина // Отечественная история. – 2002. – № 3. – С. 118–125.
91. Пыжиков, В.И. Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ / В.И. Пыжиков // Вопросы истории. – 2002. – № 2. – С. 33-43.
92. Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период / Под ред. д. экон. н. И.А. Гладкова. – М.: Наука, 1965. – 250 с.
93. Рашин, А.Г. Динамика промышленных кадров СССР за 1917–1958 гг./ А. Г. Рашин // Изменения в численности и составе советского рабочего класса. – М., 1961.–С. 34-45.

94. Репинецкий, А.И. Демографическая ситуация в Поволжье после окончания Великой Отечественной войны / А.И. Репинецкий // Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. – СПб, 1995. – С. 43-56.
95. Родионов, Н.А. Прием, размещение и трудовая деятельность эвакуированного населения в Удмуртской АССР (1941–1945) / Н.А. Родионов // В годы суровых испытаний. О ратном и трудовом подвиге сынов и дочерей Удмуртии. – Устинов, 1986. – С. 141-166.
96. Родионов, Н.А. Резэвакуация советских и иностранных граждан из Удмуртской АССР в 1943–1948 гг. / Н.А. Родионов // Новые исследования по истории Удмуртии. – Ижевск, 1991. – С. 186-206.
97. Савицкий, И.М. Оборонная промышленность Западной Сибири (конец 1930-х – середина 1960-х годов) / И.М. Савицкий // ЭКО. – 1999. – № 8. – С. 164-175.
98. Сенявский, А.С. Российская урбанизация: некоторые историко-методологические проблемы / А.С. Сенявский // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. – М., 1999. – С. 34-54.
99. Сенявский, С.Л. Рабочий класс СССР. (1938–1965 гг.) / С.Л. Сенявский, В.Б. Тельпуховский. – М.: Мысль, 1971. – 534 с.
100. Сивохина, Т.А. Апогей режима личной власти. «Оттепель». Поворот к неосталинизму. Общественно-политическая жизнь СССР в середине 40-х–60-е гг. / М.Р. Зезина, Т.А. Сивохина – М.: МГУ, 1993. – 31 с.
101. Симонов, Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления / Н.С. Симонов. – М.: РОССПЭН, 1996. – 336 с.
102. Смирнов А.В. Главный источник нашей силы: Рабочие промышленности СССР, 1945–1970 гг. / А.В. Смирнов. – М.: Мысль, 1984. – 200 с.
103. Смирнов, А.В. Изменение численности и состава рабочих тяжелого машиностроения СССР в годы 4 пятилетки (1946–1950) / А.В. Смирнов // Изменения в численности и составе советского рабочего класса. – М., 1961. – С. 32-42.

104. Соколов, А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) / А.К. Соколов // Экономическая история: Ежегодник. 2003. – М., 2004. – С. 74-99.
105. Социальная политика Советского государства: Укрепление ведущей роли рабочего класса в социалистическом строительстве / Отв. ред. В.З. Дробижев и др. М.: «Мысль», 1985. – 333 с.
106. Сурин, В.А. К вопросу о культурно-техническом уровне рабочих металлургов Урала (1946–1950 гг.) / В.А. Сурин // Рабочий класс Урала. 1937-1975. – Свердловск, 1979. – С. 41-53.
107. Суханов А.И. Рабочий класс Советской Удмуртии. 1917–1980 гг. Автореферат дисс...докт. ист. наук. М., 1988.
108. Суханов А.И. Рабочий класс Удмуртской АССР в 1946–1965 гг. (количественные и качественные характеристики). Автореферат дисс...канд. ист. наук. Ижевск, 1967.
109. Суханов А.И. Рабочий класс Удмуртии (1917–1970). Ижевск, 1979. Рабочий класс Удмуртии (1917–1970): Формирование и развитие промышленных рабочих / А. И. Суханов. – Ижевск: Удмуртия, 1979. – 179 с.
110. Суханов, А.И. Изменение в составе рабочего класса УАССР в 1946–1963 гг. (по материалам Ижевского металлургического завода) / А.И. Суханов// Ученые записки: История СССР. Всеобщая история. – Ижевск, 1967. Вып.15.
111. Толстых, В.И. Образ жизни. Понятие, реальность, проблема / В.И. Толстых. – М., Политиздат, 1978. – 184 с.
112. Трифонов, А.Н. Партийное руководство организацией снабжения продовольствием рабочего класса Урала (1941–1942 гг.) /А.Н. Трифонов// Рабочий класс Урала (1937–1975). – Свердловск, 1979. – С. 67-81.
113. Удмуртия за 40 лет Советской власти / Под ред. А.Н. Вахрушева. – Ижевск: Удм. кн-е изд-во, 1957. – 258 с.
114. Уледов, А.К. Общественная психология и идеология / А.К. Уледов. – М.: Мысль, 1985. – 268 с.

115. Улюкаев, А.О. О простых решениях непростых проблем. Денежная реформа 1947г. / А.О. Улюкаев // Коммунист. – 1990. – № 6. – С. 78-88.
116. Харитонов, А.Е. Основные этапы жилищного строительства в СССР / А.Е. Харитонов // Вопросы истории. – 1965.– № 5.– С. 50-64.
117. Хлевнюк, О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы/ О.В. Хлевнюк.–М.: РОССПЭН, 1996. – 304 с.
118. Хлевнюк, О.В. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х гг. и «дело Госплана» / О.В. Хлевнюк // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 77–88.
119. Хомутова Н.С. Социальная инфраструктура оборонно-промышленного комплекса на Урале в 1945–1955. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2007.
120. Чадаев, Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / Я.Е. Чадаев. – М.: Мысль, 1985. – 494 с.
121. Чернявский, У.Г. Война и продовольствие: снабжение: снабжение городского населения в годы Великой Отечественной войны / У. Г. Чернявский. – М. : Наука, 1964. – 208 с.
122. Чуднов, И.А. Новый взгляд на послевоенную конверсию / И.А.Чуднов // Свободная мысль XXI. – 2000. – № 9. – С. 91-102.
123. Чуднов, И.А. Планы и реалии послевоенной конверсии / И.А. Чуднов // ЭКО. – 2002. – № 11. – С. 160-169.
124. Чуднов, Н.А. Денежная реформа 1947 г. глазами современников / Н.А. Чуднов // Социологические исследования. – 1999. – № 2. – С.99-101.
125. Шалак А.В. Автохтонные источники продовольствия Восточной Сибири / А.В. Шалак // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2000. – С. 166–174.
126. Широков, Г.А. Промышленные рабочие послевоенного Поволжья. 1945–1960 гг. / Г.А. Широков.– Саратов: Изд-во Сарат. Ун-та, 1987.– 141 с.
127. Шкаратан О.И. Парадоксы советской урбанизации / О.И. Шкаратан // Судьбы современного города. – М., 1990. – С.78-82.

128. Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР (историко-социологическое исследование). М., «Мысль» 1970. – 250 с.
129. Эрзин Э.А. Великое испытание России Первой мировой войной / Э.А. Эрзин // Первая Мировая война: история и психология. Материалы Российской научной конференции 29-30 ноября 1999 г. – СПб., 1999. – С.14-18.